

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Лопотенко Вероника Симоновна

**МОДЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ДОСУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ
И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАЩИТНИКА**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Рудакова Светлана Викторовна

Краснодар – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
 Глава 1. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ: ГЕНЕЗИС, ОРГАНИЗАЦИЯ, МОДЕЛИ	
1.1. Генезис уголовно-процессуального обжалования	25
1.2. Структура, организация и модели современного уголовно- процессуального обжалования	39
1.3. Предмет и объект как основа формирования моделей досудебного обжалования	55
 Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРАВОВАЯ И НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОСУДЕБНОМ ОБЖАЛОВАНИИ	
2.1. Теоретическая и правовая основа участия адвоката в досудебном обжаловании	86
2.2. Нравственная основа и этические правила участия адвоката в досудебном обжаловании	103
2.3. Процессуальный потенциал защитника и его развитие при участии в досудебном обжаловании	128
 Глава 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТНИКОМ ПРЯМОЙ МОДЕЛИ ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО ПОДХОДА	
3.1. Основания досудебного обжалования судебных решений: стандартизированный подход	151
3.2. Основания обжалования судебных решений о заключении под стражу, постановленных в досудебном производстве	170
3.3. Обжалование решений о заключении под стражу в отношении обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономической деятельности: теоретические и правоприменительные проблемы	189

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	220

Приложение 1. Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации...»	256
Приложение 2. Проект заявления доверителя об отказе от обжалования	261
Приложение 3. Анкета для опроса практических работников и результаты анкетирования	262

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Законодатель в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определил назначение уголовного судопроизводства, обозначив в качестве приоритета защиту прав лиц от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а также ограничения прав и свобод. Указанная законодательная формула позволяет рассматривать защиту прав участников уголовного судопроизводства как комплексный процессуальный механизм, имеющий множество векторов своего приложения, охватывающий все уголовное судопроизводство, гарантирующий применение различных средств для общих и частных процессуальных ситуаций.

Законодательно защита прав участников трансформируется в совокупность процессуальных прав субъектов уголовно-процессуальных отношений и полномочия должностных лиц и государственных органов по их обеспечению. Однако, субъекты уголовно-процессуальных отношений могут не только рассчитывать на содействие в обеспечении их прав со стороны государственных органов и должностных лиц, но и наделяются возможностью самостоятельно и инициативно воздействовать на состояние законности уголовного судопроизводства, а также самым активным образом защищать свои права и законные интересы. Одним из наиболее часто используемых средств для защиты субъективных прав выступает уголовно-процессуальное обжалование. Его реализация повышает уровень законности и обоснованности всего уголовного судопроизводства. Элементы уголовно-процессуального обжалования имеются во всех стадиях и производствах. Право на обжалование составляет как принцип уголовного судопроизводства, так и выступает универсальным субъективным правом.

Впечатляющим является масштаб реализации этого права в досудебном производстве. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ежегодно прокуроры рассматривают более 800 тысяч жалоб на нарушения закона в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе более 300

тысяч – на нарушения при производстве предварительного следствия и дознания¹.

В то же время отдельные статистические данные убеждают в том, что обжалование сталкивается с серьезными трудностями. Так, обращают на себя внимание низкие показатели удовлетворения жалоб в досудебных стадиях. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за последние три года в результате рассмотрения жалоб в порядке ст.125 УПК РФ этот показатель снизился с 5% до 3%². Из всех апелляционных жалоб на судебные решения, вынесенные в порядке судебного контроля в досудебном производстве, 30% составляют жалобы на постановления об избрании мер пресечения, из которых удовлетворяется не более 7%. Тем самым подтверждает не только массовость, но и социально-правовая значимость досудебного обжалования, наличие проблем обеспечения качества судебных решений в досудебном производстве, когда результативность апелляционного пересмотра остается невысокой³.

Цифры – не единственный настораживающий фактор, хотя количественные показатели, их динамика и проявляемые тенденции являются важным аспектом в определении проблематичности этой уголовно-процессуальной сферы.

Не менее показательный аспект – правоприменительная практика, результаты анализа которой убеждают в том, что во многих случаях участники уголовного судопроизводства сталкиваются с трудностями, порождаемыми отсут-

¹ Об утверждении и о введении в действие статистического отчета «О работе прокурора по рассмотрению заявлений, жалоб и иных обращений» по форме ОЖ и Инструкции по его формированию: приказ Генпрокуратуры России от 08.07.2020 № 362 / Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 08.09.2026).

² Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 и 2024 гг., за 6 мес. 2025 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

³ Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 12 месяцев 2023 и 2024 гг., за 6 мес. 2025 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

ствием системности в правовом регулировании уголовно-процессуального обжалования. Речь идет о таких сторонах обжалования, как определение объекта, предмета и оснований к обжалованию, о круге субъектов права на обжалование в досудебном производстве, содержании этого права, применительно к досудебным стадиям, механизме реализации этого права, требующего адаптации к особенностям досудебного производства, о недостатке полномочий для полноценного участия в процедурах обжалования, и многих иных.

Особую научную сложность и практическую значимость имеют вопросы к процедуре обжалования, которая в досудебном производстве испытывает серьезное давление со стороны формы досудебного производства (приобретая под этим воздействием специфические характеристики, как, например, возможность использования для обоснования судебного решения сведений, не являющихся доказательствами, предположительный характер выводов, позволяющих, тем не менее, принимать решения об ограничении конституционных прав граждан и др.), а затем вынужденно подчиняется общим установлениям, предусмотренным для производства в вышестоящих судебных инстанциях (апелляция и кассация не имеет дифференциации для судебных решений, постановленных в досудебных стадиях).

Существенным для выбора темы научного исследования стал и тот факт, что суд в досудебных стадиях имеет широкую возможность выносить свои решения, отличающиеся по содержанию, характеру, основаниям постановления, но при этом их обжалование происходит по общим процессуальным правилам.

Самостоятельное законодательное, теоретическое и правоприменительное значение приобретают вопросы реализации права на обжалование в частных процессуальных случаях, например, обжалование заключения под стражу в досудебных стадиях лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. Несмотря на закрепленную в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ специальную гарантию, обуславливающую заключение под стражу по ряду экономических составов преступлений наличием связи инкриминируемого деяния с предпринимательской

деятельностью, правоприменительная практика демонстрирует порой формальный, декларативный подход к установлению данной связи на этапах обжалования, а иногда и полное отсутствие процессуальных возможностей проверить наличие необходимых оснований для избрания этой меры пресечения. Очевидно, что такая ситуация снижает практическую действенность указанной гарантии и требует самостоятельного научного осмысления с учетом наработок, полученных при исследовании общих аспектов уголовно-процессуального обжалования.

Полагаем, что сложность разрешения указанных вопросов – следствие отсутствия достаточного внимания к выстраиванию системы досудебного уголовно-процессуального обжалования со стороны ученых. Несмотря на наличие серьезного научного задела по многим фундаментальным аспектам до настоящего времени не предпринималось разработок процессуальных механизмов – моделей досудебного уголовно-процессуального обжалования, позволяющих добиваться необходимого высокого уровня согласованности различных по своей процессуальной сущности средств.

Учитывая комплексность проблем досудебного уголовно-процессуального обжалования, результатом их исследования должны стать модели, охватывающие теоретическую основу, правовое регулирование процедурные и правоприменительные аспекты обжалования.

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что синхронизация переходов элементов обжалования внутри его системы, учет особенностей досудебного производства в процедурах производства в вышестоящих судебных инстанциях является значимой уголовно-процессуальной проблемой и составляет **актуальное** направление для проведения современного научного монографического исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Заявленная тема имеет комплексную теоретическую основу, образованную результатами ранее проведенных исследований, которые затрагивают вопросы, как непосредственно относящиеся к данной работе, так и тесно с нею соприкасающиеся.

Исследованию основ уголовно-процессуального обжалования в досудебном производстве посвящены работы: М.В. Азванова, А.Н. Артамонова, В.Г. Волколупова, О.В. Гладышевой, Н.В. Горак, Э.Р. Миргородской, О.А. Максимова, П.С. Морозовой, А.Н. Резникова, С.В. Рудаковой, В.А. Семенцова, О.В. Химичевой, А.С. Червоткина, М.Г. Янина и иными учеными. Полученные результаты свидетельствуют о наличии существенного задела по таким аспектам, как круг субъектов, принципы обжалования (в частности, свобода обжалования), злоупотребление правом на обжалование, выделение отдельных форм обжалования и т.д. Эти результаты подлежат творческому развитию в направлении конкретизации определения моделей досудебного уголовно-процессуального обжалования, таких его элементов, как субъекты, содержание права на обжалование в досудебных стадиях.

Серьезные разработки по исследованию оснований обжалования и пересмотра, их соотношению предприняты Г.Я. Борисевич Л.А. Воскобитовой, В.А. Давыдова, А.Б. Диваева, О.В. Качаловой, П.А. Лупинской, А.М. Панокина, и др. В рамках имеющейся доктрины видится необходимым продолжение исследования вопросов определения законности, обоснованности, мотивированности и справедливости промежуточных судебных решений, постановленных в досудебном производстве, а также разработки специфических оснований для их обжалования.

Избранный в диссертации прикладной аспект (разработка модели обжалования судебных решений о применении заключения под стражу, постановленного в досудебном производстве, в отношении предпринимателей) в предложенном в диссертации контексте непосредственно не исследовался. Однако, теоретические основы для разработки необходимых положений имеются в работах Е.В. Ежовой, В.В. Рудича, С.В. Рудаковой, А.Н. Савченко, Е.В. Саюшкиной, Н.А. Симагиной, Н.А. Шатова и других авторов, рассмотревших процессуальные характеристики предпринимателей, как субъектов уголовно-процессуальных отношений, и сформировавших общие подходы к определению их процессуального статуса, включая наделение правом на обжалование.

Процедурная специфика применения мер пресечения к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, исследовалась О.В. Гладышевой, Н.В. Григорьевой, А.В. Гриненко, В.А. Гончаровой, А.Д. Жиделевым, В.А. Семеновым, а также другими авторами. Учеными подробно рассмотрены имеющиеся законодательные особенности, включая ограничения на применение заключения под стражу. В то же время на теоретическом уровне до настоящего времени не получила должного разрешения проблема обеспечения права на защиту для предпринимателей, против которых ведется уголовное преследование, в сфере апелляционного обжалования.

Учитывая направление исследования развития процессуального потенциала защитника при его участии в досудебном обжаловании, были изучены работы, посвященные статусу адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, авторами которых, в том числе выступают Т.С. Дворянкина, А.Г. Долгушин, С.С. Дударев, А.Л. Калинина, О.А. Малышева, Г.Б. Мирзоев, А.В. Полякова,, А.А. Тарасов, Д.А. Тузов, Ю.Б. Чупилкин, Р.В. Хмыров и др.

Признавая значительный вклад ученых в разработку обеспечения права на защиту применительно к теории уголовно-процессуального обжалования, отметим, что специального комплексного исследования, посвященного системе и моделям досудебного обжалования, проблемам их синхронизации и систематизации в отечественной уголовно-процессуальной науке не проводилось. Не подвергались системному научному анализу и вопросы дифференциации оснований обжалования применительно к промежуточным судебным решениям о мере пресечения в сопоставлении с основаниями, рассчитанными на пересмотр приговора.

Изложенное свидетельствует о сохраняющейся актуальности темы и обосновывает выбор направления настоящего диссертационного исследования.

Цель исследования – выявить и теоретически обосновать объективные особенности досудебного уголовно-процессуального обжалования, определяющие необходимость разработки дифференцированных моделей обжалования для

досудебного производства, и на примере деятельности защитника показать практическую реализуемость таких моделей, тем самым развивая доктринальные положения об уголовно-процессуальном обжаловании.

Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие задачи:

- исследовать генезис уголовно-процессуального обжалования, раскрыть особенности его правовой организации и структуры в досудебном производстве;
- сформировать модели обжалования в досудебном производстве;
- разработать подходы к разграничению досудебного обжалования, доказать наличие самостоятельных объектов и предметов обжалования;
- изучить теоретическую и правовую основу участия адвоката в досудебном обжаловании;
- раскрыть нравственную основу и этические правила участия адвоката в досудебном обжаловании, рассмотреть вопрос о дуалистической сущности права адвоката на обжалование;
- проанализировать процессуальный потенциал защитника, выявить его скрытые возможности в сфере обжалования в досудебном производстве, разработать алгоритм его действий и предложить теоретическую модель его обновленного процессуального статуса;
- определить пределы применимости общих оснований апелляционного обжалования судебных решений (ст. 389.15–389.18 УПК РФ) к обжалованию постановлений об избрании заключения под стражу, вынесенных в досудебном производстве;
- проверить гипотезу о возможности расширения совокупности оснований апелляционного обжалования и предложить дополнительные основания для апелляционного обжалования решений о заключении под стражу, учитывающие особенности досудебного производства, в том числе вероятностный характер лежащих в их основе выводов;

– предложить ответы на имеющиеся теоретические вопросы и пути решения сложившихся правоприменительных проблем, локализованных в сфере досудебного обжалования заключения под стражу в отношении обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономической деятельности.

Объектом исследования выступают уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся между подозреваемым, обвиняемым, защитником, должностными лицами досудебного производства и судом в связи с реализацией защитником своего права на обжалование в досудебном производстве.

Предметом исследования являются нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального законодательства и законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, доктринальные положения теории права, уголовного права уголовного процесса, материалы судебной, следственной и адвокатской практики, статистические данные, а также результаты теоретических и эмпирических исследований, полученные автором и другими учеными.

Методологическую основу исследования составили традиционные, имеющие многолетнюю апробацию философские, общенаучные, специальные и частно-научные методы познания.

Суть применяемой методологии составил метод диалектического познания, который сделал возможным выявление общих и частных закономерностей, сопряженных с противоречием между универсальным характером законодательных оснований апелляционного обжалования, рассчитанных на пересмотр итоговых судебных решений и особенностями промежуточных судебных решений, включая решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

К числу таких закономерностей относятся, во-первых, взаимообусловленность доказательственной логики, лежащей в основе пересмотра приговора, и вероятностной логики, определяющей содержание оснований для избрания и продления меры пресечения. Во-вторых, зависимость законности, обоснованности и

мотивированности апелляционного решения по жалобе на постановление о заключении под стражу от правильности определения оснований его пересмотра с учетом процессуальной природы обжалуемого акта. В-третьих, развитие досудебного обжалования порождает потребность в выделении самостоятельных, специальных оснований отмены и изменения решений о мере пресечения, не тождественных основаниям пересмотра итоговых судебных решений. В-четвертых, выявленные особенности создают противоречия в правоприменении, и обуславливают необходимость дифференцированного подхода к процедурам обжалования в досудебных стадиях, в зависимости от вида процессуального решения, подлежащего обжалованию. Это обстоятельство позволило, применив иные научные методы, в том числе гипотетический выдвинуть гипотезу о возможности формирования отдельных процессуальных моделей досудебного обжалования.

В рамках исследования широко использовались разнообразные варианты аналитического метода:

– теоретический анализ помог определить пределы применимости общих (стандартизированных) оснований обжалования к решениям о применении мер пресечения, а также выяснить отношение ученых к проблеме дифференциации оснований пересмотра итоговых и промежуточных судебных решений. Полученные данные позволили обосновать авторскую точку зрения о необходимости дифференцированного подхода к определению оснований обжалования, а также высказать мнение о направлениях этой дифференциации, ее критериях, и конкретных вариантах таких оснований для частных процессуальных ситуаций;

– системный анализ, направленный на формулирование и разрешение проблем, обусловленных представлением об универсальности системы оснований, предусмотренных ст. 389.15 УПК РФ, позволил изучить применение общих оснований апелляционного обжалования к решениям о заключении под стражу и обосновать необходимость выделения дополнительных оснований для апелляционного обжалования и пересмотра указанных решений и их нормативного закрепления;

– структурный анализ показал наличие серьезных пробелов в механизме досудебного обжалования, стесняющих участников уголовного судопроизводства в реализации гарантированного права на защиту, а также снижающих эффективность его обеспечения со стороны защитника. Соответственно эти пробелы стали поводом для формирования предложений по совершенствованию ряда ключевых научных позиций, касающихся процессуальных взаимоотношений подозреваемого, обвиняемого и защитника, статуса защитника, средств реализации процессуальных прав в сфере обжалования, а также иных аспектов.

Описательный метод позволил подробно изложить объективно существующую ситуацию в сфере апелляционного обжалования решений о мере пресечения, в том числе применительно к делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Применение данного метода позволяет четко представить позитивные и негативные стороны существующего алгоритма, определить системные связи форм досудебного обжалования с процессуальными статусом участников, средствами реализации их прав. Учитывая, что право на защиту, его обеспечение составляет принцип уголовного судопроизводства описательный метод позволил выявить элементы этого принципа в системе досудебного обжалования, каждой из его форм, оценить эти элементы с точки зрения их рациональности, достаточности, эффективности и сформулировать точку зрения о возможности и необходимости совершенствования системы уголовно-процессуального обжалования с учетом более полного внедрения в его содержание принципа обеспечения права на защиту.

Сравнительно-правовой метод использован при сопоставлении оснований обжалования итоговых и промежуточных судебных решений, а также при анализе судебной практики судов различных регионов Российской Федерации. Посредством этого метода были обнаружены существенные расхождения в оценке правоприменителями одних и тех же обстоятельств, влияющих на законность и обоснованность судебных решений о применении заключения под стражу. Эти данные позволили сделать выводы не только об отсутствии единообразной су-

дебной практики, что само по себе следует рассматривать как серьезную проблему, но и о наличии дополнительного риска необоснованного ограничения конституционных прав лиц, против которых ведется уголовное преследование, влекущего необеспеченность их права на защиту в сфере досудебного обжалования и недостаточность процессуальных средств для достижения назначения уголовного судопроизводства.

Путем применения формально-логического метода выявлены внутренние противоречия и пробелы действующего законодательного регулирования, в том числе в части полномочий должностных лиц по рассмотрению и разрешению жалоб в досудебном уголовном производстве.

Метод проектного моделирования сделал возможным формирование целостного алгоритма действий защитника при подаче жалобы в досудебном производстве и привел к созданию отдельных моделей досудебного уголовно-процессуального обжалования.

Применялись также статистический и социологический (анкетирование 146 респондентов – адвокатов, судей, прокурорских работников, следователей и дознавателей) методы.

Теоретическую основу исследования составили труды ученых в области философии, теории права, уголовного и уголовно-процессуального права, отдельных аспектов гражданско-правовых отношений, складывающихся в связи с уголовным судопроизводством в отношении граждан-предпринимателей, а также работы, посвященные организации и деятельности адвокатуры, нравственным основам адвокатской деятельности и их реализации в уголовно-процессуальном обжаловании.

Нормативная основа исследования образована положениями Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», иных федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов. Отдельные вопросы темы потребовали обращения к ведомственным актам, а также решениям

и рекомендациям Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и адвокатских палат субъектов Российской Федерации, включая Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

Эмпирическую основу исследования составили правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, опубликованная и неопубликованная судебная практика.

По ряду актуальных вопросов проведено анкетирование 146 респондентов (16 судей, 31 работник органов прокуратуры, 37 следователей и дознавателей, 62 адвоката). Изучены и обобщены материалы судебной практики судов общей юрисдикции в 16 регионах Российской Федерации, материалы адвокатской и дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов Российской Федерации, а также статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2023–2025 гг.

Научная новизна исследования заключается в разработке совокупности теоретических положений о дифференциации досудебного уголовно-процессуального обжалования, формировании его моделей применительно к отдельным судебным решениям, позволяющих преодолеть стандартизированный подход законодателя к процедуре обжалования. Прикладной аспект этой разработки сделал возможным уточнить процессуальный потенциал адвоката-защитника в сфере досудебного уголовно-процессуального обжалования, основанный на углубленном внедрении в его статус нравственных основ адвокатской деятельности.

Научная новизна конкретизируется в следующих результатах:

– уголовно-процессуальное обжалование предлагается рассматривать не как институт уголовно-процессуального права, а как комплексную юридическую конструкцию, в состав которой включаются элементы, обладающие разнородными правовыми характеристиками, что усиливает потребность в концептуальном разрешении возникающих между ними противоречий и необходимость их

систематизации, а также синхронизации этих элементов и их взаимной интеграции в общие модели уголовно-процессуального обжалования;

- научно доказано наличие сложной организации уголовно-процессуального обжалования, в структуру которого входят модели, локализованные в досудебном и судебном производствах, предназначенные для реализации в конкретных процессуальных ситуациях;

- сформирована и обоснована позиция о наличии в досудебном производстве следующих моделей обжалования: внесудебной, комплексной судебной, прямой судебной;

- разработаны объект и предмет для каждой из предложенных моделей;

- аргументирована методологическая несостоятельность применения общих оснований апелляционного обжалования (ст. 389.15–389.18 УПК РФ) рассчитанных на проверку приговора, к промежуточным постановлениям суда, вынесенным в досудебном производстве;

- подтверждена гипотеза о возможности дополнения совокупности оснований обжалования в досудебном производстве;

- выдвинуты и теоретически обоснованы предложения конкретных формулировок дополнительных оснований обжалования решений о заключении под стражу, учитывающие особенности досудебного производства, в том числе вероятностный характер лежащих в их основе выводов;

- расширен терминологический аппарат: предлагаются к внедрению новое понятие «процессуальный потенциал защитника», включающее нормативную (статическую) и деятельностьную (динамическую) составляющие;

- разработана теоретическая модель трехэтапного алгоритма действий защитника при апелляционном обжаловании заключения под стражу;

- обосновано расширение прав защитника, с соответствующей корректировкой в ст. 53 УПК РФ и ст. 389.6 УПК РФ;

– разработано теоретическое определение презумпции связи инкриминируемого подозреваемому, обвиняемому деяния с осуществлением им предпринимательской деятельности и с возложением бремени ее опровержения на сторону обвинения и ее нормативное закрепление в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Уголовно-процессуальное обжалование представляет собой самостоятельную юридическую конструкцию, интегрированную в правообеспечительный механизм в системе уголовно-процессуального права. Генезис уголовно-процессуального обжалования убеждает в том, что его исходной (первоначальной) формой была судебная, что накладывает свой отпечаток на последующие его формы и до настоящего времени определяет все его основные характеристики.

Выявленная динамика в историческом развитии уголовно-процессуального обжалования свидетельствует о тенденции постоянного усложнения его уголовно-процессуальных форм, что порождает настоятельную потребность в мониторинге их надлежащей систематизации, согласовании, а также ставит задачу по дифференциации правил реализации, с учетом особенностей отдельных развивающихся направлений. Обязательным элементом организации современного уголовно-процессуального обжалования выступает совокупность моделей, применение которых осуществляется в досудебном производстве: внесудебная (ст. 124 УПК РФ), комплексная судебная и прямая судебная.

2. Комплексная судебная модель обжалования включает несколько самостоятельных направлений (этапов): обжалование процессуальных действий, бездействия и решений в ходе досудебного производства в порядке ст. 125 УПК РФ; обжалование судебных решений, постановленных в порядке ст. 125 УПК РФ в вышестоящих судебных инстанциях в порядке, установленном ст. 127 УПК РФ. Второе направление логично вытекает из первого, поскольку отсутствие судебного решения, вынесенного в порядке ст. 125 УПК РФ, исключает применение последующего обжалования. При этом каждое из направлений характеризуются

сходными правилами: оба составляют право заинтересованных лиц, оба направлены на проверку законности и выполнение иных требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к соответствующей категории судебных решений. При этом процедура каждого из направлений существенно отличается. Важным разграничительным условием является недопустимость параллельного обжалования одного и того же действия как по ст. 124 УПК РФ, так и по ст. 125 УПК РФ, поскольку при наличии ранее вынесенного решения по ведомственной жалобе суд вправе отказать в принятии идентичного обращения к производству.

Объектом первого направления (этапа) комплексной модели обжалования выступает законность и обоснованность процессуальных действий, бездействия и решения органов досудебного производства, предметом являются процессуальные действия, бездействие и решения органов досудебного производства; объект второго направления (этапа) обжалования – законность, обоснованность и мотивированность судебного решения, предмет – судебное решение, постановленное в порядке ст. 125 УПК РФ.

3. Прямая модель судебного обжалования обладает следующими особенностями. Ее регламентация в рамках досудебного производства практически отсутствует. Имеются правила постановления судебных решений, которые в дальнейшем могут стать предметом этой формы – постановления суда о производстве следственных действий, требующих судебного решения, о применении заключения под стражу и иных мер пресечения, и другие, вынесение которых отнесено к компетенции суда в досудебном производстве в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ. В ст. 127 УПК РФ определено, что судебные решения, постановленные в досудебном производстве, подлежат обжалованию в соответствии с правилами гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ. Все остальные предписания нормативного характера локализованы в этих главах. Несмотря на то, что законодательные положения, регламентирующие эту модель досудебного обжалования весьма фрагментарны, нам представляется, что ее также необходимо рассматривать как отдельный процессуальный институт, поскольку эта модель обладает исключительной право-

вой значимостью: в ее рамках осуществляется проверка судебных решений, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в досудебном производстве. Соответственно реализация этого института имеет непосредственное отношение к достижению назначения уголовного судопроизводства и нуждается в надлежащем развитии процессуального содержания.

Объект прямой модели судебного обжалования фиксируется в ст. 7 УПК РФ, но субъекты права на подачу апелляционной жалобы не имеют нормативного закрепления; предметом обжалования является перечень судебных решений, входящих в компетенцию суда на основании предписаний ч. 2 ст. 29 УПК РФ, за исключением тех, что определены в ст. 125 УПК РФ.

4. Реализацию любой из моделей досудебного обжалования следует рассматривать как средство обеспечения права на защиту в досудебном производстве, что существенно повышает правовую, социальную и нравственную ценность вовлечения адвоката в эту сферу.

Дуалистическая сущность права защитника на обжалование (сочетания права и обязанности) подлежит законодательной корректировке в сторону усиления обязывания защитника приносить жалобы в случаях ограничения конституционных прав лиц, против которых ведется уголовное преследование. Этот же вывод диктуется нравственно-этическими основами адвокатской деятельности в уголовном судопроизводстве.

В целях повышения эффективности обеспечения права на защиту путем апелляционного обжалования судебных решений о заключении под стражу и обеспечения права защитника на согласование позиции с доверителем предлагается дополнить Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве положениями, разграничивающими дисциплинарную ответственность адвоката за неисполнение обязанности по обжалованию в зависимости от основания его участия в деле, а также устанавливающими обязательность фиксации несогласия подзащитного с позицией адвоката по вопросу обжалования.

5. Обращение защитника в апелляционную инстанцию в досудебном производстве имеет высокую степень правовой и социальной значимости. Тем не

менее, в настоящее время не существует единой концепции апелляционного обжалования защитником судебных решений, постановленных в досудебном производстве. Имеются разрозненные научные положения, касающиеся общих аспектов, но не позволяющих в полном объеме представить теоретическую основу этой деятельности защитника. В качестве одного из основных элементов теоретической конструкции апелляционного обжалования предлагаем структуру процессуального статуса адвоката-защитника при реализации им досудебного обжалования судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях:

- общий процессуальный статус;
- особенности статуса защитника в досудебном производстве;
- совокупность полномочий, необходимых защитнику применительно к обжалованию в досудебном производстве.

Для реализации каждой из сформулированных моделей обжалования необходимо выделить дополнительный уровень, образованный совокупностью специфических полномочий.

Законодательная основа процессуальной деятельности адвоката-защитника в указанной сфере также имеет многочисленные проблемы, причины которых кроются в отсутствии индивидуализированного подхода к таким сторонам обжалования, как: длительность (сокращенность) и порядок исчисления сроков подачи апелляционных жалоб (от момента постановления не всегда приемлемо для адвоката, не участвовавшего и не извещенного о принятом судебном решении); определение предмета обжалования (разночтения между различными положениями уголовно-процессуального закона, определяющих компетенцию суда в досудебном производстве и суда апелляционной инстанции); не специализированный подход к определению оснований отмены либо изменения судебных решений промежуточных, постановленных в досудебном производстве.

6. Процессуальный потенциал защитника представляет собой самостоятельную научную и практически значимую категорию, не сводимую к формальному перечню его полномочий, и включающую нормативную составляющую – объем и конкретизацию закрепленных законом полномочий, и деятельностьную

составляющую – способы, средства и методы их фактической реализации, обусловленную профессиональной активностью адвоката. Эффективность апелляционного обжалования решений о заключении под стражу определяется состоянием обеих составляющих в их взаимосвязи.

Реализация процессуального потенциала защитника в его динамическом измерении обеспечивается трехэтапным алгоритмом его действий: формирование согласованной с доверителем позиции относительно избранной меры пресечения; подготовка, написание и направление апелляционной жалобы; участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции.

Нормативная составляющая процессуального потенциала защитника ограничена: закон не наделяет защитника правом, симметричным фактической практике использования следствием сведений, не имеющих статуса доказательств, что снижает состязательность производства по вопросу о мере пресечения. Устранение данного ограничения требует наделения защитника полномочиями представлять суду материалы, не имеющие статуса доказательств; получать письменные пояснения от лиц, предоставивших такие материалы; заявлять в суде апелляционной инстанции ходатайство о вызове и допросе лица, предоставившего неформальные сведения (соответствующие дополнения предлагается внести в ч. 1.1 ст. 53 УПК РФ). Корреспондирующие обязанности суда апелляционной инстанции предлагается закрепить в части 2.1 статьи 389.6 УПК РФ.

7. Предлагается дифференциация оснований досудебного обжалования. Модернизация совокупности оснований видится во внедрении дополнительных оснований для апелляционного обжалования судебных решений, постановленных в досудебном производстве (их фиксация в правоприменении установлена данными, полученными в ходе проведенного исследования): несоответствие выводов суда о наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, предъявленным стороной обвинения и исследованным судом обстоятельствам; неполнота исследования судом обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ и данных,

представленных стороной защиты; обоснование судебного решения обстоятельствами, не исследованными в судебном заседании; несоразмерность избранной меры пресечения.

Есть необходимость дополнить УПК РФ новой статьей 389.15.1, закрепляющей указанные основания для придания им самостоятельного правового значения.

8. Производство по апелляционной жалобе как условие обеспечения права предпринимателей на защиту по уголовным делам требует существенного развития процессуальной формы. Требуется совершенствование процессуальной способности защитника представлять суду совокупность фактических данных, опровергающих формальную позицию стороны обвинения об отсутствии связи деяния с предпринимательской деятельностью, что подтверждает практическую значимость расширения процессуального потенциала защитника применительно именно к данной категории дел.

Предлагается ввести в уголовное судопроизводство презумпцию связи инкриминируемого деяния с осуществлением предпринимательской деятельности. Ее основные характеристики: опровержимая, обязанность опровержения возлагается на сторону обвинения. Условием опровержения предлагаемой презумпции выступает доказывание в судебном заседании обстоятельств, свидетельствующих, что лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, не занимается предпринимательской деятельностью либо занимается, но преступление не имеет связи с этой деятельностью.

Часть 1.1 статьи 108 УПК РФ надлежит дополнить соответствующими положениями.

Теоретическая значимость исследования проявляется в нескольких направлениях:

– получили дальнейшее развитие научные представления об основаниях уголовно-процессуального обжалования применительно к промежуточным судебным решениям, постановленным в досудебном производстве, основной идеей которого выступает концепция их дифференциации;

– разработаны и теоретически обоснованы модели обжалования в досудебном производстве, обладающие существенными отличиями в объекте и предмете от всех иных процессуальных форм обжалования и позволяющие сформировать проектные модели процессуальных алгоритмов реализации права на обжалование как средства обеспечения права на защиту в случаях постановления судебных решений, ограничивающих конституционные права граждан в досудебном производстве;

– предложены пути разрешения правовых коллизий и противоречий научного, законодательного, правоприменительного и нравственно-этического характера в определении процессуального потенциала защитника, характера его полномочий, способов и средств их реализации.

Полученные результаты создают теоретическую основу для дальнейших исследований дифференциации процессуальной формы обжалования в досудебном производстве, применительно к реализации защитником права на обжалование.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью непосредственного использования полученных результатов в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства (предложенные редакции ст. 53, 108, 389.6, 389.15.1 УПК РФ), в правоприменительной адвокатской деятельности, внедрением указанных результатов в учебный процесс (направления подготовки «Юриспруденция»: 40.03.01, 40.04.01, 40.06.01; «Правовое обеспечение национальной безопасности»; «Судебная и прокурорская деятельность»), в том числе для преподавания курсов «Уголовный процесс», «Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс)», специальных дисциплин «Осуществление защиты по уголовным делам», «Профессиональные навыки адвоката» и др.

Достоверность результатов исследования обеспечена использованием научно апробированной методики, длительностью исследования (2016–2026 гг.), широтой и репрезентативностью эмпирической базы, масштабом теоретического анализа нормативной правовой базы и научной литературы, а также апробацией полученных результатов.

Апробация результатов исследования. Основные результаты проведенного диссертационного исследования прошли апробацию по различным направлениям:

- опубликованы в 13 статьях общим объемом 6,4 п. л., в том числе 7 – в научных журналах из списка, рекомендованного Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований;

- докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях в 2016–2026 гг.;

- обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета;

- внедрены в учебный процесс юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета (акт внедрения от 25 сентября 2026 г.).

- внедрены и используются на курсах повышения квалификации Адвокатской палаты Краснодарского края (акт внедрения от 25 сентября 2026 г.),

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка использованных источников и трех приложений.

Глава 1. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЖАЛОВАНИЕ: ГЕНЕЗИС, ОРГАНИЗАЦИЯ, МОДЕЛИ

1.1. Генезис уголовно-процессуального обжалования

Обжалование является основным и наиболее часто используемым участниками уголовного судопроизводства способом защиты прав и законных интересов.

Уголовно-процессуальный закон не закрепляет понятие «обжалование», ввиду чего целесообразно обратиться к современной доктрине уголовно-процессуального обжалования, активно исследуемой в работах современных ученых-процессуалистов¹.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, «обжалование» («обжаловать») толкуется как «жалоба по поводу принятого решения»². По мнению Д. Н. Ушакова, обжалование в широком смысле означает процесс действия по значению глагола «обжаловать»³.

Есть авторы, которые ассоциируют обжалование с понятием «жалоба» или подачей жалобы⁴. Так, А. С. Телегина считает, что еще с советского периода обжалование рассматривается как возможность личности подать жалобу на реше-

¹ См.: Дрозденко О.О., Янин М.Г. Проблемы реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в судебном порядке в уголовном судопроизводстве // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер.: Право. 2020. № 3. С. 76; Ильин Д.В. Обжалование незаконных действий должностных лиц в уголовном процессе: правовые и доктринальные основы // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2. № 1. С. 39.

² См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: 28-е изд., перераб. / под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2024; Кущинская А.А. Обзор проблемных вопросов рассмотрения жалоб на решения таможенных органов в контексте прокурорского надзора // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 5 (57). С. 231.

³ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 3: П – Ряшка / гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С. И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939.

⁴ Бородин И.Л. Обжалование по делам об административных правонарушениях, подведомственным органам внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук: М., 1993. С. 69.

ния по делу органам, имеющим право изменить или отменить обжалованное решение¹. Думается, что не следует так сужать рассматриваемое понятие ввиду того, что процесс обжалование не ограничивается только написанием жалобы или ее подачей.

Д.В. Леонов рассматривает обжалования как систему норм, регулирующих процедуры обжалования², а М.И. Усаров – как реализацию права на жалобу³. Е.А. Кузьмина считает, что право на обжалование проявляется в помощи участнику уголовного судопроизводства активно отстаивать свои законные интересы, добиваться полноценной реализации иных предоставленных ему прав⁴. М.В. Азванов утверждает, что реализация права на обращение к органам и должностным лицам за защитой своих прав является одним из важных средств, обеспечения права и законных интересов лиц, попавших в орбиту уголовно-процессуальных отношений⁵.

Иной точки зрения придерживается М.В. Складенко, определяя обжалование как разновидность судебных, особых государственно-властных отношений, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума генерировать механизмы разрешения конфликтов, возникновение которых обусловлено деятельностью низших судебных инстанций, на основе норм права, обеспечиваемая мощностью государства⁶.

¹ Телегина А.С. Институт апелляции в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность и назначение // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 249.

² Леонов Д.В. Структура института досудебного обжалования в современном административном праве России // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 79.

³ Усаров М.И. Право на жалобу как принцип уголовного процесса и средство защиты прав несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

⁴ Кузьмина Е.А. Право на обжалование процессуальных действий и решений как средство защиты прав и свобод гражданина в досудебном производстве // Право и политика. 2017. № 12. С. 85.

⁵ Азванов М.В. Предмет обжалования в досудебном производстве по уголовному делу // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 105.

⁶ Складенко М.В. Законодательство, регламентирующее систему обжалования, проверки и исправления судебных ошибок в уголовном процессе (достижения и ошибки) // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 707.

По мнению И.В. Шепелина, обжалование можно рассматривать как процедуру выражения несогласия по какому-либо вопросу и принятия решения по данному поводу¹.

Е.Г. Шадрина обращает внимание на то, что обжалование является одной из гарантий обеспечения прав и свобод человека, при этом акцентируя внимание на восстановительной и регулятивной функциях обжалования², поскольку оно способствует устранению, предупреждению будущих нарушений закона со стороны органов, осуществляющих уголовного преследования. Более того, А.Ю. Ключников называет обжалование «средством контроля за производством предварительного расследования»³.

Интересным представляется мнение О.В. Химичевой и Д.В. Шарова, которые определяют сущность уголовно-процессуального обжалования через понятие «свобода обжалования, считая, что оно направлено на всестороннюю защиту законных интересов граждан посредством реализации их прав»⁴.

В.М. Шеншин обжалование рассматривает как процессуальная деятельность по подаче жалобы заинтересованным лицом, чьи законные интересы нарушены либо подразумевается их нарушение со стороны лиц, осуществляющих уголовное преследование⁵.

В.Г. Волколупов трактует обжалование как особый вид правоотношения, которое возникает между лицом, чьи интересы затронуты, и соответствующим

¹ Шепелин И.В. Уголовно-процессуальные обращения в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 152.

² Шадрина Е.Г. Институт судебного обжалования действий и решений органов уголовного преследования требует совершенствования // Ленинградский юридический журнал. 2017. №4 (50). С. 152.

³ Ключников А.Ю. Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство: проблемы нормативного закрепления, практики применения // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2016. № 1 (24). С. 234.

⁴ Химичева О.В., Шаров Д.В. Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 54.

⁵ Шеншин В.М. Обжалование как институт российского права // Российский судья. 2022. № 7. С. 46.

властным субъектом, который должен принять жалобу в производство¹, это правоотношение возникает по поводу действий (бездействия) и решений органов, ведущих уголовное преследование, также являющихся неотъемлемой частью этих правоотношений.

Заслуживает внимания определение обжалования, данное С.В. Рудаковой, рассматривающей обжалование как дискреционный уголовно-процессуальный механизм, имеющий правообеспечительный характер, позволяющий должностным лицам и государственным органам выполнять установленные законом требования, предъявляемые к принятым решениям и действиям². На наш взгляд, данная дефиниция достаточно точно отражает сущность понятия, указывая в первую очередь на правообеспечительный характер обжалования, при этом реализация права на обжалование должна быть оправдана³.

По нашему мнению, уголовно-процессуальное обжалование следует определить как деятельность участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных лиц, заключающаяся в правовой возможность каждого из них инициировать верификацию процессуальных действий (бездействия), решений органов, осуществляющих уголовное преследование и суда путем подачи жалобы в целях восстановления нарушенных прав и свобод, осуществляемая в установленном уголовно-процессуальным законом порядке⁴.

Особую актуальность обжалование приобретает в отечественном досудебном производстве, учитывая, что органы дознания, предварительного следствия и прокурор обладают широкими властными полномочиями, включая негативное воздействие на различные категории прав участников. Соответственно проверка

¹ Волколупов В.Г. Общетеоретические подходы к определению понятий «жалоба» и «обжалование», а также к содержанию понятия «институт обжалования» в российском уголовно-процессуальном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3 (58). С. 126.

² Рудакова С.В. Теоретическая конструкция обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве: монография / под ред. В.А. Семенцова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 24.

³ Лопотенко В.С. Отдельные аспекты обжалования защитником решений суда, принятых в порядке досудебного производства // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12 (188). С. 359.

⁴ Лопотенко В.С. Указ. соч. С. 362.

законности и обоснованности такого воздействия составляет важную часть системы обеспечения прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

В стадиях досудебного производства возможно обжалование только промежуточных решений властных субъектов уголовного процесса до момента принятия итогового решения суда (приговора). При этом обжалование в уголовном процессе способствует достижению целей назначения уголовного судопроизводства, обеспечению эффективной защиты законных интересов лицами, вовлеченными в уголовный процесс. Как справедливо отмечал О.А. Максимов, жалоба является формой выражения назначения уголовного процесса, в связи с чем именно механизм реализации права на ходатайство и жалобу обеспечивает его достижение¹.

Важной характеристикой обжалования является его превентивная функция. Обжалования процессуальных решений уже на досудебных стадиях позволяет: предотвращать дальнейшие нарушения прав участников процесса; минимизировать риски принятия незаконных промежуточных решений (обвинительного заключения, постановления о прекращении дела); способствовать своевременному устранению следственных ошибок до передачи дела в суд.

Обжалование представляет собой сформулированный законодателем многоступенчатый механизм, которому присуще свой предмет, объект (более подробно рассмотрим их в последующих параграфах настоящего диссертационного исследования) и субъект обжалования. В качестве субъектов могут выступать участники уголовного процесса, перечисленные в главе 6–7 УПК РФ, а также иные лица в той части, в которой производимые процессуальные действия и решения затрагивают их законные интересы.

Также следует выделить значимый признак обжалования как возможность самостоятельного выбора способа обжалования лицом, желающим обжаловать действия или решения должностных лиц, инициировав проверку внесудебном или судебном порядке. При этом главной целью обжалование является проверка

¹ Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 21.

законности и обоснованности процессуальных решений, действий (бездействия) лиц, осуществляющих уголовное преследование, при этом такая проверка выполняется с учетом установленных правил инстанционности. Правовая возможность инициировать проверку уголовно-процессуальной деятельности властных субъектов способствует исправлению допущенных судебных ошибок, наличие которых не исключено ни в какой деятельности.

В теоретическом и законодательном аспектах принято выделять формы уголовно-процессуального обжалования, среди которых наиболее крупными являются досудебная и судебная. Обе формы входят в систему уголовного судопроизводства и в равной степени служат достижению указанного в ст. 6 УПК РФ назначения¹. В то же время эти формы имеют интересный характер взаимосвязи. Формально – это обособленные подсистемы, каждая из которых имеет совокупность основных правил своей реализации, не пересекающиеся с иной формой. Например, сопоставление обжалования в порядке ст. 125 и 389.15 УПК РФ демонстрирует различные подходы законодателя к определению форм, средств, способов и иных элементов обжалования. Тем не менее эти формы в равной степени представляют институт уголовно-процессуального обжалования. Названия этих форм в определенной степени представляется условным и характеризует лишь этап, а не содержание собственно деятельности. Судебная форма в досудебном производстве также присутствует (ст. 125 УПК РФ). Однако, для досудебного производства характерно также использование и иной формы – внесудебной (ст. 124 УПК РФ), которая не проявляется в судебных стадиях.

Несмотря на существенные отличия на определенных этапах уголовного судопроизводства эти формы начинают демонстрировать единство. И первым таким этапом выступает апелляционное обжалование. Законодателем установлены единые правила, по которым осуществляется обжалование и пересмотр в апелляционном порядке любых судебных решений, как постановленных в досудебном, так и в судебном производстве.

¹ Рудакова С.В. Формы уголовно-процессуального обжалования // Право и политика. 2023. № 2. С. 26.

Учитывая данный факт, предварительно можно сделать вывод, что досудебная форма обжалования трансформируется в судебную. Благодаря этому обеспечивается единство не только всей системы обжалования, но и обуславливает единые правила всех этапов пересмотра судебных решений, включая апелляционный. В то же время такого рода трансформация (досудебного обжалования в судебное) не может быть полной, поскольку имеются весьма специфические особенности досудебного обжалования. В связи с чем проявляется настоятельная теоретическая потребность в исследовании генезиса уголовно-процессуального обжалования, его правовых и нравственных основ, определяющих построение системы обжалования.

Обжалование в уголовном судопроизводстве вызывает особый интерес у отечественных ученых-процессуалистов, что обусловлено весомым объемом теоретических исследований, касающихся эволюции данного института.

Ответы на многие вопросы современности позволяет получить изучение исторического развития уголовно-процессуального обжалования. Проведенный исторический анализ позволил выделить четыре этапа, в рамках которых происходило развитие и становление основных форм уголовно-процессуального обжалования.

Первый этап. Зарождение формы судебного обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве произошло на рубеже XIV века, когда в Судебнике 1497 г. появился «пересуд» (ст. 64) (прообраз современного апелляционного производства).

Впоследствии этот уголовно-процессуальный формат проверки судебных решений сохранился в Судебнике 1550 г. (ст. 51), Соборном уложении 1649 г. (гл. X: ст. 2, 4, 5, 9, 10 и др.), в указах Петра I, (от 15 июля 1719 года – «О неподаче просьбы в высший суд, минуя низший, и о непереносе дела из одного суда в другой той же инстанции»¹; от 17 сентября 1720 года – «О порядке подачи апелляционных жалоб на Коллегии и прочие судебные места»²) и иных нормативных

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 5. № 3386.

² Там же.

правовых актах. Судебную форму обжалования следует рассматривать как исторически первую, и как основу для развития всех последующих форм обжалования.

Второй этап, который связан с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., когда была сформирована еще одна форма обжалования, но ее применение осуществлялось в досудебных стадиях – глава 12 «О порядке обжалования следственных действий вообще». Это был прообраз современного судебного контроля.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) включал четыре вида обжалования: частное обжалование (форма обжалования промежуточных судебных решений¹), апелляция, кассация, возобновление уголовных дел. Кроме того, Устав 1864 г. делил судебные решения на «окончательные» и «неокончательные» (ст. 124 – 125 Устава)², то есть вступившие в законную силу и не вступившие.

Под промежуточными решениями понимались, принимаемые судами вспомогательные судебные решения, определяющие объем процессуальных прав и обязанностей участников и других заинтересованных лиц, решения, поносящие к совершению определенных действий, либо направленные на обеспечение необходимых условий для разрешения уголовного дела. Отметим, что при рассмотрении уголовного дела по существу, в суде выполняется проверка законности и промежуточных решений. Так, в разделе 5 «О порядке обжалования решения общих судебных установлений» Устава уголовного судопроизводства 1864 г., были закреплены нормы, определяющие порядок подачи жалоб и протестов на решения суда по отдельным вопросам, так и порядок их рассмотрения вышестоящим судом (гл. 3)³.

¹ Петров А.В., Кудрявцева А.В. История развития института апелляции // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Право. 2013. №3 С.17.

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X - XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит-ра, 1991. Т. 8.

³ Решетова Н.Ю. Обжалование промежуточных судебных решений (по уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации) // Современная наука. 2014. №4. С. 38.

В соответствии со ст. 893 Устава 1864 г. до постановления приговора предусматривалась возможность подачи частной жалобы и протеста по следующим вопросам: 1) по определению подсудности дела; 2) по допущению преследования прокурорской властью вместо частного обвинения и наоборот; 3) по принятию мер для воспрепятствования подсудимому уклоняться от следствия и суда; 4) по принятию мер к обеспечению иска о вознаграждении за вред и убытки». При этом положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г. содержали нормы, предусматривающие сроки обжалования промежуточных судебных решений (ст. 896), открытый порядок рассмотрения в суде частных жалоб и протестов (ст. 900 – 904)¹.

Уставом 1864 г. была создана система проверки «неокончательных и окончательных приговоров», то есть два порядка апелляции. Для приговоров, вынесенных мировыми судьями, в качестве апелляции был назначен съезд мировых судей, а для приговоров, вынесенных окружными судами – судебные палаты². Указанные порядки апелляционного рассмотрения были идентичными, кроме того факта, что съезд мировых судей в целях проверки приговора мог вызвать судью для дачи объяснений (ст. 167 Устава)³. Так, создание судебной системы, состоящей из судов первой и вышестоящих инстанций, стало началом зарождения института обжалования как самостоятельного элемента в уголовно-процессуальном праве⁴.

Проведенный анализ Устава 1864 г. позволяет утверждать, что в нем впервые содержались нормы, регулирующие обжалования судебных промежуточных решений, возникающие при расследовании уголовных дел в досудебном производстве, то есть до разращения уголовного дела по существу. Судебная реформа

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. Т. 8.

² Аширбекова М.Т. Полная апелляция по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и ее рецепция современным уголовно-процессуальным законодательством // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 211.

³ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит.-ра, 1991. Т. 8.

⁴ Ибрагимова А.М. Генезис системы обжалования в уголовно-процессуальном праве России // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 121.

привела к существенным изменениям в устройстве системы обжалования выносимых судебных актов, в связи с чем на смену громоздкой системе сословных судов пришла судебная система с четкой и понятной конструкцией, которая и послужила упрощением процедуры уголовно-процессуального обжалования.

Следующим важнейшим этапом становления и развития институт обжалования стал период 1917 – 1991 гг. (второй этап). Декретом № 1 «О суде» институт апелляции был упразднен, в связи с чем решения и приговоры местных судов получили статус окончательных и обжалованию в апелляционном порядке не подлежали (ст. 2)¹. Исчезновение указанного института стало переломным для судебной системы. УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не содержали апелляционного порядка обжалования, хотя был закреплен кассационный порядок обжалования, который включал возможность пересмотра не вступивших в законную силу решений суда, т.е. кассация с «чертами апелляции»².

Профессор С.Б. Россинский неоднократно в своих работах отмечает, что УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. отличаются друг от друга несколькими «штрихами»³. Указанные кодексы сейчас воспринимают как одно явление, «как две редакции одного и того же»⁴, в связи с чем предлагаем рассмотрение института обжалования путем комплексного анализа данных кодексов.

В УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. предусматривалась отдельная глава по обжалованию действий следователя (гл. XVIII)⁵, где был закреплен порядок обжалования. Оба кодекса аналогично определяли субъектов, которые были вправе

¹ Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 «О суде» // СПС «КонсультантПлюс».

² Петров А.В., Кудрявцева А.В. История развития института апелляции // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Право. 2013. №3. С.17.

³ Россинский С.Б. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года: уроки истории // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию принятия УПК РСФСР 1922 г., 20-летию действия УПК РФ: в 2 ч. Орел: Орловский юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова. 2022. С. 71.

⁴ Россинский С.Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. №3. С.234–235

⁵ Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.); Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред.

обжаловать процессуальные действия, сроки рассмотрения и разрешения жалоб. Отличие состояло только в самом адресате жалобы, поскольку УПК РСФСР 1922 г. закреплял суд в качестве органа, рассматривающего жалобы. При этом обращения к прокурору имели место в случаях, если действия следователя приводили к затягиванию производства по делу, нарушению сроков предъявления обвинения, применению мер пресечения (ст. 216), в то время как в УПК РСФСР 1923 г. предусматривалась возможность обжалования любых действий прокурору (ст. 213)¹.

Согласно УПК РСФСР 1923 г., полномочия прокурора приобрели более универсальный характер, где законодатель попытался подчеркнуть роль органов прокуратуры в процессе досудебного обжалования, отдав приоритет именно этому органу вместо суда. Как справедливо отмечает А.М. Ибрагимова, именно восстановление прокуратуры в 1922 г. привело к замене роли суда относительно контрольных функций за действиями следователя², так как в соответствии с Положением о прокуратуре 1922 г. одним из направлений работы органов прокуратуры был надзор за следствием и дознанием³.

Согласно УПК 1922 г. и 1923 г., все жалобы при производстве дознания рассматривались прокурором, который также мог давать указания органам дознания по любому уголовному делу, в том числе и инициировать производство процессуальных действий. Поданные жалобы на действия и решения прокурора должны были рассматриваться вышестоящим прокурором, но не судом.

от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Рудакова С.В. Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг.: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / сост. А.Г. Харатишвили. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2023. С.109.

² Ибрагимова А.М. Генезис системы обжалования в уголовно-процессуальном праве России // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 4. С. 123.

³ О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Субъектами обжалования в указанный период могли быть сами стороны по уголовному делу, а также свидетели, эксперты, переводчики, понятые, поручители, залогодатели и другие лица, чьи права были «стеснены».

Правовое закрепление открытого перечня субъектов обжалования позитивно отразилось на развитии института уголовно-процессуального обжалования, эта тенденция сохранилась и в настоящее время. Сама жалоба могла быть подана как непосредственно, так и через следователя (о чем последний выдавал расписку) в течение семи суток с момента, как стало известно обжалуемое действие следователя. При этом подача жалобы на медлительность действий, незаконные действия следователя, избрание меры пресечения срока обжалования не имела. Что касается срока рассмотрения жалобы, то он составлял трое суток с момента ее получения. При этом истребование дела допускалось, только если нельзя было разрешить жалобу без материалов уголовного дела. Решение по поданной жалобе приводилось в исполнение немедленно, и оба уголовно-процессуальных кодекса предусматривали право его обжалования в вышестоящий суд следователем либо самим «жалобщиком»¹.

Следовательно, в УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г. была заложена основа современной модели обжалования, предопределившая направление развития и совершенствования уголовно-процессуального законодательства в этой части.

Следующим кодифицированным актом, регулирующим уголовно-процессуальные отношения, стал УПК РСФСР 1960 г., который содержал ряд изменений, касающихся института обжалования. В частности, его ст. 22² закреплена правовая возможность обжаловать процессуальные действия и решений, которые приняты судом, прокурором, следователем или дознавателем. Согласно ст. 218 УПК РСФСР 1960 г. жалобы на действия следователей или органов дознания в рамках досудебного производства рассматривались исключительно прокурором.

¹ О введении в действие Положения о судостроительстве Р.С.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

Законом от 23 мая 1992 г. № 2825-1¹ в УПК РСФСР внесены дополнения, которые предусматривали возможность рассмотрения жалоб по вопросам избрания или продлении содержания под стражей судами². С этого момента можно говорить о проявлении еще одного вектора досудебного обжалования – обращение к суду в случаях ограничения конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

Дальнейшее формирование института отечественного досудебного обжалования, осуществлялось в рамках заключительного этапа, который пришелся на период с 1991 г. и продолжается по настоящее время (третий этап). Происходящие на этом этапе события (после распада СССР) не могли не отразиться на действующем, в том числе уголовно-процессуальном законодательстве, которое стало стремительно изменяться и сопровождалось принятием новых федеральных законов. В 2001 г. принят действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ, что привело к формированию нового облика уголовного судопроизводства, основанного на новых принципах, с усилением стремления законодателя повысить уровень обеспеченности прав участников.

Следует отметить, что со вступлением в законную силу УПК РФ сфера уголовно-процессуального обжалования была существенно расширена, но только лишь в одной части – расширен формат судебного воздействия на уголовно-процессуальные отношения в досудебных стадиях. В связи с чем вряд ли есть возможность утверждать, что произошедшие изменения имели концептуальный характер. Тем не менее, судебный контроль³ стал позиционироваться как ключевая гарантия защиты прав личности в досудебном производстве.

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825-1 // Российская газета. 1992. 17 июня.

² Волколупов В.Г. Обжалование процессуальных действий и решений или бездействия властных субъектов в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 51.

³ Термин впервые появился в Концепции судебной реформы (Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435), стал устойчивым в доктрине современной уголовно-процессуальной науки и затем разрабатывался в трудах ряда ученых: Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: проблемы

Впервые на уровне кодифицированного акта сформирована самостоятельная и системно выстроенная модель обжалования действий (бездействия) и решений органов уголовного преследования, основанная на прямой реализации конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Закрепление в гл. 16 УПК РФ универсального права участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных лиц на обжалование, а также институционализация судебного порядка рассмотрения жалоб в соответствии со ст. 125 УПК РФ привели к трансформации обжалования из преимущественно надзорного механизма в самостоятельную форму обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, ориентированную на проверку законности и обоснованности процессуальной деятельности властных субъектов.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Историческое развитие уголовно-процессуального обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве демонстрирует следующую динамику своих форм и направлений:

– хронологически первым элементом уголовно-процессуального обжалования стал «пересуд» – прообраз современного апелляционного обжалования и пересмотра судебных решений, т.е. форма судебного обжалования решений, постановленных судом первой инстанции;

– второй этап – усиление и масштабирование судебной формы обжалования, введение последующих судебных инстанций (например, кассации), а также распространение судебной формы обжалования на досудебное производство;

– третий этап – дополнение системы уголовно-процессуального обжалования внесудебной формой (введение обжалования действий следователя в стадиях

осуществления в условиях правовой реформы: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1998. 23 с.; Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 46 с.; Русман Г.С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 24 с.; Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий // Вестник Томского ун-та. 2017. № 423. С. 225–235.

предварительного расследования участниками уголовного процесса как стороной защиты, так и обвинения);

– четвертый этап – восстановление полноценной судебной формы обжалования в досудебном производстве и ее интеграция в общий комплекс уголовно-процессуального обжалования.

2. Генезис уголовно-процессуального обжалования убеждает в том, что его исходной (первоначальной) формой была судебная, что накладывает свой отпечаток на все последующие его формы и до настоящего времени определяет все его основные характеристики.

3. Выявленная динамика в историческом развитии уголовно-процессуального обжалования свидетельствует о тенденции постоянного усложнения его уголовно-процессуальных форм, что порождает настоятельную потребность в мониторинге их надлежащей систематизации, согласовании, а также ставит задачу по дифференциации правил реализации, с учетом особенностей отдельных развивающихся направлений (особенно в той части, которая связана с обжалованием судебных решений, постановленных в досудебном производстве).

1.2. Структура, организация и модели современного уголовно-процессуального обжалования

Уголовно-процессуальное обжалование постоянно находится в сфере активных научных дискуссий. Многочисленные изменения в его содержании, в том числе уже в новейшей истории отечественного уголовного судопроизводства¹ вывели на уровень современной дискуссии в науке уголовного процесса

¹ Например: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

вопрос о том, в рамках какой из известных элементов структуры уголовно-процессуального права локализуются предписания, регулирующие обжалование¹. Иными словами, является ли уголовно-процессуальное обжалование уголовно-процессуальным институтом?

Постановка данного вопроса обусловлена теоретической, законодательной и правоприменительной значимостью ответа:

– с теоретической позиции ответ на поставленный вопрос позволяет продолжить целенаправленное исследование уголовно-процессуального обжалования с учетом соответствующих его характеристик как элемента уголовно-процессуального права, для установления и корректировки способов его связи, форм и средств взаимодействия с иными предписаниями уголовно-процессуального права;

– с правовой точки зрения позиционирование обжалования самостоятельным элементом уголовно-процессуального права требует определения его объекта и предмета регулирования, задач, внутренней организации, систематизации с иными правовыми положениями;

– в правоприменительном контексте понимание правовой природы уголовно-процессуального обжалования ведет к формированию единых подходов в разрешении процессуальных вопросов, касающихся реализации обжалования, включая права участников и средств их обеспечения в этой сфере.

¹ См. об этом: Антонович Е.К. Институт обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С.20; Безрядин В.И., Щербич С.В. Принцип права на обжалование процессуальных действий и решений как основа уголовно-процессуального института обжалования // Мир политики и социологии. 2015. № 9. С. 45; Васильева Н.Л. Совершенствование института судебного обжалования действий и решений органов уголовного преследования Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 3 (31). С. 27; Ибрагимова А. М. Право обжалования в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики». М.: Юрлитинформ, 2026. С. 78.

Есть мнения, позволяющие в целом ответить утвердительно на поставленный вопрос¹. В то же время имеются и позиции о том, что уголовно-процессуальное право содержит институт обжалования только судебного решения²; институт кассационного обжалования³; институт судебного обжалования в досудебном производстве⁴ и т.д.

М.В. Складенко считает, что обжалование составляет самостоятельный правовой институт, отличающийся от проверки и пересмотра процессуальных решений⁵.

С.В. Рудакова позиционирует уголовно-процессуальное обжалование как правовой комплекс. При этом она подчеркивает: судебная и досудебная формы не образуют единую слитную систему. Они самостоятельны, независимы друг от друга и обособлены – у каждой свои средства, задачи и результат. Их объединяет лишь общая уголовно-процессуальная природа и то, что они служат одной цели – обеспечению законности и защите прав участников⁶.

Возникшие разногласия имеют существенный характер. Для выработки объективного видения по этому аспекту приведем некоторые позиции ученых из области теории права.

Институт права достаточно давно занимает внимание ученых, в связи с чем имеются многочисленные точки зрения относительно его понятия. Так, еще в

¹ Волколупов В.Г. Правовые основы обжалования в российском уголовном судопроизводстве: историко-правовые и компаративистские аспекты: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2024. С. 10-38.

² Александрова Л.А., Никифорова Е.Ю. Признание взятки сделкой и вопросы межотраслевого регулирования при производстве по уголовному делу // Российский следователь. 2022. № 3. С. 25.

³ Бородинова Т.Г. Институт кассационного обжалования в уголовном процессе // Российское правосудие. 2022. № 12. С. 102.

⁴ Митькова Ю.С. Отдельные проблемы уголовно-процессуального института обжалования в досудебном производстве по уголовным делам // 20 лет действия уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: Тезисы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 206-209.

⁵ Складенко М.В. Институт обжалования, проверки и пересмотра судебных решений: история и современность. Статья 2. Противоречивое поведение участников процесса // Уголовное судопроизводство. 2025. № 3. С. 34.

⁶ Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 112

1907 году В.Г. Шершеневич сформировал позицию о том, что институт права – это совокупность юридических положений, объединенных единством содержания, внутренней связью по предмету определения¹.

Значительно позже, не оспаривая в целом этой позиции, О. С. Иоффе сделал акцент в определении института права как группы норм на их объединении специфическим способом применения общетраслевого метода².

В.В. Лазарев подчёркивал признак нормативной обособленности института права³. С.С. Алексеев разделял эту точку зрения, но также подошел системно к построению института и выделил в его структуре субинститут⁴.

В работах современных авторов институт права рассматривается как группа норм права, регулирующих близкие по своему характеру и содержанию общественные отношения, отличающиеся существенными особенностями⁵.

Е.А. Джалилова под правовым институтом в современной юридической науке понимает единую структурно-взаимосвязанную систему норм права, регулирующих общественные отношения, схожие по содержанию и предмету регулирования, а также связанные общим законодательным замыслом. Исходя из сказанного выше, автор выделяет такие признаки как: комплексность; сфера воздействия; систематизация норм по предмету регулирования; юридическое единство правовых норм (их однородность); структурность⁶. Близко к этой позиции формируется и позиция Е.К. Антонович, которая к основным чертам института права относит совокупность норм, закрепленных в Конституции РФ, уголовно-

¹ См.: Шершеневич В.Г. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М., 1995. С. 53.

² Иоффе О.С. Структурные подразделения системы права (по материалам гражданского права) // Ученые записки. ВНИИСЗ. Вып. 14, М., 1968. С. 54.

³ Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М., 2002. С. 211.

⁴ Алексеев С.С. Структура советского права: монография. М., 1975. С. 23.

⁵ См.: Кленкина О.В., Шиханова Е.Г. Правоведение: учеб. пособие. Самара: Самарский университет, 2022. С. 11; Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 75.

⁶ Джалилова Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2018. № 2. С. 23.

процессуальном законодательстве РФ, предметную направленность и наличие этапов обжалования¹.

А.Ф. Малый, С.О. Логунова считают, что обособление правового института в конкретных структурных единицах нормативных правовых актов, например, на уровне разделов, глав, частей и есть признак института законодательства, при этом критерии объединения институтов законодательства находятся в юридической технике и предназначены для того, чтобы правоприменителю было удобно пользоваться соответствующими предписаниями². С данной позицией сложно согласиться как в части используемой терминологии (институт законодательства), так и в части функционала обособления правового института. Полагаем, что собственно обособление предназначено не только для удобства правоприменителя (что безусловно, важно), но в первую очередь для того, чтобы обеспечить комплексное регулирование сходных правоотношений. При этом формальное обособление не означает размещение правовых положений строго в одной части (разделе, главе и т.д.) законодательного акта. В тексте уголовно-процессуального закона можно наблюдать достаточно многочисленные примеры того, как правовые положения, относящиеся к одному и тому же процессуальному институту, размещаются в различных частях УПК РФ. Например, институт следственных действий действительно размещается в последовательно следующих друг за другом главах УПК РФ. Однако о производстве следственных действий говорится также и в гл. 37 УПК РФ. И это обстоятельство не лишает совокупность норм, регулирующих производство следственных действий статуса института уголовно-процессуального права.

Нормы, регулирующие обжалование размещаются как в гл. 2 («Принципы уголовного судопроизводства»), так и в гл. 5 (ч. 6 ст. 30 УПК РФ), гл. 6 (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), гл. 7 (ст. 46, 47 и др. УПК РФ), гл. 10 (ст. 81.1 УПК РФ), гл. 16

¹ Антонович Е.К. Институт обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 14.

² Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. №2. С. 92.

УПК РФ и т.д. Этими правовыми положениями регламентируется весьма масштабный комплекс правовых вопросов: от определения компетенции государственных органов и должностных лиц, объекта и предмета обжалования, прав участников, до процессуальной формы каждого элемента процедуры различных форм обжалования.

Учитывая, что имеется весьма широкое распространение правовых положений, регламентирующих уголовно-процессуальное обжалование, с низким уровнем их формального обособления в тексте уголовно-процессуального закона, положения имеют весьма разнообразное содержание, то, полагаем, в этой ситуации будет правильнее рассматривать уголовно-процессуальное обжалование не как институт (который представляется слишком компактным структурным элементом права), а как иное, более крупное структурное образование уголовно-процессуального права.

Отметим, что в теории уголовно-процессуального права имеются позиции о наличии подотраслей, производств, частей и иных структурных элементов¹.

Однако, полагаем, есть возможность изменить вектор исследования. За исходную точку следует взять выводы известного ученого-теоретика С.С. Алексеева: «На советское социалистическое право распространяются общие закономерности сложных системных объектов. Право является цельным системным образованием, единым организмом, которому свойственны иерархическое строение, интегративные (интегральные) качества, генетические и функциональные связи и т.д.»². Система – вот важнейший признак организации уголовного судопроизводства, а также регулирующего его уголовно-процессуального права. Как организована эта система? Применив математический термин можно сказать, что эта

¹ Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Ленингр. ун-т, 1963. С. 54–69; Лантух Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов: монография. СПб.: СПб ун-т МВД России, 2015. С. 54–59; Николюк В.В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. С. 70-71; Вастьянова О.Д. К вопросу о структуре уголовно-процессуального права в свете дискуссии о системе права // Уголовная юстиция. 2026. № 27. С. 60.

² Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит-ра, 1975. С. 9.

система выстроена по линейному принципу, когда имеется четкая последовательность сменяющих друг друга этапов: от стадии возбуждения уголовного дела к предварительному расследованию и далее к судебному разбирательству. Каждый этап имеет свои основания для перехода на следующий.

Но необходимо констатировать, что современное уголовное судопроизводство имеет не только прямое линейное построение, но и возвратные механизмы (например, ст. 237 УПК РФ); параллельные механизмы, которые не встраиваются в линию предварительного расследования, идут наряду с ним и существенно влияют на «запуск» тех же возвратных механизмов (например, ст. 125 УПК РФ); перекрестные процессуальные механизмы обжалования (например, ст. 127 УПК РФ). Получается, что система уголовно-процессуального права в настоящее время основана не только на привычных и традиционных способах организации (прямая линейность), но и на иных, что косвенно свидетельствует о возможности выделения и иных структурных элементов этой системы, о развитии внутри уголовно-процессуального права иных, отличных от традиционных, компонентов.

Наш вывод в определенной степени подтверждается и позициями, высказанными в науке уголовного процесса. Например: «уголовно-процессуальное право является правовой отраслью со сложной трансформирующейся со временем структурой, в которой в качестве элементов можно выделить группу метанорм и статусных норм, ряд подотраслей, разветвленную систему простых и сложных институтов и внеинституциональных юридических конструкций»¹.

В этом контексте мы поддерживаем мнение о существовании новых конструктивных элементов в системе уголовно-процессуального права. Полагаем, что уголовно-процессуальное обжалование не может рассматриваться только как институт. Его объем, правовая значимость и иных характеристики выводят

¹ Васьянова О.В. К вопросу о структуре уголовно-процессуального права в свете дискуссии о системе права // Уголовная юстиция. 2026. № 27. С. 61.

его на более высокий уровень. Предлагаем рассматривать уголовно-процессуальное обжалование в аспекте такого структурного элемента уголовно-процессуального права, как «комплексная юридическая конструкция».

Если продолжить нашу логику рассуждения, то представляется возможным выделить в комплексе уголовно-процессуального обжалования менее масштабные, но направленные на регулирование однородных правовых отношений предписания, обладающие предметным единством, например, досудебное обжалование.

На основании приведенных суждений представляются закономерными следующие вопросы: могут ли досудебная и судебная формы обжалования образовывать отдельные правовые институты? И в случае положительного ответа: повлияет ли их обособление на весь комплекс уголовно-процессуального обжалования?

Ответ на поставленный вопрос составляет важную задачу уголовно-процессуальной науки, т.к. от его характера и содержания зависит конструкция уголовно-процессуального обжалования, правила его реализации, процессуальный потенциал участников, и многое иное. В числе признаков уголовно-процессуального института выделяются несколько основных признаков.

Формальная обособленность, выражающаяся в самостоятельном нормативном закреплении досудебного обжалования в структуре действующего уголовно-процессуального законодательства. Действующий УПК РФ содержит специальную главу 16, в рамках которой систематизированы нормы, регламентирующие досудебное обжалование (право на обжалование, круг субъектов этого права, предмет и формы обжалования, а также порядок и сроки рассмотрения жалоб в досудебном производстве и т.д.). При этом досудебное обжалование включает как внесудебный, так и судебный формат, что позволяет говорить о проникновении судебной формы в досудебную. Тем самым определяется не только комплексность, но и закономерная взаимосвязь и неразрывное взаимодействие досудебного и судебного обжалования.

Здесь же нужно отметить, что в досудебном производстве для судебных решений предусмотрена и прямая модель обжалования, непосредственно выводящая заинтересованных лиц сразу за пределы досудебного производства в вышестоящие судебные инстанции. Например, прямая модель досудебного обжалования применяется при обжаловании судебного решения о применении судом меры пресечения.

Согласно ст. 123 УПК РФ, действия (бездействие) и решения суда и лиц, осуществляющих уголовное преследование, могут подлежать обжалованию в стадиях досудебного производства как участниками уголовного судопроизводства, так и иными лицами, чьи интересы затронуты такими действиями и решениями. Положения ст. 124 УПК РФ определяют порядок и сроки рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения лиц, осуществляющих уголовное преследование в досудебном порядке, предусмотрев возможность обращения заинтересованных лиц в вышестоящие надзорные органы, а ст. 125 и 125.1 УПК РФ регламентирует обжалование действий (бездействия) и решений только в судебном порядке. Такое систематизирование норм по предмету регулирования законодателем представляется нам логичным и оправданным.

Нормы, определяющие реализацию отдельных элементов досудебного обжалования закреплены также в иных главах УПК РФ (гл. 45.1, 47.1, 48.1), что свидетельствует о межотраслевой функциональной интеграции данного института.

Относительная автономия. Данный признак выражается в наличии у института досудебного обжалования собственного предмета правового регулирования, а также специфического процессуального механизма реализации. Досудебное обжалование обладает собственной логикой процессуального развития, включающей этапы подготовки жалобы, ее подачи, рассмотрения компетентным органом и принятия процессуального решения. Например, Н.В. Горак, считает, что к обжалованию следует относить не только этап рассмотрения жалобы, но и ее подготовку (составление), предшествующую подаче жалобы, ее разрешение,

вынесение процессуального решения, направление ответа заявителю, а также обеспечение выполнения решения по жалобе¹.

Автономия досудебного обжалования носит относительный характер, поскольку реализация права на обжалование осуществляется во взаимосвязи с иными институтами уголовного судопроизводства, но не «растворяется» в них и не утрачивает самостоятельного правового значения. Именно данная относительная автономия позволяет досудебному обжалованию выполнять самостоятельную правообеспечительную и контрольную функции в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Законодательный замысел досудебного обжалования выражается в целенаправленном формировании нормативного механизма, призванного обеспечить эффективную защиту конституционных прав и законных интересов личности в условиях досудебных стадий уголовного судопроизводства, характеризующегося высоким уровнем тайны (отсутствием гласности), широким применением мер процессуального принуждения и неравенством процессуальных возможностей сторон на досудебных стадиях.

Юридическое единство правовых норм (их однородность). Досудебное уголовно-процессуальное обжалование связывает воедино нормы по признаку общности законодательного замысла. Следует отметить, что правовые нормы не действуют изолированно друг от друга, они функционируют внутри досудебного обжалования, где юридическое содержание индивидуальной нормы может быть определено в системе обжалования. Нормы, регулирующие досудебное обжалование обусловлены схожим общим содержанием, способом оформления, своей терминологией, а также направленностью на реализацию законодательной идеи – закрепление процесса обжалования в досудебном производстве.

Указанные признаки досудебного обжалования полностью не раскрывают всей его сущности и не определяют всей глубины имеющихся особенностей.

¹ Горак Н.В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 31.

Главную его особенность составляет наличие внесудебного и судебного форматов обжалования. При этом каждый из указанных форматов относительно обособлен, осуществляется в рамках собственных объектов и предметов, каждый обладает собственной процессуальной формой, влекут различные процессуальные последствия (например, обжалование руководителю следственного органа может привести к непосредственной отмене процессуального решения, признанного незаконным. Обжалование в суд ведет к признанию процессуального решения незаконным, и с обязыванием надлежащего должностного лица отменить это решение).

Несмотря на столь существенные отличия их объединяет принадлежность к досудебному производству, которое выполняет роль единой основы и обуславливает для каждого из указанных форматов обжалования одинаковые признаки, отличающие эти форматы от обжалования в судебных стадиях уголовного судопроизводства. Одним из основных отличий выступает то обстоятельство, что судебные решения, постановленные в досудебном производстве, опираются не на установленные факты, а только лишь на предположения. Соответственно интеграция нормативного регулирования обжалования судебных решений, постановленных в досудебном производстве в процедуру, предназначенную для обжалования судебных решений, постановленных в судебном производстве, должна учитывать данную особенность, как ключевую.

Исходя из приведенных соображений считаем, что досудебная и судебная формы обжалования действительно формируются как отдельные уголовно-процессуальные институты, а с учетом высказанной и отмеченной ранее позиции С.В. Рудаковой о комплексности уголовно-процессуального обжалования, полагаем, что такой вывод не только не нарушает логики единого подхода к обжалованию в уголовном судопроизводстве, но и позволяет четко представить каждое из его направлений и определить их специфические особенности.

При этом следует отметить, что досудебная форма уголовно-процессуального обжалования также имеет комплексный характер и включает:

– внесудебную модель (ст. 124 УПК РФ);

– судебную модель (ст. 125, 127 УПК РФ).

Укажем и на то, что в целом, организация юридической конструкции уголовно-процессуального обжалования состоит из следующих элементов:

– досудебная (комплексная по судебным решениям, постановленным в порядке ст. 125 УПК РФ и прямая, в порядке ст. 127 УПК РФ);

– судебная (по решениям судов, постановленным по уголовным делам, находящимся в производстве судов).

Решения, принятые судом в досудебном производстве, далее могут быть проверены вышестоящими судебными инстанциями в порядке, установленном ч. 1 ст. 127 УПК РФ, имеющей бланкетную диспозицию, относящую к главам 45.1, 47.1 и иным УПК РФ. Интеграция обжалования судебных решений, принятых в досудебных стадиях в общий комплекс уголовно-процессуального обжалования, ставит еще один вопрос: является ли применение, в частности, апелляционного обжалования по судебным решениям, постановленным в досудебных стадиях, основанием для перехода от досудебной модели обжалования к судебной?

Полагаем, что ответ должен быть отрицательным. Его основаниями выступают следующие аргументы:

– при переходе к обжалованию в вышестоящих судебных инстанциях не изменяется предмет – судебное решение, постановленное в досудебном производстве;

– судебное решение, постановленное в досудебном производстве, при переходе в вышестоящие судебные инстанции не способно изменить своих главных характеристик, включая основания вынесения, что накладывает свой отпечаток на производство в вышестоящих судебных инстанциях (например, отсутствие критерия вступления этих решений в законную силу и отказ от использования соответствующих общих правил).

Каждый элемент включается в структуру уголовно-процессуального обжалования в статусе уголовно-процессуального института.

Комплексная судебная модель обжалования включает несколько самостоятельных направлений:

- обжалование процессуальных действий, бездействия и решений в ходе досудебного производства в порядке ст. 125 УПК РФ;
- обжалование судебных решений, постановленных в порядке ст. 125 УПК РФ в вышестоящие судебные инстанции в порядке, установленном ст. 127 УПК РФ.

Второе направление логично вытекает из первого, поскольку отсутствие судебного решения, вынесенного в порядке ст. 125 УПК РФ, исключает применение последующего обжалования. При этом каждое из направлений характеризуется сходными правилами: оба составляют право заинтересованных лиц, оба направлены на проверку законности и выполнение иных требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к соответствующей категории судебных решений. При этом процедура каждого из направлений существенно отличается. Важным разграничительным условием является недопустимость параллельного обжалования одного и того же действия как по ст. 124 УПК РФ, так и по ст. 125 УПК РФ, так как при наличии ранее вынесенного решения по ведомственной жалобе суд вправе отказать в принятии идентичного обращения к производству.

Прямая модель судебного обжалования обладает следующими особенностями. Ее регламентация в рамках досудебного производства практически отсутствует. Имеются правила постановления судебных решений, которые в дальнейшем могут стать предметом этой формы – постановления суда о производстве следственных действий, требующих судебного решения, о применении заключения под стражу и иных мер пресечения, также применяемых по решению суда и другие, вынесение которых отнесено к компетенции суда в досудебном производстве в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ. В ст. 127 УПК РФ определено, что судебные решения, постановленные в досудебном производстве, подлежат обжалованию в соответствии с правилами глав 45.1 и 47.1 УПК РФ. Все остальные предписания нормативного характера локализованы в этих главах. Несмотря на

то, что законодательные положения, регламентирующие эту модель досудебного обжалования весьма фрагментарны, нам представляется, что ее также необходимо рассматривать как отдельный процессуальный институт, поскольку эта модель обладает исключительной правовой значимостью: в ее рамках осуществляется проверка судебных решений, ограничивающих конституционные права и свободы граждан в досудебном производстве. Соответственно реализация этого института имеет непосредственное отношение к достижению назначения уголовного судопроизводства и нуждается в надлежащем развитии процессуального содержания.

Нужно отметить важную особенность обжалования судебных решений, постановленных в досудебном производстве. Его реализация обусловлена стремлением законодателя повысить уровень обеспечения прав участников. Сам факт введения судебного контроля толкуется учеными чаще всего именно в этом контексте¹. Возможность применения судом особенно жестких правоограничений, а также судебная проверка законности и обоснованности применяемых органами досудебного производства мер, стесняющих правовой статус участников, выступает гарантией их правомерности. Так, судом обращается внимание, что отказ в принятии жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ нарушает право на судебную защиту². Учитывая же, что из всех представленных форм только судебная реализуемая в досудебном производстве имеет комплексный характер, считаем особенно актуальным изучение ее системных и иных свойств, обеспечивающих надлежащее выполнение этой формой процессуального назначения.

¹ См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России (понятие, сущность, формы): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С.72; Lupinskaya P.A. Решения в уголовном судопроизводстве. Теория, законодательство, практика: монография. М., 2010. С.23; Григорьева Н. В. Судебный контроль как средство обеспечения прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Вестник Московского ун-та МВД России. 2016. № 4. С. 48.

² Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 26 июня 2026 г. по делу № 22к-2579/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

Право на защиту в уголовном судопроизводстве имеет многоаспектный характер, одним из проявлений которого выступает право на судебную защиту¹. В таком контексте и с учетом системных связей элементов внутри всего комплекса уголовно-процессуального обжалования можно утверждать, что досудебное обжалование выступает элементом обеспечения права на защиту, включая ее (защиты) досудебную и судебную формы.

Одной из характерных черт, выражающих сущность современного обжалования в уголовном судопроизводстве, является понятие свободы обжалования, определение которого достаточно многогранно².

Общая характеристика права на обжалование имеет ряд особенностей, присущих исключительно реализации права на уголовно-процессуальное обжалование. Обжалование имеет своей отличительной чертой свободу реализации этого права, хотя нельзя говорить о безусловной свободе обжалования. Установленные процессуальные требования не являются попыткой ограничить право на обжалование, а только систематизировать процедуру, упорядочить, организовать, наладить процесс уголовно-процессуального обжалования.

Полученные результаты в части исследования уголовно-процессуального обжалования, его форм и процессуальной организации, позволяют сделать следующие выводы и заключения.

1. Современная процессуальная организация обжалования свидетельствует о его сложной структуре с многочисленными элементами, обладающими разнородными характеристиками, что исключает позиционирование уголовно-

¹ Возможные интерпретации содержания права на защиту даются в следующих работах: Право на защиту / Г.М. Резник, М.М. Славин. М.: Моск. рабочий, 1976. 119 с.; Насонова И.А., Владимирова Ю.К. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 151 с.; Лукожев Х.М., Горак Н.В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 184 с.; Гладченкова С.В., Рудакова И.В. Право на защиту в уголовном процессе России: теоретические основы и отдельные аспекты реализации // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 208–215 и др.

² См., например: Химичева О.В., Шаров Д.В. Право на обжалование в досудебном производстве: свобода и злоупотребление // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 54.

процессуального обжалования как единого уголовно-процессуального института. Структурная организация уголовно-процессуального обжалования может быть определена как «комплексная юридическая конструкция».

2. В содержание уголовно-процессуального обжалования входят элементы, с различными признаками.

К числу общих признаков следует отнести:

- единая правовая природа;
- достижение единой цели (назначение уголовного судопроизводства);
- правообеспечительный характер;
- реализация через право (не обязанность).

Признаками, отличающими элементы уголовно-процессуального обжалования, друг от друга выступают:

- существенные различия в процедурах;
- отличия в основаниях реализации;
- правовые последствия (для судебной и внесудебной форм);
- объект и предмет обжалования.

3. Различия в содержании, признаках отдельных элементов уголовно-процессуального обжалования не исключает их взаимной интегрированности. При этом выявляются серьезные проблемы в согласовании отдельных форм, в обеспечении их системного применения, что, в целом, негативно отражается на результативности уголовно-процессуального обжалования.

4. Существенным своеобразием отличается обжалование судебных решений, постановленных в досудебном производстве. Дуалистическая сущность досудебного уголовно-процессуального обжалования включает особые элементы досудебного производства (в частности, основания постановления судебных решений как правило, не подкрепляются доказательствами) и предполагает интеграцию в общую процессуальную форму уголовно-процессуального обжалования в вышестоящих судебных инстанциях (например, предусматривается апелляционное обжалование таких решений по общим правилам).

С учетом выявленной специфики можно говорить о существовании в юридической конструкции уголовно-процессуального обжалования (помимо уже выделенных в науке уголовного процесса судебной и досудебной) комплексной модели судебного обжалования судебных решений, постановленных в досудебном производстве, и прямой модели досудебного обжалования.

В результате организация уголовно-процессуального обжалования может быть представлена следующими элементами:

1) модели досудебного производства:

- внесудебная (применяется только в досудебном производстве);
- комплексная судебная, включающая отдельные и относительно обособленные этапы обжалования судебных решений, постановленных в досудебном производстве (применяется в отношении судебных решений, постановленных в порядке ст. 125 УПК РФ);

- прямая судебная (применяется в отношении судебных решений, постановленных по всем вопросам, отнесенным к компетенции суда на основании ч. 2 ст. 29 УПК РФ за исключением рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ);

2) модель судебного производства (применяется в отношении судебных решений, вынесенных по уголовным делам, находящимся в производстве суда)

1.3. Предмет и объект как основа формирования моделей досудебного обжалования

Ранее было сформулировано авторское видение моделей обжалования. Для более полного определения комплексной судебной модели обжалования (обжалование судебных решений, постановленных в порядке ст. 125 УПК РФ) необходимо рассмотреть вопрос о ее объекте и предмете.

Предмет и объект выполняют сразу несколько функций в сфере уголовно-процессуального обжалования:

- отграничивают один институт обжалования от другого;
- конкретизируют правоприменительную деятельность;

– определяют специализацию институтов обжалования.

При раскрытии данного вопроса необходимо в первую очередь отметить наличие фундаментальной разработки С.В. Рудаковой, которая раскрыла основные признаки и сформулировала определения объекта и предмета уголовно-процессуального обжалования. Так, предмет обжалования по ее мнению – это выраженный в физической форме (например, документ) или цифровом формате результат уголовно-процессуальной деятельности (решение, действие, бездействие), оказывающий или способный оказать влияние на правовое состояние участников уголовного судопроизводства¹. Объект же обжалования – это сложное понятие, включающее:

- предмет обжалования (физическая величина);
- правовую проекцию предмета обжалования (юридические условия его существования, включающие требования закона к форме предмета, его содержанию, средствам и способам фиксации, срокам совершения и др.);
- право на обжалование соответствующего процессуального действия, бездействия и/или решения.

Учитывая, что определения даны применительно ко всей сфере уголовно-процессуального обжалования, используем имеющийся теоретический задел для конкретизации объекта и предмета применительно к конкретной форме обжалования.

Категории предмета и объекта обжалования имеют базовое методологическое значение: без четкого уяснения того, что именно может быть обжаловано в комплексной судебной модели, сложно определить совокупность прав, подлежащих реализации, пределы процессуальной активности заинтересованных лиц, надлежащую совокупность полномочий должностных лиц, способы и методы реализации прав и полномочий, оценить эффективность предлагаемой законодателем процессуальной формы и т.д.

¹ Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 75.

О масштабах применения комплексной судебной модели обжалования свидетельствуют статистические данные. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в первом полугодии 2025 г. в суды общей юрисдикции рассмотрено 57 876 жалоб на действия (бездействия) и решения должностных лиц в порядке ст. 125 УПК РФ, из них: удовлетворено 1 966 (3,4 %), отказано в удовлетворении 8 944 (15,5 %), прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности 46 966 (81,1%)¹. При этом статические данные за 2024 г. демонстрируют аналогичные показатели обжалования².

Статистические показатели позволяют сделать вывод о том, что, во-первых, массовый характер обжалований подтверждает востребованность данного механизма участниками процесса, однако крайне низкий процент удовлетворения (всего 3%) может быть следствием серьезных, системных проблем в его регулировании и функционировании.

Высокий процент прекращенных и возвращенных жалоб (свыше 80%) связан не только с рассмотрением жалоб в порядке ст.124 УПК РФ, но может объясняться формальными нарушениями при подаче жалоб или неверным определением предмета обжалования.

Поскольку в настоящем исследовании далее предполагается затронуть апелляционное обжалование решений о заключении под стражу (как частное направление применения комплексной судебной формы обжалования), то приведенные данные необходимо дополнить статистикой апелляционного пересмотра соответствующих постановлений. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2025 году в апелляционном порядке обжаловано 16 956 постановлений об избрании меры пресечения в виде

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке в первом полугодии 2025 года / Официальный сайт: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 10.09.2026).

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 год / Официальный сайт: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 10.09.2026).

заклучения под стражу, из них отменено 464 (2.7%), изменено на залог, домашний арест и запрет определенных действий – 904 (5,3%). При этом показатели за первое полугодие 2024 гг. аналогичные: подано 16 743 жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них отменено 414 (2,5%), изменено на залог, домашний арест и запрет определенных действий – 1 008 (6%)¹. Незначительная доля отмен и изменений таких постановлений при массовом характере их обжалования подтверждает наличие стандартизированного подхода судов к проверке этих решений и актуальность поиска путей повышения эффективности апелляционного производства.

Значительную часть проблем можно решить путем разработки предмета обжалования, ошибки, в определении которого, действительно являются одной из ключевых причин низкой эффективности формы в целом. Особого внимания заслуживает тот факт, что значительная часть отказов в принятии жалоб связана с их несоответствием критериям, установленным ст. 125–127 УПК РФ. Как показывает анализ судебной практики, многие заявители не учитывают, что обжалованию подлежат только конкретные действия (бездействие) и решения, предмет обжалования должен быть четко обозначен, необходимо указать, какие именно права нарушены и т.д. Учитывая же, что дальнейшее обжалование происходит в соответствии с требованиями, установленными для апелляционного производства, изменяются подходы и к определению предмета обжалования и его объекта.

Структура комплексной судебной модели обжалования состоит из двух последовательных этапов:

- 1) обжалование в порядке ст. 125 УПК РФ;
- 2) обжалование судебного решения, вынесенного в порядке ст. 125 УПК РФ по правилам, установленным ст. 127 УПК РФ.

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке в первом полугодии 2024 года / Официальный сайт: Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/> (дата обращения: 10.09.2026).

Изучение научной литературы, связанной с исследованием предмета и объекта обжалования, не позволяет дать однозначные ответы на множество вопросов, представляющих интерес для теории, законодательства и практики обжалования в уголовном судопроизводстве.

Согласно ст. 123–127 УПК РФ, обязательными составляющими предмета обжалования на его первом этапе, являются действия (бездействие), решения должностных лиц или органов, осуществляющих уголовное преследование и суда.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1) разграничены пределы судебного контроля в досудебном производстве, установлены категории процессуальных действий и решений, не подлежащих обжалованию по правилам ст. 125 УПК РФ. К ним относятся: процессуальные акты, законность которых может быть проверена только при рассмотрении уголовного дела по существу; действия и решения, для которых законодательством предусмотрен специальный порядок обжалования, в частности решения прокуроров, осуществляющих надзор за следствием и дознанием, действия начальника следственного изолятора; акты прокурорских работников, связанные с проверкой законности вступивших в силу судебных решений¹.

Важно, что постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 претерпело неоднократные изменения относительно разъяснений по вопросу определения предмета обжалования, например, путем дополнений случаями способными причинить ущерб конституционным правам граждан².

М.В. Азванов в качестве предмета жалобы указывает на действия (бездействия) дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора или суда о

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 9.

принятии процессуальных решений и производстве процессуальных действий, которые нарушили права и законные интересы лиц, участвующих в производстве по уголовному делу¹.

С.О. Ерохина под предметом обжалования в ходе досудебного производства понимает процессуальные решения, действия (бездействие) следователя, которые способны причинить существенный ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ к правосудию². Аналогичного мнения придерживается и Н.А. Айзенберг³.

Е.В. Носкова дает следующее определение предмета обжалования по ст. 125 УПК РФ: постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, об избрании мер процессуального принуждения (кроме тех, что требуют судебного решения — залог, домашний арест, заключение под стражу), об отказе в назначении защитника, в допуске законного представителя, о приостановлении предварительного расследования⁴.

С.Б. Россинский и С.А. Роговая указывают на то, что к действиям и решениям, обжалуемых в стадиях досудебного производства, следует отнести процессуальные решения и действия, напрямую не предусмотренные УПК РФ, но которые вытекают из его смысла (например, истребование следователем предмета или документа, решение о формальном признании за подозреваемым либо обвиняемым «рабочего» имени, выносимое в случаях неустановления его личности и т.д.)⁵.

¹ Азванов М.В. Предмет обжалования в досудебном производстве по уголовному делу // Аграрное и земельное право. 2020. № 6 (186). С. 105.

² Ерохина О.С. Предмет судебного обжалования действий (бездействия), решений следователя // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. №3 (22). С. 82.

³ Айзенберг Н.А. Предмет обжалования при реализации права на обжалование в суде действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4. С. 432.

⁴ Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 17.

⁵ Россинский С.Б., Роговая С.А. Предмет обжалования в суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 50.

Э.Р. Миргородская считает, что таким предметом следует рассматривать: привлечение лица в качестве обвиняемого, объявление в розыск, отказ в проведении конкретных следственных действий (судебная экспертиза, следственный эксперимент, очная ставка), отказ в удовлетворении ходатайств (о допуске защитника, о выдаче разрешения на свидание, об ознакомлении с материалами дела)¹.

Анализ теоретического материала показал, что научную дискуссию вызывает не само определение понятия предмета обжалования, а совокупность конкретных действий (бездействия) и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование образующих этот предмет. Причина: УПК РФ не содержит такого перечня, что приводит к их широкому и неоднозначному доктринальному толкованию и лишает единообразия правоприменительную практику.

Полагаем, что включение в уголовно-процессуальный закон всех решений, действий (бездействие) должностных лиц и органов уголовного судопроизводства, конкретизировав таким образом предмет обжалования, представляло бы собой чрезмерно сложную и практически неосуществимую задачу. Этот вывод обусловлен многообразием и вариативностью возможных ситуаций, возникающих в процессе уголовного производства.

Соответственно, поддерживая существующий законодательный подход, мы тем не менее считаем необходимым уточнить те нюансы процессуальной регламентации, которые встречают затруднения и выглядят неоднозначно.

Обратимся к признакам, которые указаны законодателем.

Во-первых, важным является указание на потенциальный риск для конституционных прав участников уголовного судопроизводства, которые могут нести процессуальные действия, бездействие или решения. Риски для иных категорий субъективных прав, не отнесенные к категории конституционных, не позволят образовать предмет обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ.

¹ Миргородская Э.Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ // Российский судья. 2021. № 3. С. 50-53.

Как справедливо отмечают И.С. Дикарев и С.М. Юткина, данное требование подразумевает необходимость установления прямой причинно-следственной связи между обжалуемым процессуальным актом (действием/бездействием) и конкретными правами и законными интересами заявителя¹.

Конституционный Суд РФ неоднократно в своих решениях отмечал, что если действия и решения должностных лиц и органов приводят к существенному ограничению конституционных прав и свобод личности, а отложение проверки законности и обоснованности таких действий и решений до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, то заинтересованным лицам должна быть обеспечена возможность незамедлительного обращения в суд с соответствующей жалобой².

Судебная оценка причинно-следственной связи не должна носить формальный характер. В частности, нельзя автоматически отказывать в рассмотрении жалобы лишь на основании того, что заявитель формально не признан участником уголовного судопроизводства. В качестве примера можно привести постановление о возбуждении уголовного дела – данный процессуальный акт потенциально может затрагивать интересы широкого круга лиц, даже если они прямо не указаны в материалах дела. Следовательно, вопрос о наличии правовой связи между обжалуемым решением и интересами заявителя требует тщательного рассмотрения в каждом конкретном случае.

Связь обжалуемого решения с правами и законными интересами лица может носить как прямой, так и опосредованный характер. В частности, возбужде-

¹ Дикарев И.С., Юткина С.М. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК // Законность. 2023. № 2. С. 50.

² Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 547-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Ерастова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 109, частью первой статьи 125, статьей 162 и частью четвертой статьи 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2023 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 5. Ст. 914.

ние уголовного дела по факту совершения общественно опасного деяния, не содержащее указания на конкретное лицо, способно затрагивать права гражданина, в отношении которого фактически осуществляется уголовное преследование, так как такое лицо лишается возможности защищать свои законные права и ограничивается в праве на защиту¹.

Во-вторых, речь идет о процессуальных действиях, бездействии и решениях, то есть они должны быть связаны с возбуждением и расследованием конкретного уголовного дела, так, например, действия сотрудников органов предварительного расследования и прокуратуры, которые не связаны с возбуждением, расследованием уголовного дела, не могут быть обжалованы по правилам ст. 125 УПК РФ².

Согласно ст. 125 УПК РФ могут быть обжалованы решения и действия должностных лиц и органов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, связанную с выявлением, пресечением преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении, выполняемые по поручению следователя, руководителя следственного органа и органа дознания в соответствии с ч. 3 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»³.

В-третьих, действия, бездействия и решения должны находиться в поле процессуальной деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование в досудебном производстве.

В-четвертых, обжалуемые процессуальные действия (бездействие) и решения не должны относиться к предмету судебного разбирательства по существу

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. № 77-1891/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Калужского областного суда от 25 июля 2022 г. по делу № 22К-956/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 12 августа 1995г. (ред. от 01.04.2025) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

уголовного дела и затрагивать процессуальные вопросы, касающиеся обоснованности предъявленного обвинения, оценки представленных доказательств и квалификации преступного деяния (далее – постановление № 1)¹.

Соблюдение вышеперечисленных признаков при определении наличия или отсутствия предмета обжалования способствовало бы более эффективному обеспечению законности и защиты прав граждан в уголовном процессе и повышению результативности обжалования². По данному поводу С.Б. Россинский утверждает, что процессуальные действия и бездействие, а также решения органов дознания, предварительного следствия и прокуратуры не содержат четких критериев, необходимых для практического применения, что затрудняет применение ст. 125 УПК РФ, а также приводит к ошибкам в разграничении с другими правоотношениями³.

Установление четких законодательных критериев и признаков, которые позволят определить предмет обжалования, поможет не только защитить права участников уголовного процесса, но и привести к единообразию правоприменительной практики.

Так, решениями судов первой и апелляционной инстанций было отказано в удовлетворении жалобы заявителю А. о признании незаконным и необоснованным бездействие дознавателя, связанное с рассмотрением материала КУСП. Суды установили отсутствие предмета обжалования, поскольку ранее принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела уже было предметом рассмотрения в рамках ст. 124 УПК РФ прокурором, по результатам которого постановление дознавателя было отменено. Но суды при принятии решения исходили из

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

² Лопотенко В.С. Некоторые аспекты определения предмета уголовно-процессуального обжалования в досудебном производстве // Теория и практика общественного развития. 2025. №4. С.265.

³ Россинский С.Б. О предмете и пределах обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1(71). С. 31.

положения абз. 2 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 и не учли положения абз. 3 этого же пункта, согласно которому, если из жалобы усматривается, что обжалуемое постановление дознавателя, отмененное прокурором ранее, также отменялось им с последующим вынесением аналогичного решения, судья должен принять такую жалобу к рассмотрению¹.

Отказ следователя в снятии наложенного ареста на имущество является бездействием, ограничивающим конституционные права лица. Юридическому лицу суд отказал в принятии жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, ссылаясь на то, что обжалуемое постановление следователя об отказе в снятии ареста на имущество не относится к категории решений, обжалуемых в данном порядке, так как не оспаривается законность наложенного на имущество ареста. Судом не было учтено, что ООО является участником уголовного процесса (потерпевшим), чьи имущественные интересы непосредственно затрагиваются решением следователя об отказе в удовлетворении такого ходатайства. Соответственно вывод суда о невозможности давать оценку действиям следователя противоречит положениям ст. 125 УПК РФ, что привело к отмене решения кассационным судом². Суд первой инстанции установил, что обжалуется процессуальная самостоятельность следователя, при этом предметом обжалования было решение следователя об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене ареста и возврате денежных средств, которое непосредственно затрагивает права и свободы юридического лица, причиняя имущественный вред.

В судебной практике встречаются случаи, когда при рассмотрении жалобы судом дается оценка не всех обстоятельств дела, что ведет к неверному определению предмета обжалования. Так, гражданин М. обвиняемый по ч. 4 ст. 159 УК

¹ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2024 г. № по делу 77-1065/2024 / Официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: <https://5kas.sudrf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

² Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. по делу № 77-1807/2021 / Официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: <https://5kas.sudrf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

РФ, в порядке ст. 125 УПК РФ обратился в суд с жалобой о признании незаконными и необоснованными действий следователя по объявлению в розыск его автомобиля, и действий оперуполномоченного по изъятию его автомобиля на основании протокола о наложении ареста на имущество. Суд первой инстанции отказал в ее удовлетворении. Однако судом апелляционной инстанции были установлены нарушения, так как доводы заявителя М., в том числе о незаконности изъятия его автомобиля, не рассмотрены судом нижестоящей инстанции в полном объеме, что привело к лишению обвиняемого М. конституционного права пользоваться данным имуществом (автомобиль был у него на ответственном хранении)¹. Неполная оценка предмета жалобы связана с неверным определением самого предмета обжалования, его границ, в данном случае была связана с тем, что суд оценивал законность решения о наложении ареста, а не действия сотрудников, связанных с его исполнением, а именно изъятием автомобиля.

Согласно п. 3.1 указанного постановления, не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ постановления следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого, однако суды не всегда соблюдают эти указания². Так, судьей Майкопского городского суда была рассмотрена жалоба адвоката Б., в которой он просил признать незаконным и необоснованным постановление следователя о привлечении лица в качестве обвиняемого по ч.4 ст. 111 УК РФ. По результатам рассмотрения суд отказал в удовлетворении требований, что стало причиной дальнейшего обжалования. Верховный суд Республики Адыгея отменил решение Майкопского городского суда, а производство по жалобе адвоката прекратил³, так как данный вопрос не может быть предметом рассмотрения в рамках ст. 125 УПК РФ.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 17 июля 2024 г. по делу № 10-14251/24 / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

³ Апелляционное постановление Верховный суд Республики Адыгея от 10 июля 2024 г. по делу № 22К-436/2024 / Официальный сайт Верховного суда Республики Адыгея. URL: <https://vs--adg.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

На практике встречаются случаи, когда вопросы определения предмета обжалования возникают на этапе возбуждения уголовного дела. Так, постановлением районного суда адвокату, действующему в интересах К., незаконно было отказано в принятии к рассмотрению жалобы по ст. 125 УПК РФ, так как суд не учел, что заявитель обжаловал несогласие с бездействием руководителя следственного отдела, отказавшего регистрировать сообщения К. о совершении преступлений и не проводившего процессуальной проверки в порядке ст. ст. 144–145 УПК РФ¹. Между тем в порядке ст. 125 УПК РФ обжалованию подлежит и бездействие должностных лиц, имевшее место на стадии возбуждения уголовного дела и выразившееся в отказе регистрировать заявление о совершении преступления, даже если впоследствии в возбуждении уголовного дела будет отказано².

Бездействие должностных лиц при проверке сообщения о преступлении следует относить к бездеятельности затрудняющих доступ к правосудию, в связи с чем оно является предметом судебного контроля в порядке ст. 125 УПК РФ³. В данном случае можно определить, что предмет обжалования, выраженный в качестве бездействия уполномоченного лица, который корреспондирует с его обязанностью совершить конкретные действия, направленные на регистрацию заявления о совершении преступления.

Представим следующую ситуацию, когда суды, не рассматривая жалобу в судебном процессе, определяют отсутствие предмета обжалования по ст. 125 УПК РФ и отказывают в принятии и рассмотрении жалобы, т.е. в основу своего процессуального решения ставят фактически исследованные ими доказательства, которые подлежали бы исследованию в установленном законом порядке

¹ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2020 г. по делу № 77-2160/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 09 июля 2024 г. по делу № 10-13435/24 / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

³ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 сентября 2021 г. по делу № 88а-23260/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

непосредственно в судебном заседании при рассмотрении жалобы по ее существу, что в последующем привело бы к отмене решения суда первой инстанции.

В таких случаях судебные органы, принимая решение о наличии или отсутствии предмета обжалования, не всегда опираются на критерии, установленные нормами УПК РФ, что создает правовую неопределенность и затрудняет доступ граждан к правосудию. Когда суды игнорируют процессуальные требования и принимают решения, исходя из предварительно исследованных доказательств или собственных выводов, без должного рассмотрения сути жалобы, это приводит к подрыву доверия к судебной системе и возможности исправить допущенные ошибки.

Не менее сложная ситуация складывается с определением предмета обжалования и на втором этапе комплексной судебной модели обжалования – при обжаловании состоявшегося судебного решения, вынесенного по жалобе, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ. Не имея возможности рассмотреть все виды пересмотра такого рода судебных решений, отметим апелляционное производство, как максимально приближенное во времени и по процедуре к рассмотрению жалобы по первой инстанции. В ст. 127 УПК РФ указано, что решения, вынесенные судом в порядке ст. 125 УПК РФ, пересматриваются в порядке, установленном гл. гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ. Уже в ст. 389.1 УПК РФ можно видеть существенный факт, который свидетельствует об отсутствии необходимой систематизации законодательного регулирования комплексной судебной формы обжалования: в перечне субъектов, имеющих право на принесение апелляционной жалобы не указаны лица, участвующие в обжаловании в порядке ст. 125 УПК РФ и потенциально заинтересованные в принесении апелляционной жалобы на состоявшееся судебное решение. Проблема видится в том, что при определенных обстоятельствах можно использовать аналогию закона в случаях определения субъектов соответствующего права в отношении осужденного, оправданного, потерпевшего, учитывая регулирование ст. 42, 46, 47 УПК РФ. Но как быть с теми субъектами, подавшими жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, которые не имели

еще официального процессуального статуса, а использовали только лишь фактическое процессуальное положение, основанное на правовой позиции Конституционного Суда РФ?

Часть 3 ст. 389.2 УПК РФ, в отличие от ст. 125 УПК РФ использует подход конкретного перечисления судебных решений, подлежащих обжалованию в апелляционном порядке. В ее содержании находим указание на судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию. Это все судебные решения, которые в той или иной степени могут иметь отношение к досудебному производству и могли быть постановлены в порядке ст. ст. 108, 109, 165 и иных статей УПК РФ и на которые могли быть поданы жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ. Тем самым законодатель вновь уклонился от четкого указания на те судебные решения, которые могут быть обжалованы, но теперь уже применительно к этапу апелляционного обжалования.

Но в системном истолковании с положениями ст. 125 УПК РФ содержание ст. 389.2 УПК РФ представляется еще более проблемной, поскольку в данном случае законодатель уже не требует, чтобы суд апелляционной инстанции при определении предмета обжалования опирался на положения ст. 125 УПК РФ.

Прежде приведем несколько примеров.

Апелляционная инстанция прекратила производство по жалобе в связи с отсутствием предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. Судом апелляционной инстанции указано, что Д., А. и С. в ходе проверки сообщения о совершении преступления самостоятельного интереса не имеют, сведений о нарушении их прав и законных интересов действиями (бездействием), решениями должностных лиц СУ СК РФ по ЧР при проведении проверки по материалу, а также доказательств лишения их доступа к правосудию не представлено¹.

¹ Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 28 мая 2026 г. № 77-615/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

Суд апелляционной инстанции, придя к выводу, что предметом судебного обжалования является лишь непосредственно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 апреля 2025 г., которое 5 декабря 2025 г. отменено заместителем руководителя следственного отдела, отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение о прекращении производства по жалобе¹.

Данные примеры приведены для иллюстрации проблемы, имеющей весьма масштабный характер: при рассмотрении в апелляционном порядке жалоб на судебные решения, постановленные в порядке ст. 125 УПК РФ, суды исходят из необходимости *установить предмет обжалования, определенный для производства по ст. 125 УПК РФ*, а вовсе не тот предмет, который предусмотрен для апелляционного производства (решения, перечисленные в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ). Иными словами, имеет место дублирование в судебной процессуальной деятельности: суды повторно выясняют наличие предмета обжалования, установленного для иного этапа.

Как представляется, такой подход не соответствует назначению уголовного судопроизводства, его организации уголовного судопроизводства, и не обеспечивает надлежащим образом права участников.

Подход к определению предмета обжалования в комплексной судебной форме должен иметь динамический (изменяемый) характер, при сохранении базовых признаков. В силу этого, предмет в указанной форме обжалования изменяется в зависимости от этапа:

– на первом этапе – это процессуальные решения, действия (бездействие) должностных лиц и органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, и иным заинтересованным лицам либо могут затруднить доступ граждан к правосудию;

¹ Кассационное постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06 мая 2026 г. № 77-1171/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

– на втором этапе – это судебные решения, постановленные по жалобам участников уголовного судопроизводства в порядке ст. 125 УПК РФ.

Определения предмета для формирования полноценного процессуального обжалования недостаточно. Необходимо определить также его объект. Ряд авторов в своих научных работах используя понятие «объект обжалования» рассматривают его как синонимичное понятие «предмету обжалования»¹. Встает вопрос каково же соотношение этих понятий и какова их взаимосвязь.

С.В. Рудакова рассматривая в своем исследовании объект обжалования, указывает на совокупность элементов, образующих эту категорию: 1) реально существующее решение, действие (бездействие); 2) их юридический образ, проекция². Так, например, при обжаловании отказа в возбуждении уголовного дела объектом обжалования будет, во-первых, само решение следователя или дознавателя, во-вторых, правовые нормы, устанавливающие основания и порядок вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

В содержание объекта обжалования на первом этапе комплексной судебной модели включаются общие требования – законность, обоснованность и мотивированность процессуальных действий, бездействия и решений уполномоченных должностных лиц.

Применительно к первому этапу рассматриваемой модели обжалования нам представляется правильным указать на возможность выделения дополнительного объекта. Его образуют установленные законом специфические условия обжалования процессуальных действий, бездействия и решений, постановленных в досудебном производстве, к числу которых относится, в частности, отсутствие формального процессуального статуса лица, но обладание им универсальным правом на обжалование, право фактического субъекта воспользоваться

¹ Дикарев И.С., Юткина С.М. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК // Законность. 2023. № 2. С. 50; Спиридонов М.С., Сурменова С.В. О новых правилах доступа к сплошной кассации // Уголовное право. 2023. № 8. С. 61; Андреева О.И., Рукавишникова А.А. Реформированное производство в суде кассационной инстанции: соотношение частного и публичного начал // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 5.

² Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 84.

юридической помощью адвоката, который также приобретает совокупность процессуальных прав, включая право на обжалование.

Объект второго этапа обжалования соответственно образуется судебным решением и требованиями («правовой проекцией»), предъявляемым к этим судебным решениям. И в этой части есть повод чтобы внести некоторые уточнения не в сами требования, а указать на те особенности, которые сопровождают судебную деятельность на пути выполнения этих требований. Особенно важно, что эти особенности затрагивают такое требование как обоснованность судебных решений, фактический состав, позволяющий суду вынести решение по существу поставленных перед ним вопросов.

Так, в соответствии с ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ лицо, подавшее апелляционную жалобу, в подтверждение приведенных доводов вправе заявить ходатайство об исследовании судом апелляционной инстанции доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, о чем должно указать в жалобе. Применительно к обжалованию судебных решений, постановленных в порядке ст. 125 УПК РФ, это правило мало реалистично: доказательства исследуются судьей при рассмотрении жалоб в указанном порядке достаточно редко. В то же время при определении порядка апелляционного обжалования законодатель высказался вполне определенно – ходатайствовать можно об исследовании только тех доказательств, которые были уже исследованы судом первой инстанции. Получается, что, не имея доказательств на первоначальном рассмотрении жалобы, заявитель лишается возможности представить их и в апелляционную инстанцию, в случае их появления.

В практике судов апелляционные инстанции занимаются исследованием материалов, не имеющих формата процессуальных доказательств. Так, в судебном заседании были исследованы заявление о преступлении, по которому поступил отказ в проведении проверки, письмо руководителя территориального органа СК РФ, Инструкция об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях)

системы Следственного комитета Российской Федерации, Решение Совета Республики Крым о назначении Н. на должность главы района и соответствующий контракт. На их основании апелляционная инстанция признала, что выводы суда первой инстанции не соответствуют установленным фактическим обстоятельствам и отменила его решение¹.

Налицо существенная особенность: апелляционной инстанцией не только проводится исследование фактических данных, не имеющих формата доказательств, но и на их основании устанавливаются юридически значимые обстоятельства, влекущие правовые последствия.

Названные особенности накладывают серьезный специфический отпечаток на всю комплексную судебную модель обжалования, которая приобретают уникальный характер, наполняется новым процессуальным содержанием и требует к себе особого подхода в части установления совокупности соответствующих этим особенностям процессуальных прав участников, а также индивидуальных средств и способов их обеспечения.

Прямая модель судебного обжалования применяется в досудебном производстве по достаточно разнообразным судебным решениям. Ее применение, а также процессуальные особенности реализации обусловлены наличием в компетенции суда принимать целый ряд важнейших процессуальных решений, направленных на ограничение конституционных прав участников уголовного судопроизводства, включая лиц, не имеющих уголовно-процессуального статуса (например, в случаях производства обыска у лиц, не вовлеченных в уголовное судопроизводство, наложение ареста на имущество лиц, не имеющих статуса, проведение выемки в ломбарде и др.). В указанных и иных, предусмотренных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ случаях, субъекты уголовно-процессуальных отношений (вне зависимости от наличия у них формального процессуального статуса) наделяются универсальным правом на обжалование и тем самым создаются условия для широ-

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 13 февраля 2025 г. № 22К-183/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

кого применения всей процедуры обжалования с выводом процессуальных споров на уровень вышестоящих судебных инстанций. В этом видится серьезная проблема для регулирования обжалования в досудебных стадиях: законодателем определены особенности обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ применительно к такому предмету как процессуальные действия, бездействие и решения органов досудебного производства.

Налицо ситуация, которая с процессуальной точки зрения требует выстраивания системной линии от досудебного производства непосредственно (прямо) к вышестоящим судебным инстанциям, минуя судебные стадии и присущие им гарантии. Однако, регулирование процедуры обращения к вышестоящим инстанциям не имеет индивидуализированного подхода, не учитывает специфику досудебного производства, полностью обращено лишь к случаям обжалования судебных решений, постановленных по уголовным делам, находящимся в производстве суда.

Представляется, что такого рода единый подход необходим только в тех случаях, когда речь идет о принципах пересмотра судебных решений вышестоящими инстанциями, но подлежит корректировке в частных аспектах, обеспечивая наилучшие условия для реализации права на обжалование применительно к тем решениям, которые постановлены судом в досудебных стадиях.

Используя общий подход к определению предмета и объекта для формы прямого судебного обжалования, полагаем обоснованным рассматривать в качестве:

– предмета – судебные решения, постановленные судом по вопросам, перечисленным законодателем в ч. 2 ст. 29 УПК РФ за исключением тех решений, которые вынесены в порядке ст. 125 УПК РФ. Их особенность заключена в том, что они связаны с формированием первоначального вывода суда о правомерности или неправомерности заявленных в ходатайствах должностных лиц требований ограничить конституционные права лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство;

– объекта – требования к указанному перечню судебных решений, а также специфику содержания, объема и субъектного состава носителей права на обжалование в рамках указанной формы.

Отметим некоторые, наиболее существенные отличия судебных решений, вынесенных в досудебном производстве от судебных решений, постановленных судом по уголовным делам, находящимся в его производстве. Для решения этой задачи выделим несколько критериев, которые частично сформированы в науке уголовного процесса.

1. Объем и пределы выполнения судом контрольной функции в досудебном и судебном производстве. Этот критерий весьма подробно исследован в теоретических источниках¹. Проводя указанное сравнение следует заключить, что:

– в досудебном производстве судебно-контрольная функция имеет ограниченный характер и реализуется в пределах заявленного ходатайства либо жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ;

– в судебных стадиях суд проводит полномасштабную оценку законности и обоснованности процессуальной деятельности органов досудебного производства.

Интерес вызывает в связи с данным критерием положение ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ, в которой законодателем установлено право суда апелляционной инстанции выйти за пределы доводов жалобы и проверить производство по уголовному делу в полном объеме. Очевидно, что данное правило применимо к производству по жалобам, поданным на решения судов, постановленных в досудебном производстве. В ходе эмпирической части исследования были выявлены отдельные решения апелляционных инстанций, в которых суд посчитал возможным

¹ См., например: Лукьянов С.С. Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. 396 с.; Он же. К вопросу определения компетенции суда по обеспечению надлежащей процедуры судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4 (53). С. 63–70; Он же. Определение компетенции суда по участию в процессе доказывания при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский судья. 2024. № 2. С 34–39.

выйти за пределы заявленных жалоб. Так, суд выявил ошибку в определении общего срока содержания обвиняемого под домашним арестом и внес изменения: срок должен быть не 4 месяца и 22 суток, а 4 месяца и 20 суток¹. В другом примере суд, также сославшись на положение ч. 1 ст. 389.19 УПК РФ и учитывая формулировки в протоколе задержания, уточнил квалификацию деяния: вместо указанной в постановлении суда первой инстанции ч. 1 ст. 226.1 УК РФ указал ч. 3 ст. 226.1 УК РФ.

2. Работа суда с фактическими данными:

– в досудебном производстве – имеет предварительный и опосредованный характер, может не включать исследование доказательств, допускается изучение судом материалов не обладающих форматом доказательств и принятие на их основании процессуальных решений². Пример из судебной практики: суд апелляционной инстанции проверил представленные документы, в том числе, протокол допроса свидетеля К., ознакомился с заключением служебной проверки по факту нарушения служебной дисциплины, на основании чего сделал вывод о правильности судебного решения и обоснованности подозрения в причастности З. к инкриминируемому преступлению³;

– в судебном производстве – имеет окончательный характер и предусматривает исследование исключительно тех материалов, которые имеют формат процессуальных доказательств.

3. Основа для формирования выводов в судебных решениях:

– в досудебном производстве – предположения;

– в судебном производстве – категорические заключения, запрет на использование предположений при вынесении обвинительного приговора.

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 августа 2026 г. № 10-17392/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

² В некоторых исследованиях ставится вопрос о расширении объема использования доказательств судом при постановлении отдельных процессуальных решений в досудебном производстве. Например: Никитина С.В. Доказательственная деятельность суда при принятии процессуальных решений в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2022. 229 с.

³ Апелляционное постановление Калининградского областного суда от 09 октября 2025 г. № 22К-1608/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Приведенное сравнение убеждает в том, что специфика судебных решений, постановленных в досудебных стадиях существенна, касается принципиально важных аспектов судебной деятельности, обуславливая необходимость ее учета при последующем производстве в вышестоящих судебных инстанциях.

Так, следует предположить, что проверка апелляционной инстанцией законности и обоснованности судебного решения, постановленного в досудебном производстве по вопросам, перечисленным в ч. 2 ст. 29 УПК РФ (за исключением постановленных в порядке ст. 125 УПК РФ) может проводиться исключительно по тем материалам, которые уже ранее исследовались судом первой инстанции, представление же новых материалов должно быть подкреплено аргументами, свидетельствующими о невозможности их представления в суде первой инстанции. Это положение сформулировано исключительно на правилах аналогии закона и его положения в ч. 1.1 ст. 389.6 УПК РФ. Однако прямого регулирования этого вопроса в тексте УПК РФ нет. Соответственно нет и четко прописанной обязанности разъяснять сторонам возможность представить в апелляционную инстанцию новые материалы для проверки состоявшегося в досудебном производстве судебного решения. Что касается указанной аргументации, то справиться с этой задачей может только квалифицированный юрист, что повышает ценность вовлечения адвоката на этапе апелляционного обжалования.

Производство в апелляционной инстанции ведется по правилам гл. 35–39 УПК РФ, о чем сказано в ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ. Следует задаться вопросом, насколько эти правила применимы к решению задач по проверке судебных решений, постановленных в досудебном производстве? Учитывая полученные в ходе исследования эмпирические данные, следует заключить, что это положение не всегда эффективно позволяет достичь необходимого результата в апелляционном обжаловании. Так, достаточно большая часть опрошенных респондентов (45%) показала, что в апелляционной инстанции при рассмотрении жалоб на судебное решение о применении заключения под стражу, полноценное судебное следствие невозможно в силу объективных причин, таких как отсутствие доказательств, а также непроведение судом первой инстанции каких бы то ни было

процессуальных действий, соответствующих гл. 37 УПК РФ (вместо допроса применялся, например, опрос, а вместо оглашения письменных доказательств – их изучение вне рамок судебного заседания)¹.

О таких же проблемах свидетельствуют и примеры из судебной практики. Типичной является следующая формулировка: «изучив представленный материал, обсудив доводы апелляционной жалобы, заслушав участников судебного разбирательства, суд апелляционной инстанции приходи к выводу ...»², из которой следует, что апелляционная инстанция вынужденно отказывается от применения положений гл. 37 УПК РФ. Понимая, что такого рода ситуация в определенной степени формальна, тем не менее считаем, что для выработки модели апелляционного обжалования существенным выступают особенности его предмета, для которого необходима собственная (персонализированная) процедура.

Объект прямого судебного обжалования – фиксируется в ст. 7 УПК РФ, а также не получает нормативного закрепления в части определения субъектов права на подачу апелляционной жалобы.

Требования, которые обращены к постановлениям суда, вынесенным в досудебном производстве, являются общими и включают законность, обоснованность и мотивированность. Учитывая же особенности процедуры судебного заседания, досудебного производства в целом, есть повод, чтобы указанные требования конкретизировать.

Законность судебного решения, постановленного в досудебном производстве, оценивается исходя из нескольких факторов, основным из которых выступает комплексность самого понятия «законность». Так, незаконным признается судебное решение, не отвечающее требованию обоснованности либо мотивированности. По этой причине мы считаем необходимым рассматривать законность сугубо с формальной позиции. Законность указанных судебных решений оценивается исходя из:

¹ Приложение 3.

² Такие формулировки широко распространены в судебных решениях. См, например: Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 27 августа 2024 г. № 22к-2205/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

- соблюдения процессуальной формы заявления ходатайства, например, о применении заключения под стражу (наличие необходимых согласований);
- выполнение требований судом о проведении судебного заседания, участии в нем обязательных участников, соблюдении их прав, и в целом установленной законом процедуры;
- выполнение требований по оформлению судебного решения.

Обоснованность такого решения складывается из оценки сведений, их совокупности, позволивших суду принять определенное решение. Например, применительно к решению о заключении под стражу необходимо наличие сведений, подкрепляющих:

- состоятельность выдвинутых подозрений или обвинений лица в совершении преступления;
- соразмерность меры пресечения;
- характеристику личности подозреваемого или обвиняемого, включая его особенности (например, возраст) и т.д.

Мотивированность судебного решения заключается в использовании судом установленных фактов, свидетельствующих о невозможности избрания иной меры пресечения.

Исходя из приведенного перечня представляется очевидным, что все общие требования применительно к судебным решениям исследуемой группы имеют существенные особенности и должны находить свое выражение в уголовно-процессуальном регламенте обжалования, включая подготовку жалоб, специфику их содержания и т.д.

О том, что в ст. 389.1 УПК РФ не указаны субъекты права на апелляционное обжалование решений, постановленных в досудебном производстве, мы ранее уже указывали. В данной части работы нам представляется важным отметить, что отсутствие соответствующего перечня субъектов (носителей) этого права вызывает проблемы в правоприменении. Например, суд отказал в принятии жалобы адвоката, посчитав, что адвокат еще не стал участником уголовного

судопроизводства, поскольку не был допущен следователем к участию в качестве защитника¹.

Особенного внимания заслуживает рассмотрение вопроса о промежуточных решениях, связанных с мерой пресечения (постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей и об отказе в удовлетворении ходатайства об изменении меры пресечения на более мягкую), в силу исключительной правовой, социальной и нравственной значимости.

Предмет обжалования решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу образуют конкретные судебные акты, постановления, которыми суд удовлетворяет ходатайство органа предварительного расследования об избрании данной меры пресечения либо отказывает в этом, а также решения о продлении срока содержания под стражей. Взаимосвязанные положения ч. 11 ст. 108, ст. 127, ч. 4 ст. 255, ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ относят такие решения к числу промежуточных судебных решений, подлежащих самостоятельному апелляционному обжалованию до вынесения итогового решения по делу, причем в сокращенный срок, в течение трех суток со дня вынесения. Указанная особенность принципиальна для определения предмета обжалования: защитник оспаривает не выводы по существу обвинения, а законность, обоснованность и мотивированность самого постановления о заключении под стражу, соблюдение судом условий ст. 97, 99, 108 УПК РФ и вывода о невозможности применения более мягкой меры пресечения.

Объект обжалования при этом составляют нарушенные или неправомерно ограниченные (в том числе в силу чрезмерной строгости, несоразмерности избранной меры пресечения) права и законные интересы подозреваемого (обвиняемого), прежде всего, право на свободу и личную неприкосновенность, на восстановление которых направлена апелляционная жалоба. Соотношение предмета и объекта выглядит следующим образом: предмет отвечает на вопрос «что

¹ Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2025 г. № 77-2805/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

обжалуется» (конкретное постановление суда), объект – «какое благо защищается» (свобода лица, необоснованно ограниченная). Практическое значение такого разграничения состоит в том, что защитник, формулируя жалобу, обязан «перевести» нарушение объекта (незаконное лишение свободы) на язык предмета, т. е. указать конкретные нарушения, допущенные при вынесенные судебного акта: отсутствие проверки обоснованности подозрения в причастности лица к преступлению, неподтвержденность обстоятельств, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, игнорирование запрета ареста по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ) либо наличие тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей.

Судебная практика подтверждает, что основаниями отмены постановлений о заключении под стражу выступают именно нарушения предмета обжалования, предусмотренные ст. 389.15 УПК РФ: несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам и существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» прямо указал, что избрание заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, причем в постановлении должны быть приведены конкретные фактические обстоятельства, основанные на исследованных в судебном заседании доказательствах¹.

Показателен в этом отношении пример из судебной практики, где немотивированность стала причиной отмены судебного решения. Так, удовлетворяя ходатайство следователя, суд первой инстанции для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу указал следующие основания: преступление, в ко-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 09 декабря 2025 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

тором обвиняется Б., направлено против основ конституционного строя и безопасности государства; Б. ранее привлекался к административной ответственности. При этом судом первой инстанции не приведены обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 108 УПК РФ, являющиеся обязательными основаниями для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лица, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести¹. Следовательно, суд вышестоящей инстанции отменил решение об избрании меры пресечения в связи с тем, что суд первой инстанции ограничился формальным перечислением оснований ст. 97 УПК РФ без ссылки на подтверждающие их конкретные данные. Приведенный стандартизированный подход к принятию постановления указывает на проблемы в определении предмета обжалования.

Применительно к решениям о заключении под стражу предмет и объект обжалования соотносятся как процессуальная форма и материально-правовое содержание защиты: объект (право на свободу) предопределяет направленность жалобы, а предмет (конкретное судебное постановление и его свойства, включающие законность, обоснованность, мотивированность) определяет пределы обжалования. Для адвоката точное определение предмета обжалования имеет тактическое значение: жалоба, апеллирующая лишь к нарушению объекта («доверитель незаконно лишен свободы»), без указания конкретных нарушений, допущенных при вынесении постановления, практически лишена перспективы, тогда как жалоба, вскрывающая несоответствие судебного акта требованиям ст. ст. 97, 99, 108 УПК РФ и правовым позициям Пленума Верховного Суда РФ, создает реальные предпосылки отмены или изменения меры пресечения на более мягкую.

Сформулированные общие положения непосредственно относятся к предмету апелляционного обжалования решений о заключении под стражу. В силу ч. 11 ст. 108 УПК РФ постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения

¹ Кассационное постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июля 2024 г. по делу № 7У-1999/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

заклучения под стражу или об отказе в этом подлежит апелляционному обжалованию в порядке, установленном гл. 45.1 УПК РФ, в течение трех суток со дня вынесения. Предметом такого обжалования выступают законность, обоснованность и мотивированность постановления: соблюдение процедуры рассмотрения ходатайства (ст. 108 УПК РФ), наличие обоснованного подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, подтверждение оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, конкретными фактическими данными, учет обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, а также мотивированность вывода суда о невозможности избрания более мягкой меры пресечения.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Комплексная судебная модель обжалования характеризуется сложносоставными предметом и объектом. Имеющиеся в структуре этой модели два последовательных этапа обжалования, каждый из которых обладает однородными общими (право на обжалование, субъекты обжалования, необходимость подачи жалобы, составление и направление которой уполномоченным субъектам обусловлена выполнением требований и т.д.) и специфическими признаками в числе последних находятся предмет и объект.

2. Предметом первого этапа обжалования являются процессуальные действия, бездействие и решения органов досудебного производства.

Объектом первого этапа выступает законность и обоснованность процессуальных действий, бездействия и решения органов досудебного производства. Право на обжалование в первом этапе (выступающее элементом объекта) принадлежит любому лицу, чьи права и законные интересы были затронуты процессуальными действиями, бездействием или решениями должностных лиц органов досудебного производства, а также их защитнику и/или представителю.

Предметом второго этапа комплексной судебной модели обжалования в досудебном производстве выступает судебное решение, постановленное в порядке ст. 125 УПК РФ.

Объектом данного этапа обжалования является законность, обоснованность и мотивированность указанного судебного решения.

Правом на обжалование обладают субъекты, чьи права и законные интересы затронуты указанным судебным решением, их защитнику и/или представителю.

3. Корректировка объекта и предмета комплексной судебной модели обжалования позволяет уточнить не только доктринальные взгляды, но и законодательную конструкцию досудебного обжалования в целом.

Прямое судебное обжалование представляет собой отдельную самостоятельную модель, применяемую в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в случаях необходимости проверки законности, обоснованности и мотивированности состоявшихся судебных решений по вопросам, отнесенным к компетенции суда в силу ч. 2 ст. 29 УПК РФ, за исключением решений, постановленных судом в порядке ст. 125 УПК РФ

Организация этой модели обусловлена двумя этапами:

- судебное заседание по рассмотрению и разрешению ходатайств органов досудебного производства с постановлением судебного решения;
- обращение непосредственно в вышестоящую судебную инстанцию для проверки состоявшегося судебного решения.

2. Выделение прямой модели судебного обжалования обусловлено специфическими объектом и предметом обжалования:

- объектом обжалования выступает – специфические по своему содержанию требования к судебному решению и особый круг субъектов носителей права на обжалование;
- предметом обжалования является – перечень судебных решений, входящих в компетенцию суда на основании предписаний ч. 2 ст. 29 УПК РФ, за исключением тех, что определены в ст. 125 УПК РФ.

3. Прямое обращение к вышестоящей судебной инстанции из досудебного производства по указанному вопросу актуализирует решение проблем синхронизации требований, предъявляемых к процессуальным решениям суда в досудебном производстве, адаптации процессуальной формы, совершенствования

процессуального потенциала участников, особенно защитника, а также тех, кто не имеет формального процессуального статуса.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРАВОВАЯ И НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОСУДЕБНОМ ОБЖАЛОВАНИИ

2.1. Теоретическая и правовая основа участия адвоката в досудебном обжаловании

В ст. 2 Конституции РФ установлено, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью в государстве. Их признание, соблюдение и защита выступает обязанностью государства.

Конституционные установления о приоритете защиты прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве, и прежде всего, при осуществлении уголовного преследования, являются основой для формулирования отраслевого принципа уголовного судопроизводства «обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту» (ст. 16 УПК РФ). Право каждого защищаться всеми способами, не запрещенными законом установлено в ч. 2 ст. 45 Конституции. В ч. 2 ст. 16 УПК РФ указанное положение приобретает отраслевое содержание, а именно: подозреваемому и обвиняемому обеспечивается возможность защищаться всеми способами, не запрещенными УПК РФ. Соответствующая обязанность возлагается на дознавателя, следователя, прокурора и суд.

Интересным представляется тот факт, что обязанность обеспечивать право на защиту не возлагается на адвоката, вступающего в уголовное дело как защитника. При этом в ст. 48 Конституции РФ сказано, что каждому гражданину обеспечивается доступ к квалифицированной юридической помощи, а каждый задержанный, заключенный под стражу обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. В УПК РФ речь идет уже только о юридической помощи, без ее конкретизации как квалифицированной.

Определенные разночтения в формулировках конституционного и уголовно-процессуального права стали предметом дискуссий. В рамках проводимого исследования не ставилась задача участия в данной дискуссии. Тем не менее отдельные ее аспекты имеют значение для основной цели данной работы.

Обозначенное несовпадение конституционной и уголовно-процессуальной терминологии само по себе не снимает необходимости определить содержание права на защиту, поскольку от избранного подхода к его пониманию зависят как объем обеспечиваемых гарантий, так и характер процессуальных полномочий защитника, включая полномочие по обжалованию. В связи с этим, прежде чем, переходить к анализу процессуальных механизмов обеспечения права на защиту, целесообразно обратиться к сложившимся в уголовно-процессуальной доктрине подходам к его понятию. Обзор научных позиций показывает, что единого подхода не выработано: авторы по-разному определяют как содержание, так и структуру данной категории.

Право на защиту понимается по-разному, среди разнообразия мнений выделим Ю.И. Стецовского, который видит в защите «законодательную и процессуальную деятельность, направленную на восстановление нарушенного права, на обеспечение юридической обязанности», а также общеправовой принцип¹.

Позиция И.Я Фойницкого относительно понятия права защиту формируется из двух частей: формальной и материальной. Так, формальная составляющая наделяет подозреваемого правом иметь представителя перед судом, а материальная представлена совокупностью процессуальных прав и мер, направленных к установлению невиновности подозреваемого². В литературе подчеркивается важность осознания подозреваемым, обвиняемым наличия у него комплекса прав, реализация которых позволяет ему защищаться лично или прибегнуть к

¹ Стецовский Ю.И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. С. 285.

² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. С. 314.

квалифицированной юридической помощи, а также получать содействие в этом со стороны дознавателя, следователя, прокурора или суда¹.

Думается, что право на защиту следует рассматривать как: 1) принцип уголовного судопроизводства; 2) уголовно-процессуальную функцию; 3) процессуальную деятельность подозреваемого, обвиняемого, реализуемую как лично, так и с помощью защитника и (или) законного представителя.

Изложенное понимание позволяет рассматривать право на защиту не как одномоментный акт, а как многоаспектное правовое явление, реализация которого предполагает определение круга лиц, обладающих таким правом. Установление субъектного состава имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку именно от момента признания лица носителем права на защиту зависит возникновение у него производных процессуальных гарантий, в том числе права на обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Субъектом права на защиту выступает лицо, против которого ведется уголовное преследование. И в этой части необходимо указать на определенные несоответствия между положениями конституционного и уголовно-процессуального права и правовыми позициями Конституционного Суда РФ. В соответствии с последними правом на защиту обладает не только лицо, официально обладающее статусом подозреваемого, обвиняемого, но и фактически поставленное в процессуальное положение уголовно-преследуемого.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П сформулировал правовую позицию, согласно которой право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у лица с того момента, когда его права и

¹ Гладченкова С.В. Право на защиту как принцип уголовного судопроизводства: к постановке проблемы // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы X Междунар. науч.-практ. Конф. Брянск: Брянский гос. инженерно-технологический ун-т, 2023. С. 200.

свободы реально затрагиваются мерами, связанными с уголовным преследованием, независимо от формального процессуального статуса¹, например, задержание и заключение под стражу – наиболее очевидные формы такого реального ограничения прав, а значит, именно с ними закон связывает право на защиту и производного от него права на обжалование. Исходя из чего нужно расширить субъектный состав лиц, обладающих правом на защиту и соответствующие процессуальные средства его обеспечения.

В числе основных средств, обеспечивающих право на защиту, в уголовно-процессуальной доктрине рассматривается вовлечение адвоката, наделение его статусом защитника и придание ему на этой основе совокупности процессуальных полномочий².

По мнению О.И. Андреевой, реализация права на защиту предполагает, что лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, уже на первоначальных этапах расследования получает от государственных органов и должностных лиц исчерпывающие сведения о своих правах, обязанностях и об ответственности, включая право защищаться самостоятельно либо прибегнуть к помощи защитника³. Объем такой информации должен быть достаточным, чтобы у лица имелась не формальная, а действительная возможность выстроить свою

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Тарасов А.А. Действительное и мнимое в обеспечении прав стороны защиты // Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М.: Юр-литинформ, 2025. С. 60-75, Яковлева С.А., Криворотов С.Н. О правовых средствах оказания защитником квалифицированной юридической помощи при применении мер процессуального принуждения // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 1 (9). С. 88–94; Баев М. О., Куницина О. А., Цурлуй О. Ю. Адвокат-защитник в досудебном производстве по уголовному делу (процессуально-тактические основы деятельности). М.: Юрлитинформ, 2019. 254 с.; Климова Я. А. Проблема реализации права на защиту в досудебном производстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. С. 111–121; Селина Е. А. Участие адвоката в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса / под научной редакцией Г. И. Загорского. М.: Проспект, 2022. 94 с., Миллеров Ю.Б., Чупилкин, Ю. Б. Участие адвоката в уголовном судопроизводстве / учебное пособие – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2024. – 128 с.

³ Андреева О.И. К вопросу об ограничении права обвиняемого (подозреваемого) на защиту в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 17.

защиту – лично или через защитника. При этом очевидно, что защитник, являясь самостоятельным (относительно) субъектом уголовно-процессуальных отношений, также нуждается в том, чтобы ему предоставлялись определенные возможности, чтобы выполнять возложенную на него функцию. Соответственно обеспечение права на защиту обвиняемого (подозреваемого) происходит как непосредственно (путем разъяснения прав и создания условий для их реализации), так и опосредовано – путем обеспечения прав лиц, вовлеченных для оказания помощи обвиняемому (подозреваемому) в защите от уголовного преследования.

Как справедливо отмечают Г.И. Седова и Ю.В. Францифоров, сама по себе деятельность защитника в уголовном судопроизводстве является недостаточным фактором для оказания обвиняемому (подозреваемому) квалифицированной юридической помощи. Необходимо обеспечить, т.е. создать соответствующие условия, позволяющие адвокату действительно реализовать свои права по оказанию такой помощи обвиняемому (подозреваемому)¹.

Ю.И. Стецовский и А.М. Ларин определяли защиту как процессуальную деятельность, направленную на опровержение подозрения и обвинения, на выявление обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, исключаящих или смягчающих его ответственность². Закон говорит о двух взаимосвязанных обязанностях защитника: использовать все указанные в законе и не запрещенные им средства и способы защиты и не предпринимать ничего во вред доверителю; аналогичное требование закреплено в ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»³. Из деятельностного понимания защиты следует важный вывод о том, что

¹ Седова Г.И., Францифоров Ю.В. Некоторые вопросы обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту // Публичное и частное право. 2021. № 1 (44). С. 185.

² Волкодаев Н.Ф., Лазарева В.А., Напреенко А.А., Черкасова Н.Ю. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту // Советское государство и право. М.: Наука, 1990, № 1. С. 149.

³ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

защита не исчерпывается возражениями против обвинения, а охватывает и реагирование на любые процессуальные акты, ущемляющие права доверителя, прежде всего посредством их обжалования.

На основании изложенного защиту подозреваемого (обвиняемого) можно определить как комплекс принимаемых защитником мер, приемов и способов, направленных на реализацию процессуальной функции защиты в целях обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов личности. Продолжая мысль о прямой значимости реализации права на защиту обвиняемого (подозреваемого) и обжалования, отметим, что оно представляет собой процессуальное средство охраны прав личности¹, механизм обеспечения выполнения требований закона² и сдерживания должностных лиц от незаконных действий³.

Защитник наделяется широким кругом полномочий, включая полномочие по обжалованию, в том числе в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Выстраивая конфигурацию процессуального статуса защитника в сфере обжалования, можно выделить следующие уровни:

- общий процессуальный статус (определяет наличие права на обжалование в целом);
- статус защитника в досудебном производстве (особенности статуса в досудебных стадиях);
- совокупность полномочий, необходимых защитнику применительно к обжалованию в досудебном производстве (специфические процессуальные полномочия защитника в сфере досудебного обжалования).

А учитывая, ранее сформированные модели досудебного обжалования, можно констатировать, что, применительно, например, к модели прямого судеб-

¹ Сергеев А.Б. Права и законные интересы участников уголовного судопроизводства: понятие, соотношение, степень правовой гарантированности. Постановка проблемы // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер.: Право. 2022. Т. 7, вып. 2. С. 58.

² Рудакова С.В. Теоретическая конструкция обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве: монография. С. 24.

³ Горак Н.В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 31.

ного обжалования, имеется потребность выделить и еще один уровень: совокупность специфических полномочий при реализации защитником определенной модели досудебного обжалования. На каждом из этих уровней защитник должен обладать не только декларативными, но и вполне реальными возможностями по осуществлению своих полномочий.

Обжалование в досудебном производстве для защитника выступает правом (п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Отметим, что формулировка закона предусматривает конкретизацию права обжалования для защитника, указывая на обжалование процессуальных действий, бездействия и решений органов досудебного производства и суда. В то же время законодатель еще раз обращает внимание на обладание защитником права на обжалование в досудебном производстве в его комплексной судебной модели (ч. 2 ст. 125 УПК РФ), а вот при определении правил прямой модели судебного обжалования в досудебном производстве такой конкретизации нет. Иными словами, то обстоятельство, что защитник вправе обращаться к вышестоящему суду в случае несогласия с решением суда об избрании меры пресечения в ходе предварительного расследования, а также особенности реализации этого и иных направлений его обеспечения не учитываются в уголовно-процессуальном законе и не получают нормативного определения.

Нормативная основа рассматривается нами как исходная точка для развития соответствующих средств обеспечения права защитника на обжалование в досудебном производстве. Средства обеспечения защитнику права на обжалование в досудебном производстве учеными рассматриваются в основном только применительно к ст. 125 УПК РФ. Все же, что касается обеспечения права на прямое обжалование судебных решений, постановленных в досудебном производстве в вышестоящий суд, имеет в науке весьма фрагментарное описание. В то же время отсутствие достаточного внимания к этому вопросу не означает отсутствия проблем в указанной сфере обжалования.

Прежде, отметим значимость обжалования таких решений и, в частности, решений суда о заключении подозреваемых и обвиняемых под стражу. Так, за-

щитником было обжаловано судебное решение о заключении под стражу обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УПК РФ. Суд, рассмотрев апелляционную жалобу защитника согласился с его доводами о том, что при рассмотрении ходатайства следователя суд первой инстанции не оценил мотивированность ходатайства, оставил без проверки то обстоятельство, что преступное деяние подлежало судебному анализу с точки зрения применения положений п. 1 ст. 2 ГК РФ вне зависимости от указания на это участников процесса и отменил решение о заключении под стражу¹.

А вот еще один пример: защитником подана апелляционная жалоба на решение суда, принятое по ходатайству следователя о заключении обвиняемого под стражу. В апелляционной инстанции установлено, что обвиняемый в целом характеризуется удовлетворительно, ранее не судим и к уголовной и административной ответственности не привлекался. Каких либо объективных данных, что склонен к совершению преступлений, а так может скрыться от органов следствия, что он продолжает преступную деятельность продолжительное время и из корыстных интересов занимается незаконной деятельностью в сфере оборота наркотических средств или намерен ее продолжить, он угрожает свидетелям, предупреждает соучастников преступления, может уничтожить доказательства и иным способом воспрепятствовать производству по уголовному делу, материалы дела не содержат и суд ими не располагает. Таких сведений суду первой и второй инстанций стороной обвинения не представлено. Апелляционная инстанция расценивает как необоснованное, утверждение обвинения, что обвиняемый скроется от органов следствия, воспрепятствует производству по уголовному делу и продолжит преступную деятельность. Суд апелляционной инстанции так же не соглашается с утверждением суда первой инстанции об отсутствии обстоятельств, препятствующих нахождению обвиняемого под стражей т.к. суду представлена выписка и.о. заведующего поликлиническим отделением о том, что

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 июля 2021 г. по делу № 10-14180/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

обвиняемый состоит на учете у врача психиатра с диагнозом «Шизофрения параноидальная». Решение суда первой инстанции отменено¹.

Приведенные и иные случаи судебной практики убеждают в правовой и социальной значимости обжалования решений суда в апелляционную инстанцию, так как реализация этого права позволяет оперативно восстанавливать необоснованно ограниченные или нарушенные права граждан. Интересен и следующий факт: проведенные подсчеты показали, что большинство случаев обжалования инициируются и осуществляются именно защитниками (99 %²), в ряде случаев вместе с апелляционной жалобой защитника в уголовном деле имеется жалоба самого обвиняемого (35 %).

Для сравнения, при обжаловании приговоров, иных итоговых судебных решений эти показатели изменяются:

- 55 % апелляционное обжалование осуществляется только защитниками осужденных;
- 35 % обжалование осуществляется совместно как защитником, так и осужденным (оправданным);
- 10 % жалобы подаются только осужденным.

Количественный показатель свидетельствует, как представляется, о нескольких факторах:

- доверители полностью полагаются на защитников и их квалификацию в системе досудебного обжалования;
- защитники масштабно реализуют свое право на досудебное обжалование. При этом другие цифры свидетельствуют о небольшой доле успешных об-

¹ Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 27 мая 2020 г. по делу № 22К-814/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² При обобщении судебной практики не было установлено ни одного производства, в котором не фигурировал бы защитник в том или иной аспекте – как непосредственный субъект обжалования, как участник, поддержавший жалобу доверителя. Тем не менее, наличие таких случаев в принципе допускается, и поэтому указано 99, а не 100 %.

жалований. По данным судебной статистики, суды ежегодно удовлетворяют подавляющее большинство, порядка 90 %¹ ходатайств органов предварительного расследования об избрании данной меры пресечения, что придает апелляционной проверке соответствующих решений значение практически единственного реально действующего механизма их корректировки.

Приведем пример из практики. В районный суд поступило ходатайство следователя об избрании подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 187 УК РФ гражданину Б. меры пресечения в виде заключения под стражу. Свое ходатайство следователь обосновал тяжестью совершенного преступления, предположением о том, что подозреваемый может скрыться от органов предварительного следствия и суда, уничтожить доказательства по уголовному делу, оказать давление на свидетелей либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Суд, удовлетворяя заявленное следователем ходатайство, указал на его обоснованность, сослался на изложенные в нем доводы и посчитал, что оснований для избрания более мягкой меры пресечения нет.

Адвокат подал жалобу в защиту интересов подозреваемого Б. В своей апелляционной жалобе он указал, что суд первой инстанции не привел убедительных доводов о невозможности применения к последнему иных, более мягких мер пресечения, в том числе залога, и не дал должной оценки, как того требуют положения ст. 99 УПК РФ, совокупности сведений о личности подозреваемого, который ранее не был судим, к уголовной ответственности не привлекался, на учете не состоит, имеет постоянную регистрацию. Суд апелляционной инстанции посчитал, что доводы органов следствия и выводы суда о том, что, находясь на свободе, подозреваемый скроется, воспрепятствует производству по делу, в

¹ Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 и 2024 гг., за 6 мес 2025 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

представленных материалах объективно не подтверждены и отменил решение, избрав залог в качестве меры пресечения¹.

В рассмотренной ситуации суд первой инстанции формально выполнил возложенные задачи: принял ходатайство, заслушал стороны, вынес мотивированное (по форме) постановление. И только благодаря активной и профессиональной деятельности адвоката-защитника справедливость была восстановлена.

Адвокат не ограничился выражением несогласия, а указал на конкретные дефекты судебного решения: неисполнение требований ст. 99 УПК РФ, не дана оценка совокупности сведений о личности (отсутствие судимости, постановки на криминальные учеты, постоянная регистрация), не проверены выводы следствия о том, что обвиняемый может скрыться или воспрепятствовать производству по уголовному делу. Тем самым вышестоящий суд смог устранить нарушение и восстановить баланс между публичным интересом и правом лица на свободу. В данном случае следует согласиться с суждением М.Ш. Буфетовой, согласно которому право подозреваемого, обвиняемого на защиту в уголовном судопроизводстве представляет, по своей сущности, институт, призванный компенсировать фактическое неравенство участников со стороны обвинения и участников уголовного судопроизводства, обладающих процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого².

Отметим, что право на обжалование действий (бездействия), решения должностных лиц следует рассматривать не как один из «способов» защиты в ряду прочих, а как необходимое условие, без которого само право на защиту утрачивает реальное содержание.

В приведенных обстоятельствах полагаем, необходимо усилить внимание к вопросам теоретического развития и законодательного регулирования права защитника на обжалование.

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 19 мая 2026 г. по делу № 22-3701/2026. URL: <https://kraevoi--krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

² Буфетова М.Ш. Проблемы реализации права на защиту в современном уголовном судопроизводстве // ГлаголЪ правосудия. 2016. № 2 (12). С. 58.

В настоящее время есть повод говорить о том, что акцент научных исследований существенно смещен в сторону разработок права на обжалование в сфере досудебного комплексного обжалования. Множество работ, посвященных обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ¹, тем не менее, также оставляют в стороне либо только частично рассматривают вопросы обжалования судебных решений, вынесенных по этим жалобам, в вышестоящие судебные инстанции.

Что касается прямого обжалования в досудебном производстве, то целевым образом этой модели не было посвящено ни одной научной работы.

Правовая основа апелляционного обжалования, как представляется складывается для защитника из двух сегментов: законодательной и морально-нравственной. В данной части работы рассмотрим законодательные правила апелляционного обжалования судебных решений в прямой модели.

Прямое судебное обжалование в деятельности защитника в досудебном производстве включает следующие этапы.

1. Извещение и участие защитника в судебном заседании при рассмотрении судом обращений органов предварительного расследования. Такое участие действующий УПК РФ предусматривает лишь в некоторых случаях:

- при избрании меры пресечения (ст. ст. 105.1, 108, 109, и иные УПК РФ), а также при продлении сроков их действия (ст. 109 УПК РФ);
- при рассмотрении вопроса об утилизации либо реализации вещественных доказательств, относящихся к категории скоропортящихся (ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ).

В остальных случаях, когда суд принимает решение по обращениям органов досудебного производства, включая рассмотрение вопросов о применении

¹ Кузнецова Е.А. Судебный порядок рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ как разновидность судебного контроля на досудебных стадиях // Научный компонент. 2020. №1 (5). С. 42-49; Малинин В.Б. Проблемы применения ст. 125 УПК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 2(18). С. 47-50; Коршунов А.В. Вопросы реализации статьи 125 УПК РФ // Вековые традиции российского права: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф.– Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2022. С. 296-299; Миргородская Э.Р. Исполнение судебных постановлений, вынесенных в порядке статьи 125 УПК РФ: теоретические и правоприменительные проблемы // Российский следователь. 2022. № 2. С. 36-38.

иных мер процессуального принуждения (например, отстранение от должности – ч. 2 ст. 114 УПК РФ, а также наложение ареста на имущество – ст. 115, производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан – ч. ч. 1-3 ст. 165 УПК РФ, и др.) защитник не участвует, не уведомляется о рассмотрении такого рода ходатайств, равно как и его доверитель.

Принятые судом решения становятся им известны только после их практической реализации (например, производство обыска, наложение ареста на имущество, отстранение от должности и др.). В этой части следует задаться вопросом о практической реализации в рамках обжалования в досудебном производстве положений ч. 11 ст. 108 УПК РФ – обжалование решения о применении заключения под стражу может быть обжаловано в течении 3 суток с момента вынесения с учетом особенностей ст. 389.3 УПК РФ. Однако за рамками законодательного определения остается вопрос о сроках обжалования решений суда, в процедуре принятия которого защитник и его доверитель не участвовали. Если взять за основу ст. 127 УПК РФ, которая предписывает обжаловать решения суда, постановленные в досудебном производстве в апелляционную либо кассационную инстанцию, указывая на порядок, предусмотренный гл. гл. 45.1 и 47.1 УПК РФ, то в этих главах уголовно-процессуального закона никаких уточнений по приведенному вопросу нет. Отсутствие ответа нам представляется весьма существенной научной и законодательной проблемой, определяющей и содержание правоприменительных сложностей.

Существенное значение для эффективности обжалования имеет взаимодействие защитника с доверителем: своевременное свидание с лицом, содержащимся под стражей, согласование позиции, разъяснение последствий обжалования и получение от доверителя сведений, которые могут быть положены в основу жалобы.

2. Обращение в апелляционную инстанцию с жалобой на решение суда первой инстанции. Как уже неоднократно подчеркивалось такое обращение регулируется исключительно гл. 45.1 УПК РФ, что исключает какие-либо иные, не предусмотренные указанной главой уголовно-процессуального закона, способы

процессуального взаимодействия защитника и апелляционной инстанции, основанные на учете особенностей досудебного производства.

Обращение адвоката к апелляционной инстанции должно иметь несколько важных составляющих:

– как ранее указано – это сроки, в течении которых адвокат может рассчитывать на подготовку и собственно передачу в апелляционную инстанцию своей жалобы. Этот этап достаточно затратен по времени, т.к. предполагает, во-первых, получение копии судебного решения. Законодатель не содержит никаких дополнительных предписаний, позволяющих ускорить выдачу этой копии, и обходит молчанием сроки ее изготовления, равно как и право защитника на получение этого документа. Во-вторых, подготовка текста жалобы и ее направление в апелляционную инстанцию;

– определение предмета обжалования. В этой части имеется весьма своеобразная законодательная ситуация. В соответствии с ч. 3 ст. 108 и ч. 3 ст. 389.3 УПК РФ прямо предусмотрено апелляционное обжалование решений о применении заключения под стражу и продлении сроков ее действия. Также в число подлежащих обжалованию в апелляционном порядке судебных решений, постановленных в досудебном производстве на основании ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ включены:

– об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую меру пресечения;

– о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы;

– об отказе в направлении лица, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, на медицинское освидетельствование на предмет наличия у него тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей;

– о наложении ареста на имущество, об установлении или продлении срока ареста, наложенного на имущество;

– другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела.

Сопоставление этого перечня с кругом вопросов, входящими в компетенцию суда в досудебном производстве на основании ч. 2 ст. 29 УПК РФ, логично приводит к постановке вопроса: возможно ли апелляционное обжалование, например, решения суда об отстранении обвиняемого от должности до вынесения итогового судебного решения по уголовному делу, не входящего в перечень ч. 2 ст. 389.3 УПК РФ, но предусмотренный в ч. 2 ст. 29 УПК РФ?

Формально-юридический анализ закона позволяет дать отрицательный ответ на этот вопрос. Однако, практика дает нам ответ положительный¹. И эту ситуацию мы также рассматриваем как проблемную для реализации адвокатом своего права на апелляционное обжалование;

– подбор оснований для обжалования, их аргументация. В этой части законодатель вновь не предусматривает никаких особенностей правового регулирования, отсылая правоприменителей к общим основаниям апелляционного обжалования (ст. 389.15 УПК РФ). Здесь следует обратиться к анализу указанных в ч. 1 ст. 389.15 УПК РФ оснований к отмене судебных решений:

1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции;

2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона;

3) неправильное применение уголовного закона;

4) несправедливость приговора;

5) выявление обстоятельств, указанных в части первой и пункте 1 части первой.2 статьи 237 УПК РФ.

¹ См., например: апелляционное постановление Московского областного суда от 28 мая 2026 г. по делу № 22к-4966/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

Зададимся вопросом: какие из этих оснований практически применимы к обжалованию решений суда, постановленных в досудебном производстве?

Исходя из приведенных формулировок только одно – существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Проведя исследование судебной практики, мы получили результаты, свидетельствующие, что суды в апелляционной инстанции проверяют не только законность в ее процессуальном аспекте, но также и иные требования, предъявляемые к судебным решениям, в частности их обоснованность. При этом интересен тот факт, что в числе обстоятельств, выступающих основаниями для избрания заключения под стражу, а также ее последующей проверке в апелляционной инстанции выступает, в частности соразмерность этой меры пресечения личности обвиняемого и предъявленному ему обвинению¹, а также иные фактические обстоятельства².

Как представляется, в условиях почти полного законодательного вакуума в части определения оснований для апелляционного обжалования судебных решений, постановленных в досудебном производстве, подбор оснований для обжалования адвокатом этих решений составляет важнейшее направление процессуальной деятельности³.

Обобщая вышеизложенное, сформулируем основные выводы.

1. Обращение защитника в апелляционную инстанцию имеет высокую степень правовой и социальной значимости. Тем не менее, в настоящее время не существует единой концепции апелляционного обжалования защитником судебных решений, постановленных в досудебном производстве. Имеются разрозненные научные положения, касающиеся общих аспектов, но не позволяющих в полном объеме представить теоретическую основу этой деятельности защитника.

2. В качестве одного из основных элементов теоретической конструкции апелляционного обжалования предлагаем структуру процессуального статуса

¹ См.: апелляционное постановление Смоленского областного суда от 17 марта 2026 г. № 22к-426/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 27 мая 2026 г. № 22к-613/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. об этом гл. 3 данной работы.

адвоката-защитника при реализации им досудебного обжалования судебных решений в вышестоящих судебных инстанциях:

- общий процессуальный статус;
- особенности статуса защитника в досудебном производстве;
- совокупность полномочий, необходимых защитнику применительно к обжалованию в досудебном производстве.

Для реализации каждой из сформулированных моделей обжалования необходимо выделить дополнительный уровень, образованный совокупностью специфических полномочий.

3. Законодательная основа процессуальной деятельности адвоката-защитника в указанной сфере также имеет многочисленные проблемы, причины которых кроются в отсутствии индивидуализированного подхода к таким сторонам обжалования, как: длительность (сокращенность) и порядок исчисления сроков подачи апелляционных жалоб (от момента постановления не всегда приемлемо для адвоката, не участвовавшего и не извещенного о принятом судебном решении); определение предмета обжалования (разночтения между различными положениями уголовно-процессуального закона, определяющих компетенцию суда в досудебном производстве и суда апелляционной инстанции); не специализированный подход к определению оснований отмены либо изменения судебных решений промежуточных, постановленных в досудебном производстве.

Установленные проблемы имеют весьма серьезный характер, снижают общую эффективность апелляционного обжалования, о чем свидетельствуют статистические данные. Также отметим и их масштаб, исключающий их подробное рассмотрение в рамках одной работы, поэтому в дальнейшем своем исследовании мы акцентируем внимание только на некоторых из них, а именно на основаниях обжалования и потребности в специализированном подходе к их разработке и законодательном закреплении.

2.2. Нравственная основа и этические правила участия адвоката в досудебном обжаловании

Существующий порядок уголовного судопроизводства во многом отражает мировоззрение и моральные ценности общества. На протяжении многих лет ученые обсуждают цели уголовного процесса и его концептуальные основы. Нравственные основы, понимаемые как система концептуальных идей, ценностей и норм, влияют на поведение людей, их решения и отношения с окружающими, в том числе и в уголовно-процессуальных правоотношениях.

Нравственные основы уголовного судопроизводства играют ключевую роль в обеспечении справедливости в правоприменительной практике. Они отражают основные ценности и принципы, которые должны направлять действия всех участников уголовного процесса: от следователей и прокуроров до судей и защитников. Эти начала помогают формировать доверительное отношение к судебной системе и направлены на защиту прав и законных интересов граждан.

Адвокат при исполнении своих обязанностей руководствуется не только Федеральным закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ об адвокатуре), но и Кодексом профессиональной этики адвоката² (далее – КПЭА), устанавливающий обязательные для каждого адвоката правила поведения, которыми он должен руководствоваться в своей профессиональной деятельности, и качества, которыми он должен обладать: профессионализм, нравственность, соблюдение традиций адвокатуры, честность, сохранение профессиональной тайны.

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

² Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18 апреля 2025 г.) // Вестник адвокатской палаты г. Москвы. 2005. № 4–5.

Адвокатская этика как составная часть юридической этики представляет собой совокупность нравственных специальных требований и норм, реализуемых в результате осуществления адвокатской деятельности. Адвокатская этика – наука нравственная, а не правовая¹. Адвокат при осуществлении своей профессиональной деятельности должен руководствоваться как этическими, так и нравственными принципами и должен следовать этим принципам на протяжении всей своей деятельности.

Деятельность адвоката во многом зависит от принципа справедливости. Обеспечение справедливого правосудия выступает общественно значимой целью, достижение которой возможно лишь в моральных границах прав и обязанностей, свобод и ответственности, деяний и воздержаний от деяний и т.д. Справедливость предполагает равенство всех перед законом, непредвзятую оценку действий правонарушителя, адекватную оценку за оказанные юридические услуги и пр. Любой гражданин вправе рассчитывать на справедливую оценку своих действий, своего поведения².

Справедливость – это нравственная категория, которая подразумевает необходимость обеспечить равные условия для всех участников процесса, честность в оценке представленных доказательств и справедливое вынесение решений. Судебная власть должна быть независимой и беспристрастной, чтобы гарантировать ее соблюдение.

Наличие нравственных начал в уголовном судопроизводстве неразрывно связано с понятием справедливости. Как верно отмечает О.В. Гладышева, важным критерием справедливости уголовного процесса является нормативное закрепление нравственных требований, применяемых на всех этапах производства по уголовному делу, что обуславливает справедливость производства в целом,

¹ Кузьмин М.А., Татынова А.Г. Нравственные основы адвокатской деятельности // Современная наука. 2014. № 4. С. 57.

² Собко К.С. Гарантии независимости адвоката: некоторые вопросы теории и практики // Концепции современного образования: время перемен: сб. науч. тр. Казань: ООО «СитИ-вент», 2020. С. 91.

так как нормы морали и нравственности применимы к любой сфере общественных отношений, в том числе и в уголовно-процессуальной деятельности¹.

По мнению Н.С. Мановой, справедливость как нравственное начало осуществления уголовно-процессуальной деятельности нельзя отнести к простому правилу, сформулировать его как четкую норму закона, из чего следует, что в систему уголовно-процессуальных принципов следует включить положение о справедливости уголовного судопроизводства, которое должно лежать в основе регулирования уголовно-процессуальных отношений². Закон и практика правоприменения должны строиться на нравственных ценностях общества, тогда можно будет сказать, что работает постулат, провозглашенный много веков назад: *Jus est ars boni et aequi* – право есть искусство добра и справедливости³.

Высокие моральные и этические стандарты должны пронизывать не только каждую норму уголовного процессуального законодательства, но и саму практику применения этих норм, обеспечивая тем самым более гуманный и справедливый подход к правосудию.

С учетом того, что УПК РФ закрепил гарантии прав и свобод личности в ходе уголовного разбирательства, введя принцип состязательности сторон, а также определив основные цели уголовного производства (ст. 6 УПК РФ), становится очевидным, что роль адвоката в уголовном процессе приобретает особое значение. Именно адвокат несет ответственность за защиту прав и интересов каждого, кто оказался в положении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного.

Как справедливо отмечал А.Ф. Кони, большое значение имеют этические устои деятельности для адвокатуры по уголовным делам, ибо уголовная защита

¹ Гладышева О.В. Общие и специальные критерии справедливости современного уголовного судопроизводства и их система // Вестник Омского ун-та. Сер.: Право. 2008. № 1 (14). С. 139.

² Манова Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблемы соотношения // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 38.

³ Муллахметова Н.Е. Нравственные начала уголовного судопроизводства // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 162-163.

представляет больше поводов для предъявления требований, почерпнутых из области нравственной, ввиду сложных и многоразличных отношений защитника к своему клиенту-подсудимому и к обществу¹.

Досудебное производство в уголовном процессе – критически важный этап, где формируются доказательства, определяется позиция защиты и закладываются основы будущего судебного разбирательства. Защитник в уголовном судопроизводстве, выступая гарантом прав обвиняемого, обязан не только квалифицированно оказывать юридическую помощь подзащитному, но и делать это в строгом соответствии с нравственными и этическими принципами своей профессиональной деятельности, а также уголовного судопроизводства в целом. Особенно это важно в профессиональной деятельности адвоката при осуществлении обжалования процессуальных действий (бездействия) и решений, где он должен балансировать между своей обязанностью защищать доверителя и требованиями уголовно-процессуального закона, и нормами профессиональной этики².

Нравственные и этические начала в профессиональной деятельности защитника должны выполнять руководящую роль, так как вся его процессуальная деятельность должна строиться на этих принципах. С.В. Рудакова под нравственностью в уголовном судопроизводстве понимает нормативное закрепление положений, отражающих совокупность общечеловеческих ценностей, признаваемых и разделяемых членами общества, поддерживаемых законодателем, а под этикой – совокупность правил, нормативно закрепленных в отдельных правилах профессиональной и иной коммуникации, имеющий узконаправленный харак-

¹ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. М.: Юрайт, 2025. / Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/562641> (дата обращения: 20.08.2025).

² Лопотенко В.С. Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. Ч. 1. С. 191.

тер. При этом понятия «нравственность» и «этика» в уголовном процессе соотносятся между собой как норма и правило¹. Нравственные нормы служат ориентиром для защитника в сложных жизненных ситуациях, тогда как этические правила обеспечивают профессиональные стандарты и коммуникацию в рамках правоприменительной деятельности. Нравственность, представляя собой фундаментальные ценности, формирует базу для профессиональной этики, которая адаптируется к конкретным условиям и особенностям профессиональной деятельности, что способствует более качественному выполнению обязанностей защитника и формированию доверия к его профессиональной деятельности.

Обязанности защитника не ограничиваются добросовестным исполнением своего долга в рамках закона, поскольку ему следует действовать как в интересах права в целом, так и тех лиц, чьи права и свободы ему доверено защищать. Этические нормы призваны оказывать адвокату-защитнику помощь в его деятельности, определяя не столько то, что нужно сделать, а сколько то, как сделать это более качественно в интересах доверителя.

Рассматривая нравственные аспекты в деятельности адвоката-защитника при осуществлении обжалования, следует подробно и детально изучить этические правила, установленные законом и адвокатским сообществом.

Основной нормативно-правовой акт, регулирующий деятельность адвоката – это Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»². В данном законе нет положений, связанных с уголовно-процессуальным обжалованием деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, при этом в п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ об адвокатуре указано, что адвокат при осуществлении своей профессиональной деятельности должен честно, разумно, добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством России средствами. Аналогичные

¹ Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование в деятельности адвоката-защитника: нравственные основы, этические правила, законодательное регулирование // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4 (57). С. 290.

² Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

положения содержатся и в п. 1 ст. 8 КПЭА¹ основного нормативного акта, закрепляющего этические правила деятельности адвоката-защитника.

Анализ указанных положений показал, что деятельность адвоката в рамках осуществления защиты по уголовному делу допускает использование различных способов и методов защиты прав. Именно в таких случаях установление границ дозволенных средств защиты предполагают нравственные принципы адвоката, определенные нормами КПЭА.

Такой подход к законодательному регулированию адвокатской деятельности, где нормы законодательства имеют общий характер, вызывает множество вопросов о том, как именно должна осуществляться эта деятельность, а также какие дозволения, ограничения и запреты в ней необходимы². Нормы и акты органов адвокатского самоуправления служат основой для формирования профессионального поведения адвоката и обеспечения надлежащего уровня защиты прав своих доверителей. Кроме того, соблюдение этих норм позволяет адвокатам минимизировать риск допущения нарушений в защите законных прав и интересов своих доверителей и привлечения их к ответственности за нарушения.

Таким образом, для определения этических начал уголовно-процессуального обжалования защитником следует проанализировать акты органов адвокатского сообщества. Первый вопрос, которым мы зададимся: обжалование защитником – это право или обязанность?

Право адвоката-защитника на обжалование в уголовном судопроизводстве является важной составной частью процессуальных гарантий, обеспечивающих защиту прав и интересов своего подзащитного. В п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ указано, что защитник имеет право на обжалование, что позволяет ему в интересах доверителя подавать жалобы на процессуальные решения, действия или бездействие должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование.

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18 апреля 2025 г.).

² Калинкина Л.Д. Регулирование защитительной адвокатской деятельности - на законодательный уровень // Адвокатская практика. 2019. № 6. С. 5.

Это право предоставляет возможность проверять законность и обоснованность деятельности государственных органов, что критически важно для эффективного выполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей. Оно служит ключевой гарантией, способствующей полноценной реализации и восстановлению нарушенных прав и законных интересов доверителя, выявлению и исправлению ошибок, допущенных при расследовании уголовных дел.

При осуществлении своей деятельности адвокату следует разделять право на обжалование¹ и обязанность². Право по обжалованию действий (бездействия) или решений должностных лиц представляет собой процессуальное право защитника в рамках реализации своих полномочий по УПК РФ приносить жалобы, защищая своего доверителя. Из положений уголовно-процессуального закона следует, что это *право защитника*.

Однако анализ нормативных актов адвокатского сообщества, которые регулируют деятельность адвокатов в уголовном производстве, позволяет утверждать о наличии *обязанности защитника* по обжалованию процессуальных решений и действий, что связано с формулировкой этической обязанности адвоката, о чем упоминается, например в п. 4 ст. 13 КПЭА³, п. 1 Разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката

¹ См.: Рудакова С.В. Защитник и его право обжалования в досудебных стадиях уголовного процесса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 8. С. 118; Янин М.Г. К вопросу о праве на обжалование в уголовном процессе в свете современного уголовно-процессуального законодательства // Вестник Челябинского гос. ун-та. Право. 2014. № 20 (349). Вып. 38. С. 138.

² См.: Кипнис Н.М. К вопросу о праве адвоката-защитника обжаловать в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, процессуальное решение о прекращении его участия в уголовном деле // Уголовное право. 2023. № 2. С. 71; Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве: монография / под ред. В.А. Семенцова. Краснодар; Кубанский гос. ун-т. 2023. С. 111.

³ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // СПС «КонсультантПлюс».

при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования¹, п. 16 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве².

Если исходить из буквального толкования подп. 3 п. 4 ст. 13 КПЭА, адвокат обязан обжаловать приговор при наличии к тому определенных оснований (по просьбе подзащитного, если суд не разделил позицию адвоката-защитника, при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным мотивам).

Как справедливо отмечает профессор В.А. Семенцов, когда речь идет об обязанности обжалования, то необходимо исходить из отношений, возникающих между адвокатом и подзащитным. При этом важно понимать, что право на обжалование и обязанность обжалования имеют разные процессуальные сферы применения и регулируют процессуальное положение защитника применительно к различным правоотношениям³. Следовательно, у адвоката появляется право на обжалование как участника уголовного судопроизводства в рамках этих правоотношений, так как он выступает в качестве самостоятельного профессионального субъекта. Вместе с тем только адвокат-защитник является профессиональным участником уголовного процесса со стороны защиты, что определяет особенности его субъективного права на обжалование.

Таким образом, у адвоката-защитника возникает право на обжалование в качестве участника уголовно-процессуальных отношений, где он является самостоятельным профессиональным субъектом правоотношений, однако обязанность обжалования возникает у защитника перед своим доверителем и адвокатским сообществом.

¹ Разъяснение Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении защиты на стадии предварительного расследования от 29 апреля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве: монография / под ред. В.А. Семенцова. С. 111.

При рассмотрении этических правил, связанных с обжалованием действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование, интерес представляет вопрос: является ли обязанность обжалования для адвоката перед доверителем безусловным основанием в досудебном производстве?

Согласно п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее – Стандарт), адвокат по просьбе подзащитного или по собственной инициативе при наличии к тому оснований обжалует решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного¹.

Указанный Стандарт закрепляет требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, соблюдение которых носит обязательный характер, а нарушение влечет дисциплинарную ответственность, в связи с чем следует разобраться более детально с его положениями. Что же следует понимать под формулировкой «по просьбе подзащитного»?

В Стандарте не упоминается о том, какой должна быть просьба и что делать, если процессуальных оснований для обжалования нет.

Совершенно справедливо отмечает В.Г. Гудушаури, который утверждает, что обязанность адвоката обжаловать приговор не должна зависеть от прямого волеизъявления подзащитного, поскольку последний не является специалистом в области права и не в состоянии определить наличие оснований для обжалования². Вместе с тем, и КПЭА, и Стандарт содержат прямое указание на обязанность адвоката обжаловать приговор или иные промежуточные решения, если этого требует подзащитный, исходя из буквального толкования.

¹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.).

² Гудушаури В.Г. Значение категории «благоприятные мотивы» для обжалования приговора // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 50.

Закрепление подобных положений в нормативных актах адвокатского сообщества направлено на формирование доверительных отношений между подзащитным и адвокатом в целях реализации условий для обеспечения права на защиту подозреваемого, обвиняемого.

На практике могут возникнуть ситуации, где просьба об обжаловании идет в разрез с мнением адвоката о необходимости обжалования. Обратимся к примеру из дисциплинарной практики. В Адвокатскую палату Московской области поступила жалоба от доверителя М. в отношении адвоката Н., в которой заявитель сообщает, что адвокат от имени заявителя подал апелляционную жалобу на приговор суда и, несмотря на неоднократные требования заявителя о ее отзыве, отказался это делать.

Из письменных объяснений ясно, что адвокат был уверен в том, что вынесенный приговор является незаконным и необоснованным, поэтому считал необходимым подать апелляционную жалобу. Эта позиция защитника по делу является принципиальной в силу п. 3,4 ст. 6 ФЗ об адвокатуре, ст. 13 КПЭА и ст. 49 УПК РФ, в связи с чем отзывать жалобу он не намеревался.

Комиссия по этике посчитала, что действия защитника, умышленно и последовательно направленные против воли его доверителя, свидетельствуют о непонимании адвокатом этических основ своей профессии и считаются действиями, подрывающими доверие к нему и адвокатскому сообществу. Такое поведение адвоката стало причиной привлечения к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед подзащитным¹.

В данном случае адвокат Н., подавая апелляционную жалобу, действовал с целью защиты интересов своего доверителя, основываясь на собственном убеждении о незаконности вынесенного приговора. Однако, несмотря на его намерения, он должен был учитывать, что главный приоритет в работе адвоката

¹ Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2024 г. / Официальный сайт Федеральной палаты РФ. URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

– удовлетворение интересов доверителя. Если заявитель выразил четкое желание отозвать жалобу, адвокат, даже с учетом своей профессиональной оценки и убеждений, обязан был уважать это желание и разъяснить ему право на отказ от обжалования в письменном виде, который является обязательным для исполнения (за исключением самооговора).

Согласно п. 3, 4 ст. 6 ФЗ об адвокатуре, адвокат обязан уважать право доверителя на самостоятельное решение по вопросу о защите своих прав и законных интересов¹. Невыполнение этого обязательства может быть расценено как нарушение профессиональной этики.

Во избежание таких конфликтных ситуаций защитнику в первую очередь следует устанавливать позицию доверителя по вопросам обжалования до подачи жалобы. Позиция адвоката относительно обжалования «по собственной инициативе при наличии к тому оснований» в данном случае противоречила позиции доверителя, которая приоритетна с этической точки зрения в отношениях адвокат – доверитель. Вызывает недопонимание тот факт, что адвокат в этих отношениях является профессионалом, способным дать оценку законности и обоснованности решения с позиции уголовно-процессуального закона, однако этические обязанности ограничивают его в действиях. При этом даже соблюдение положения подп. 3 п. 4 ст. 13 КПА² об обязанности обжалования приговора при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам могло стать причиной этических нарушений. Однако следует оговориться, что благоприятность мотива не может быть определена защитником в отрыве от желания подзащитного обжаловать или не обжаловать решение суда.

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

² Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, остается неразрешенным вопрос о форме просьбы подзащитного об обжаловании: устная или письменная? Кроме того, волеизъявление доверителя может носить неоднозначный характер при обжаловании, в том числе и при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. В практике встречаются случаи, когда доверитель сначала решил обжаловать, потом передумал или возникло вообще недопонимание между адвокатом и подзащитным. Если при этом отсутствует письменное заявление об отказе от обжалования, органы адвокатского самоуправления при жалобе доверителя признают в действиях адвоката дисциплинарный проступок¹.

Положение нормы подп. 3 п. 4 ст. 13 КПЭА о письменном отказе от обжалования относительно приговоров суда должно применяться и к промежуточным решениям, например, применительно к обжалованию, особенно в апелляционном порядке, мер пресечения и постановлений об их продлении, так как данные процессуальные решения являются наиболее значимыми в стадии предварительного расследования и ограничивают конституционные права доверителя².

Многочисленная дисциплинарная практика, например, Адвокатской палаты г. Москвы или Краснодарского края, подтверждает наши доводы о том, что следует у доверителя брать письменный отказ от обжалования меры пресечения, в том числе и при заключении под стражу, хотя прямого указания на это в нормативных актах нет³. Кроме того, этическим нарушением является не только неподача жалобы адвокатом, но и случаи несогласованного со своим подзащитным отказа (отзыва) от поданной апелляционной жалобы, так как защитник не

¹ Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Краснодарского края за 2-е полугодие 2024 г. / Официальный сайт Федеральной палаты РФ. URL: <https://fparf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026); Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы за 2023–2025 годы / Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. URL: <https://www.advokatymoscow.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

² Лопотенко В.С. Обжалование как обязанность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2025. № 1. С. 34.

³ Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 ноября 2023 г. № 286 / Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. URL: <https://www.advokatymoscow.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

вправе отказаться от принятой на себя защиты¹. Такой отказ от жалобы может стать основанием для привлечения адвоката-защитника к дисциплинарной ответственности, если отказ от обжалования или отзыв уже поданной жалобы не будут зафиксированы письменно адвокатом².

Следует отметить, что в Методических рекомендациях Совета Адвокатской палаты г. Севастополя по исполнению адвокатами требований п. 4 ст. 13 КПЭА представлен образец письменного заявления об отказе от апелляционного обжалования приговора³. В данных рекомендациях речь идет об обжаловании приговора, а не о промежуточных процессуальных решениях, хотя, как показывает дисциплинарная практика в отношении адвокатов, аналогичные требования предъявляются и к обжалованию промежуточных процессуальных решений. Считаем возможным разработку и внедрение такого образца заявления доверителя, адресованного адвокату об отказе от обжалования промежуточных решений, в том числе и применения мер пресечения, на этапах досудебного производства, в Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве. Разработанный образец представлен в приложении к настоящему диссертационному исследованию⁴.

Как показывает анализ дисциплинарной практики, по просьбе доверителя адвокат обязан обжаловать действия (бездействие), решения должностных лиц и органов, нарушающих законные права и свободы подзащитного, независимо от процессуальных оснований для подачи жалобы, что является безусловным осно-

¹ Долгих Т.Н. Отказ от апелляционной жалобы в уголовном процессе // СПС «КонсультантПлюс».

² Обзор дисциплинарной практики Санкт-Петербурга за 2022 год / Официальный сайт Адвокатской палаты г. Санкт-Петербург. URL: <https://new.apspb.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

³ Методические рекомендации по исполнению адвокатами требований пункта 4 статьи 13 КПЭА (выполнение обязанности обжаловать приговор) Совета Адвокатской палаты г. Севастополя от 14 марта 2024 г. / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

⁴ Приложение 2.

ванием для обжалования адвокатом. При этом адвокат должен донести информацию до доверителя о наличии или отсутствии процессуальных оснований для обжалования.

Исходя из сложившейся ситуации, полагаем верным дополнить п. 9 Стандарта абзацем, включающим требование об обязательной письменной фиксации отказа подзащитного от обжалования промежуточных решений, в том числе меры пресечения в виде заключения под стражу. Закрепление такого положения позволит избежать несогласованных ситуаций между адвокатом и доверителем, связанных с подачей жалобы или ее отзывом, что положительно отразилось бы на времени и ресурсах (с позиции процессуальной экономии), разгрузке судов по рассмотрению жалоб, а также снижении случаев обращения доверителей в органы адвокатского самоуправления с жалобами на адвокатов-защитников.

Рассмотрим этические правила, касающиеся обжалования адвокатом действий (бездействия) или решений в случаях «двойной защиты» или участия адвоката-дублера.

Ситуация «двойной защиты» возникает, когда в уголовном деле участвуют два и более адвоката, совместно выполняющих свои обязанности по защите прав доверителя, при этом один является защитником по соглашению, а другой – по назначению. Адвокатское сообщество сходится во мнении, что защитник-дублер может участвовать в процессе лишь в случае констатации судом злоупотребления правом со стороны другого адвоката. Схожей позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, согласно которой непринятие судами отказа обвиняемого от назначенного ему защитника может быть связано с обеспечением разумных сроков производства по уголовному делу, при угрозе нарушений, вызванных злоупотреблением правом на защиту, либо с недобросовестным процессуальным поведением стороны защиты, что может привести к ущемлению конституционных прав иных участников уголовного судопроизводства¹.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» // СПС «КонсультантПлюс».

По данному поводу О.В. Гладышева утверждает, что юридическая помощь должна быть эффективной, что предполагает исключение какой-либо конфронтации или конкуренции между лицами, ее оказывающими, в связи с чем наличие адвоката по соглашению и назначению следует оценивать критически. В случае недобросовестного поведения адвоката по соглашению, необходимо отстранять такого адвоката, сообщив об этом в адвокатскую палату для дисциплинарной ответственности и одновременно требуя направления адвоката по назначению¹.

При этом вступающему в дело адвокату-дублеру следует убедиться в том, что его назначение осуществляется без нарушения правил, прежний защитник в курсе, уведомлен надлежащим образом, нет оснований, исключающих его участие. В случае если есть основания, препятствующие его назначению, он обязан сам устраниваться от участия в процессуальных действиях, сделав об этом заявление².

В своих рекомендациях Совет ФПА РФ указывает, что участие в деле адвоката-дублера допустимо лишь при злоупотреблении правомочиями со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника, о чем должно быть вынесено обоснованное постановление (определение) с приведением конкретных фактических обстоятельств, свидетельствующих о дезорганизации хода досудебного или судебного процесса³. Вместе с тем указанное положение носит рекомендательный характер.

Участие по уголовному делу адвоката по соглашению и по назначению представляет интерес с позиции апелляционного обжалования избранной меры пресечения или ее продления, в случае неявки защитника по соглашению в суд.

¹ Гладышева О. В. Двойная и субсидиарная защита в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2022. № 3. С. 103.

² Рекомендации Совета ФПА РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению: утв. Решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2020. № 1. С. 79.

³ Решение Совета ФПА РФ «О двойной защите»: утв. Решением Совета ФПА РФ от 27 сентября 2013 г. (в ред. от 28 ноября 2019 г.) / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

Полагаем, что для обжалования важен факт участия адвоката в судебном заседании. Причиной возникновения таких ситуаций могут быть болезнь защитника по соглашению, несвоевременность уведомления о проведении процессуального действия, его занятость по другому делу и др.

Согласно Разъяснению Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросам участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью, если на одну дату назначены к рассмотрению уголовные дела в разных судах, то адвокат, отдавая приоритет тому или иному делу, должен учесть: возможно ли отложение разбирательства дела и как отложение судебного заседания может отразиться на правах доверителя, тяжесть предъявленного подзащитному обвинения; длительность содержания обвиняемого под стражей и др.¹

При этом ФПА РФ настоятельно рекомендует такому адвокату, не дожидаться официального уведомления суда о дате заседания, а самому постоянно отслеживать движение дела и по возможности согласовывать (заблаговременно) с судом даты судебных заседаний. Кроме того, в случае невозможности явки в суд в связи с занятостью по другому уголовному делу, адвокату следует заблаговременно сообщать о своей неявке. Например, в своих рекомендациях Совет адвокатов Республики Дагестан указывает, что уведомление об уважительной причине неявки является заблаговременным, если о неявке было сообщено не менее чем за двое суток до даты проведения процессуального действия².

Неэтическое поведение, выраженное в неявке на судебное заседание, может ставить под сомнение и качество оказываемой квалифицированной юриди-

¹ Разъяснение Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам по вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью: утв. Решением Совета ФПА РФ от 16 февраля 2018 г. / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

² Рекомендации «По исполнению адвокатами статьи 14 Кодекса профессиональной этики адвоката при невозможности прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии»: утв. Решением Совета АП РД от 29 августа 2024 г. / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов. URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

ческой помощи, так как стоит учитывать, что отсутствие адвоката могло привести к отказу в удовлетворении ходатайства, либо отразиться на качестве дальнейшего обжалования, когда адвоката отсутствовал на судебном заседании, в результате чего было принято обжалуемое решение. Считаем, что приглашение защитника по назначению «на один день», который не владеет полноценно материалами дела, не может обеспечить соблюдение прав обвиняемого и имеет исключительно формальный характер. Задача адвоката по соглашению – не допускать подобных ситуаций.

Интерес вызывает и вопрос о том, кто должен обжаловать процессуальное действие (бездействие) или решение, например, адвокат по соглашению, который не явился, или адвокат по назначению, приглашенный только для участия в одном судебном заседании? Для ответа на указанный вопрос обратимся к дисциплинарной практике.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы привлек к дисциплинарной ответственности (замечание) адвоката-защитника по назначению С. за неисполнение своих профессиональных обязанностей перед подзащитным К., выраженные в неподаче апелляционной жалобы на решение о продлении срока содержания под стражей. Интересен этот случай тем, что даже при наличии адвоката по соглашению к дисциплинарной ответственности привлекли адвоката по назначению С., так как именно он участвовал в судебном заседании. Проблема была в том, что обвиняемый в суде возражал против замены адвоката, а адвокат по назначению полностью поддержал его позицию, что было верно с точки зрения этических правил. Однако суд не принял их возражения, и судебное заседание прошло с участием адвоката по назначению С. При этом Совет адвокатской палаты отмечает, что именно у защитника С. возникли обязательства по обжалованию дан-

ного решения, так как доверитель не был согласен с установленной мерой пресечения, что следовало из ясно выраженной его позиции, хотя апелляционную жалобу на решение суда подал адвокат по соглашению¹.

Освобождением от дисциплинарной ответственности в данной ситуации мог стать письменный отказ доверителя от обжалования, которого не было у адвоката С. Адвокатская палата исходила из того, что обязанность по обжалованию продиктована публично-правовой природой деятельности адвокатского сообщества, направленной на ограждение обвиняемого от принятий незаконных процессуальных решений.

В случаях, когда адвокат назначается для временной вынужденной подмены участвующего в деле адвоката либо для участия в судебно-контрольном производстве, необходимо учитывать, что участие адвоката ограничено рамками неотложного процессуального действия, для участия в котором он назначался². При этом сложность заключается в том, что дисциплинарная практика не имеет однозначного ответа на вопрос о том, усматриваются ли в действиях адвоката по назначению этические нарушения или нет, в схожих обстоятельствах выносятся совершенно противоположные решения адвокатских палат³.

Полагаем, что применение дисциплинарной ответственности в отношении адвоката по назначению является неверным, поскольку законные права подзащитного на обжалование не были нарушены, а причиной возникновения такой ситуации послужила неявка в суд адвоката по соглашению. Считаем, что нельзя привлекать к ответственности адвоката, который выполнил свою функцию защитника «на один день» за то, что жалобу подал не он, а адвокат по соглашению.

¹ Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 февраля 2023 г. № 52 / Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. URL: <https://www.advokatymoscow.ru> (дата обращения: 21.08.2026).

² Рекомендации о действиях адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве в качестве защитника по назначению, при вступлении в дело: утв. решением совета Адвокатской палаты Ставропольского края от 30 октября 2020 г. / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

³ Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Краснодарского края за второе полугодие 2024 г. URL: <https://fparf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).; Обзор дисциплинарной практики адвокатской палаты Ставропольского края за 2023 г. URL: <https://fparf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

В этико-правовом смысле все права соблюдены, подзащитному никто не отказал в юридической помощи, жалобу на решение, с которым он не был согласен, подали. На наш взгляд, в данном случае неверно применять требование об обязанности обжалования в отношении приглашенного защитника «на один день», чье участие ограничено рамками одного процессуального действия.

Анализ нормативных актов, регулирующих адвокатскую деятельность и дисциплинарную практику, показал, что добросовестность адвоката заключается не только в формальном следовании процессуальным нормам, но и в глубоком понимании ответственности перед своим подзащитным, адвокатским сообществом и правоохранительными органами¹. Практика подтверждает, что доверители часто обращаются в органы адвокатского самоуправления с жалобами на недобросовестное поведение адвоката. Добросовестность в исполнении своих обязанностей является основополагающим принципом адвокатской деятельности и гарантией предоставления квалифицированной юридической помощи.

Адвокат-защитник должен руководствоваться этическими требованиями при выборе поведения, критериями такого выбора должны быть законность, обоснованность и нравственность, а нравственными ориентирами выполнения обязанностей – совесть, представление о добре и зле, культура, влияющие на конкретный характер действий².

В уголовном судопроизводстве, где могут быть затронуты личные свободы и права его участников, защитник несет этическую ответственность за свои действия и решения. Этические стандарты, правила поведения адвоката не только определяют его репутацию, но и оказывают влияние на доверие своего подзащитного, судей и общества в целом.

¹ Лопотенко В.С. Добросовестность адвоката как средство обеспечения надлежащей защиты в досудебном производстве // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-прак. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. С. 194.

² Хмелева А.В. Морально-нравственные аспекты работы следователя // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 75.

Нравственные и этические нормы играют главную роль в деятельности защитника и напрямую сказываются на качестве уголовного судопроизводства. Соблюдение этих принципов, сочетание профессионализма и этической ответственности защитника обеспечивают высокий уровень защиты прав личности и способствуют достижению справедливости в уголовном процессе.

Во избежание конфликтных ситуаций между адвокатом и его доверителем защитнику при разрешении вопроса о необходимости обжалования или отсутствии для этого оснований следует исходить из следующих аспектов: 1) понятно ли процессуальное решение подзащитному и обязательно донести до него суть решения; 2) разъяснить доверителю возможные правовые последствия обжалования; 3) при отказе подзащитного от обжалования получить письменный отказ и выяснить мотивы отказа от подачи жалобы.

Отдельного внимания заслуживает соотношение прав и обязанностей адвоката по обжалованию в апелляционном порядке. Если применительно к досудебному производству обжалование действий (бездействия) и решений должностных лиц во многом остается вопросом профессионального усмотрения защитника, согласованного с позицией доверителя, то в отношении промежуточных судебных решений акты адвокатского сообщества формулируют более жесткое требование. Согласно п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, адвокат, участвующий в качестве защитника в судебном разбирательстве, обжалует в апелляционном порядке приговор и иные затрагивающие права и законные интересы подзащитного судебные решения при наличии к тому оснований, а также во всех случаях, когда об этом просит доверитель. Тем самым апелляционное обжалование из простого правомочия трансформируется в этическую обязанность адвоката.

Особое значение эта обязанность приобретает применительно к обжалованию решений об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, особенно часто споры возникают, когда в уголовном деле участвуют два адвоката — по назначению и по соглашению.

Согласно Рекомендациям Совета ФПА РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению, порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве основан на принципе непрерывности защиты, который означает участие одного и того же адвоката в уголовном деле с момента назначения до полного исполнения принятых им на себя обязательств. Однако защитник по назначению не вправе продолжать ранее начатое им участие в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом¹.

Вместе с тем исключением из правила о непрерывности являются случаи, когда адвокат в установленном порядке назначается для участия в судебном контрольном производстве (при избрании, изменении и продлении меры пресечения). В названных случаях участие адвоката в деле ограничено рамками соответствующего неотложного процессуального действия либо судебного контрольного производства, для участия в котором он назначался.

В случаях, когда, например, для вынужденной замены адвоката по соглашению был приглашен адвокат по назначению для участия в судебном заседании об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, то после завершения судебного заседания, согласовав свои действия с адвокатом по соглашению и доверителем (если защиту в дальнейшем будет осуществлять адвокат по соглашению), назначенный адвокат обязан устранившись от участия в уголовном деле сразу по окончании неотложного процессуального действия (для участия в котором он назначался) во избежание обстоятельств «двойной защиты».

Такой алгоритм обусловлен необходимостью соблюдения адвокатом профессиональных обязанностей, включая обязательность исполнения решений органов адвокатского сообщества. В данном случае приоритет законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре перед УПК РФ обусловлен большим

¹ Рекомендации Совета ФПА РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению: утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 28 ноября 2019 г. / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

объемом гарантий лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело, обеспечивающих непрерывность защиты и право на защиту выбранным адвокатом. О приоритетности законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры перед УПК РФ в связи с предоставлением большего объема гарантий упоминается и в решениях Конституционного Суда РФ¹.

Полагаем, что в подобной ситуации (во избежание «двойной защиты») следует разграничить обязанности адвоката по соглашению и адвоката по назначению в вопросе подготовки и подачи апелляционной жалобы на решение суда о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, закрепив такую обязанность за адвокатом по соглашению, в случае согласованного устранения от участия в уголовном деле адвоката по назначению. Схожей позиции придерживается и Совет адвокатской палаты Ставропольского края².

Актуальность подобного разграничения обязанностей приобретает особую значимость именно применительно к обжалованию решений об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. Если в отношении иных процессуальных решений неопределенность в вопросе о том, кто из адвокатов по (соглашению или по назначению) должен инициировать обжалование, хотя и создает риск дисциплинарной ответственности, но не влечет необратимых последствий для прав подзащитного, поскольку решение может быть обжаловано позднее вступившим в дело защитником, то в случае с заключением под стражу цена подобной неопределенности значительно выше.

Речь идет о судебных решениях, непосредственно ограничивающих конституционное право на свободу и личную неприкосновенность, а потому пассивность защитника здесь недопустима. С учетом сокращенных сроков апелляцион-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // СПС «КонсультантПлюс».

² Обзор дисциплинарной практики адвокатской палаты Ставропольского края за 2023 г. URL: <https://fparf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

ного обжалования постановлений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и особой значимости оспариваемого блага адвокат обязан своевременно и мотивированно реализовать право на обжалование, не перекладывая решение этого вопроса исключительно на подзащитного, который в условиях содержания под стражей зачастую ограничен в возможностях самостоятельно и квалифицированно составить и подать жалобу. Именно поэтому обжалование решения о заключении под стражу следует рассматривать не как факультативную, а как одну из первоочередных задач защитника, обусловленную характером ограничиваемого права.

Таким образом, нравственная основа и этические правила участия адвоката-защитника в апелляционном обжаловании решений о заключении под стражу образуют не факультативный, а сущностный элемент оказываемой им квалифицированной юридической помощи. Соблюдение принципов справедливости, добросовестности и приоритета законных интересов доверителя, закрепленных в Кодексе профессиональной этики адвоката и Стандарте осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, обеспечивает не только надлежащее качество защиты по конкретному делу, но и поддерживает доверие общества к адвокатуре.

Кроме того, нравственно-этическая обязанность адвоката своевременно обжаловать решения о заключении под стражу, сформулированная нормами профессиональной этики и предлагаемыми дополнениями к Стандарту, сама по себе не обеспечивает эффективности такого обжалования, если процессуальные основания для отмены или изменения обжалуемого решения остаются неопределенными либо заимствованы без учета специфики меры пресечения из общих оснований пересмотра итоговых судебных актов. Обязанность обжаловать, не подкрепленная основанием обжалования, представляет собой формальное действие, не способное привести к восстановлению нарушенного права на свободу. В связи с этим далее необходимо перейти от анализа нравственно-этической составляющей обжалования к анализу его процессуально-правового основания, что будет нами рассмотрено далее.

Резюмируя изложенное, отметим главное.

1. Обжалование судебных решений в уголовном судопроизводстве для адвоката-защитника не исчерпывается процессуальным правомочием, предусмотренным п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, а приобретает характер профессионально-этической обязанности, сформулированной корпоративными нормами адвокатского сообщества (п. 4 ст. 13 КПЭА, п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве). Указанная обязанность возникает у адвоката перед доверителем и адвокатским сообществом одновременно и не совпадает по объему с диспозитивным характером обжалования действий (бездействия) должностных лиц в досудебном производстве, где выбор во многом остается вопросом профессионального усмотрения защитника.

Особое значение эта обязанность приобретает применительно к обжалованию решений об избрании, продлении либо отказе в отмене (изменении) меры пресечения в виде заключения под стражу: поскольку предметом защиты в этом случае выступает право лица на свободу и личную неприкосновенность, а сроки апелляционного обжалования кратки и не оставляют времени для длительного согласования позиции, требование о своевременном и активном обжаловании приобретает характер прямой нравственной обязанности защитника, отступление от которой не может быть оправдано ссылкой на процессуальную самостоятельность адвоката или на отсутствие письменного поручения доверителя. Тем самым нравственно-этическая обязанность обжалования, сформулированная самим адвокатским сообществом, а не только законодателем, подтверждает, что своевременное апелляционное обжалование меры пресечения является не факультативным, а необходимым элементом (условием) обеспечения адвокатом права подозреваемого, обвиняемого на защиту.

2. Добросовестность адвоката в уголовном судопроизводстве – требование профессиональной этики, в содержании которого входит обязанность, состоящая из содержательных и процессуально-организационных аспектов его деятельности, к которым относятся: качественное осуществление защиты по уголов-

ному делу, компетентное и своевременное исполнение обязанностей, соблюдение этических правил, изучение материалов дела, сбор доказательств, обязательное участие в следственных и процессуальных действиях, судебных заседаниях по уголовному делу, обжаловании действий (бездействия), решения органов и должностных лиц, ущемляющих или нарушающих права подзащитного по его просьбе или по собственной инициативе.

3. Необходимость разграничения дисциплинарной ответственности адвоката за неисполнение обязанности по обжалованию в зависимости от основания его участия в деле (по соглашению либо по назначению, в том числе при вынужденной замене защитника). Ответственность адвоката по назначению предлагается ограничивать рамками неотложного процессуального действия, для участия в котором он был назначен, включая вопросы обжалования, с передачей обязанности по дальнейшему обжалованию адвокату по соглашению. Такое разграничение исключает возложение на «дублирующего» адвоката ответственности за бездействие, обязанность по устранению которого объективно относится к компетенции адвоката, осуществляющего защиту на постоянной основе, и одновременно не снимает в целом обязанности по своевременному обжалованию решений о заключении под стражу.

Предлагаем пункт 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве дополнить следующими абзацами:

«Адвокат при обжаловании действий (бездействия) или решений должностных лиц или органов, нарушающих права и законные интересы подзащитного, должен согласовать свою позицию с ним. Постановления об избрании, о продлении срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста либо об отказе в их отмене или изменении адвокат обжалует в апелляционном порядке при наличии к тому оснований, а также во всех случаях, когда об этом просит подзащитный, за исключением случая, когда подзащитный в письменном виде отказался от такого обжалования, а защитник убежден в добровольности такого отказа.

При обжаловании по собственной инициативе адвокат разъясняет подзащитному основания и возможные правовые последствия обжалования; несогласие подзащитного с позицией адвоката фиксируется письменным заявлением подзащитного».

Кроме того, следует дополнить Стандарт новым пунктом 19:

«В случае невозможности явки адвоката, приглашенного подозреваемым, обвиняемым, и назначения защитника в порядке части третьей статьи 50 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, полномочия назначенного адвоката по обжалованию решений и действий (бездействия) ограничиваются рамками неотложного процессуального действия, для участия в котором он был назначен. Обязанность по дальнейшему обжалованию процессуальных решений и действий (бездействия), в том числе постановлений о применении меры пресечения, возлагается на адвоката, осуществляющего защиту по соглашению».

Предложенные дополнения в пункты 9 и 19 Стандарта призваны устранить выявленную неопределенность в вопросе о соотношении права и обязанности адвоката по обжалованию, минимизировать риск конфликта между позицией защитника и волей доверителя и тем самым повысить действенность апелляционного обжалования как условия обеспечения права на защиту.

2.3. Процессуальный потенциал защитника и его развитие при участии в досудебном обжаловании

Реализация функции защиты в уголовном судопроизводстве предполагает не механическое исполнение адвокатом процессуальных обязанностей, а активное использование всего комплекса предоставленных ему законом правовых средств. Процессуальный статус защитника образован совокупностью прав и

обязанностей, закрепленных прежде всего в ст. 53 УПК РФ. При этом эффективность обеспечения права на защиту напрямую зависит от добросовестного выполнения адвокатом возложенных на него профессиональных обязанностей¹.

Однако формальное перечисление правомочий защитника само по себе не дает ответа на вопрос, в какой мере эти правомочия могут быть реально реализованы применительно к конкретной, специфической категории решений – избранию, продлению и изменению меры пресечения в виде заключения под стражу, анализу апелляционного обжалования которой посвящена настоящая работа. Для содержательного анализа этой способности представляется методологически оправданным ввести и раскрыть рабочее понятие «процессуальный потенциал защитника».

Под процессуальным потенциалом защитника предлагаем понимать не объем формально закрепленных за адвокатом прав, а совокупность фактически реализуемых правовых и организационно-тактических возможностей по отстаиванию интересов подзащитного, которая определяется тремя взаимосвязанными факторами: 1) объемом нормативно закрепленных полномочий защитника применительно к конкретной процессуальной ситуации; 2) степенью конкретизации этих полномочий и их обеспеченности процессуальными гарантиями и санкциями за их нарушение; 3) индивидуальными профессиональными и тактическими качествами конкретного адвоката, его добросовестностью и активностью.

Первые два фактора образуют нормативную составляющую потенциала – то, что законодатель предоставляет защитнику; третий – его практическую, деятельностьную реализацию конкретного процессуального действия.

Особая роль защитника как участника уголовного судопроизводства обусловлена прежде всего тем, что он выступает профессиональным субъектом уго-

¹ Качалова О.В., Вдовин С.А. Обеспечение права на защиту на стадии апелляционного производства по уголовному делу: проблемы теории и практики // Юридический аналитический журнал. 2020. Т. 15. № 2. С. 11.

ловного судопроизводства, обладающим специальными юридическими знаниями, что предопределяет его активную процессуальную позицию¹. Участвуя в уголовно-процессуальной деятельности, защитник не ограничивается пассивной реакцией на действия стороны обвинения, он исследует материалы дела, представляет новые сведения и дополнительные материалы, участвует в допросе, ходатайствует о привлечении специалистов.

Реализация процессуального потенциала защитника непосредственно связана с принципом состязательности сторон, который в досудебном производстве раскрывается при судебном порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) должностных лиц, при определении срока для ознакомления с материалами уголовного дела, при судебном порядке получения разрешения на производство следственного действия, а также при избрании и применении мер пресечения².

Применительно к решению вопроса о заключении под стражу состязательность имеет свои особенности, поскольку решение об избрании меры пресечения основывается не столько на доказательствах виновности, сколько на вероятностной оценке риска ненадлежащего поведения обвиняемого, а орган предварительного расследования формирует эту оценку зачастую на основании сведений, не имеющих процессуального статуса доказательств, в связи с чем состязательность на данной стадии требует от защитника способности противопоставить этим сведениям собственную аргументированную позицию, основанную на столь же доступных ему фактических данных.

Задача адвоката заключается в оказании квалифицированной юридической помощи, что применительно к избранию, продлению или изменению меры пресечения означает выполнение его основной функции – защиты прав и законных

¹ Мардоян В.С. Адвокат-защитник как субъект доказывания в суде апелляционной инстанции // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 107.

² Полякова А.В. Реализация принципа состязательности сторон в деятельности следователя и защитника в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 14.

интересов подозреваемого, обвиняемого не только посредством вспомогательных действий в интересах доверителя, но и посредством самостоятельных инициативных действий.

Сущность права на обжалование заключается в обеспечении защитника возможностью эффективно защищать интересы своего подзащитного на всех стадиях уголовного процесса. Правомерность и полноценность обжалования способствуют справедливости и законности в уголовном судопроизводстве, а также защите прав и свобод человека¹. В связи с этим стороны должны иметь равные юридические возможности при обжаловании, а умаление или ограничение права на обжалование недопустимо, поскольку именно инициативность адвоката нередко определяет исход процедуры.

Обжалование мер пресечения сопряжено с процедурными сложностями, с которыми доверитель, как правило, не знаком и которые не способен преодолеть самостоятельно: порядок подготовки и направления жалобы, соблюдение сокращенных процессуальных сроков, формулирование правовых оснований несогласия с решением суда требуют профессиональной подготовки, отсутствующей у большинства подозреваемых и обвиняемых. Именно поэтому квалифицированная помощь адвоката становится необходимым условием эффективной реализации права на обжалование,² особенно в ситуации, когда лицо подвергнуто наиболее строгой мере пресечения – заключению под стражу.

Как отмечает С.В. Рудакова, деятельность защитника по обжалованию избранной меры пресечения нельзя ограничить только написанием жалобы³. Квалифицированная юридическая помощь, оказываемая доверителю, сопряжена с

¹ Лопотенко В.С. Сущность субъективного права защитника на обжалования в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 315.

² Лопотенко В.С. Обжалование как способ реализации защитником прав и законных интересов доверителя в досудебном производстве // Обеспечение процессуальных прав адвокатов в уголовном судопроизводстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 66.

³ Рудакова С.В. Участие защитника в досудебной форме обжалования // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. История и право. 2023. 13(2). С. 123.

несколькими важными этапами, не только предшествующими написанию жалобы, но и последующими ей. Предлагаем рассмотреть алгоритм апелляционного обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу, состоящий из трех этапов.

1-й этап – формирование адвокатом-защитником совместной с доверителем позиции в отношении избранной меры пресечения.

2-й этап – подготовка и написание жалобы.

3-й этап – участие в судебном заседании по рассмотрению жалобы на решение суда о применении меры пресечения.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению каждого из названных этапов, необходимо подчеркнуть значение активной позиции защитника еще на стадии рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в районном или городском суде: без профессиональной деятельности адвоката на этом этапе последующее обжалование избранной меры пресечения зачастую оказывается нерезультативным.

Первый этап – формирование адвокатом-защитником совместной с доверителем позиции в отношении избранной меры пресечения – обоснованно выделяется в самостоятельный, поскольку от согласованности позиции адвоката и доверителя относительно необходимости и содержания обжалования зависит не только результативность защиты, но и соблюдение адвокатом собственных профессиональных обязанностей. Несоблюдение этого этапа может повлечь разные негативные последствия как для доверителя, так и для самого адвоката, вплоть до дисциплинарной ответственности.

Так, в Адвокатскую палату поступило обращение гражданина П. в отношении адвоката Л., из которого следовало, что после вынесения судом постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, несмотря на заявленную доверителем просьбу о необходимости обжалования постановления, адвокат Л. отказался составить и подать апелляционную жалобу, ссылаясь на то, что подзащитный, напротив, сообщил ему о нежелании обжаловать указанное постановление. По результатам рассмотрения обращения адвокат Л. привлечен

к дисциплинарной ответственности в виде предупреждения ввиду несогласованности его действий с позицией доверителя¹. Для подозреваемого или обвиняемого последствия несогласованной позиции по обжалованию могут выразиться в нарушении конституционного права на защиту и квалифицированную юридическую помощь, в упущенной возможности обжалования меры пресечения.

В связи с этим полагаем, что защитнику не следует пренебрегать данным этапом: в обязательном порядке необходимо согласовывать позицию с доверителем, выяснять его отношение к избранной мере пресечения, детально изучить обстоятельства, учитываемые при ее избрании, разъяснять доверителю порядок, сроки и возможные последствия обжалования. Эффективность и результативность последующего обжалования напрямую зависят от согласованности действий адвоката и подзащитного на данном этапе. Отказ от обжалования подзащитного следует фиксировать письменно (образец представлен в приложении)².

Второй этап – подготовка и написание жалобы – связан с положениями ч. 11 ст. 108, ст. 127, ч. 4 ст. 255, а также ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ, регламентирующими перечень судебных решений, подлежащих апелляционному обжалованию до вынесения итогового судебного решения; главы 45.1, 47.1 и 48.1 УПК РФ устанавливают порядок такого обжалования в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Уголовно-процессуальный закон содержит общие и специальные основания для избрания меры пресечения, наличие которых должен проверить суд при принятии решения; соответственно, при обжаловании защитнику следует убедиться в соблюдении судом первой инстанции требований законности, обоснованности и мотивированности избранной меры пресечения.

Как справедливо отмечает Н.А. Симагина, основания для избрания меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при ее избрании, должны использоваться в определенной последовательности: вначале устанавливаются общие основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, а затем в зависимости от наличия тех

¹Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Краснодарского края за 2-е полугодие 2024 г. / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru> (дата обращения: 14.08.2026).

² Приложение 2.

или иных обстоятельств, перечисленных в ст. 99 УПК РФ, определяется конкретный вид меры пресечения, подлежащей избранию¹. Проверка судьей наличия общих оснований для избрания меры пресечения представляет собой необходимое условие законности принятого решения. Например, сам по себе факт, что лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него, еще не является достаточным основанием для вывода о намерении обвиняемого скрыться от следствия и суда, продолжить преступную деятельность или воспрепятствовать производству по делу².

Согласимся с мнением В.И. Матейчука, который считает, что апелляционная жалоба как элемент уголовно-процессуальной формы является внешним проявлением уголовно-процессуальной деятельности, можно описать как установление и инструмент, которым заявитель инициирует контрольно-проверочную деятельность суда второй инстанции³.

Подготовка апелляционной жалобы начинается с изучения защитником материалов, представленных следователем (дознавателем) в обоснование ходатайства, а также самого судебного решения: протокола судебного заседания, аудиозаписи рассмотрения ходатайства, содержания постановления суда и приложенных к ходатайству документов. Такой анализ позволяет выявить как процессуальные нарушения, допущенные при рассмотрении вопроса о мере пресечения, так и материально-правовые дефекты принятого решения, включая отсутствие законности, обоснованности и мотивированности.

Согласимся с К.Е. Везденевым, утверждающим, что ничем не мотивированная жалоба, в которой отсутствуют указания на допущенные судом первой

¹Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 13.

²Кирдин Н.А., Петрова Г.Б. Обоснованность решений об избрании мер пресечения как гарантия исключительности ограничений конституционных прав личности // Вестник Саратовской гос. юрид. академии. 2022. № 5(148). С. 186

³Матейчук В.И. Порядок принесения и прохождение апелляционной жалобы в уголовном судопроизводстве // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 25 (380). С. 121.

инстанции нарушения закона, доказательства, подтверждающие доводы заявителя, лишает апелляционную инстанцию возможности выполнять свои функции надлежащим образом¹.

Особое значение имеет соблюдение сроков обжалования. В силу ч. 11 ст. 108 УПК РФ постановление судьи об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение трех суток со дня его вынесения; пропуск указанного сокращенного срока влечет возвращение жалобы, в связи с чем защитнику необходимо максимально оперативно подготовить процессуальный документ. При наличии уважительных причин пропуска срока защитник вправе заявить ходатайство о его восстановлении в порядке ст. 389.5 УПК РФ, однако допущение подобных ситуаций следует по возможности исключать организационными средствами².

При подготовке жалобы адвокату следует придерживаться структуры, отвечающей требованиям ст. 389.6 УПК РФ: в жалобе указываются наименование суда апелляционной инстанции, данные лица, подающего жалобу, его процессуальное положение, обжалуемое судебное решение, наименование постановившего его суда, а также доводы лица и основания, предусмотренные ст. 389.15 УПК РФ. Мотивировочная часть жалобы должна содержать последовательное изложение аргументов, каждый из которых подкрепляется ссылкой на конкретную норму закона, правовую позицию Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, а также на материалы уголовного дела. Целесообразно сначала обозначить отсутствие или недоказанность общих оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, а затем указать на то, что судом не были надлежащим образом учтены обстоятельства, закрепленные в ст. 99 УПК РФ. Следовательно, при подготовке к обжалованию решения об избрании меры пресечения

¹ Везденев К.Е. Апелляционное обжалование приговора: проблемы подготовки и оценки содержания жалоб и представлений: дис. ...канд. юрид. наук: Тюмень, 2022. С. 76.

² Мардоян В.С. Апелляционное обжалование защитником меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. С. 185.

адвокат должен убедиться, что оно не имеет или не соответствует указанным критериям (законность, обоснованность, мотивированность)¹.

В резолютивной части жалобы защитнику надлежит четко сформулировать требование: отменить постановление суда первой инстанции и отказать в удовлетворении ходатайства либо изменить избранную меру пресечения на более мягкую. К жалобе целесообразно приложить документы, подтверждающие доводы защиты: сведения о наличии постоянного места жительства, семейном положении, состоянии здоровья, положительные характеристики, справки о доходах, т. е. материалы, которые позволят суду апелляционной инстанции дать более полную оценку личности обвиняемого.

Судебная практика подтверждает значимость активных и профессиональных действий защитника на данном этапе. При рассмотрении жалобы апелляционные суды обращают внимание на оценку характеристики личности подозреваемого, обвиняемого, данную судом первой инстанции. Например, суд апелляционной инстанции дал более полную оценку сведениям о личности обвиняемого В., представленных адвокатом, что и стало основанием отмены решения суда первой инстанции. Суд отметил статус В., наличие у нее устойчивых социальных связей в Московском регионе, ее семейное положение и состояние здоровья, наличие у нее легального источника дохода. Опасение следствия, что обвиняемая скроется от правосудия, окажет воздействие на свидетелей и совершит иные действия, может быть исключено в условиях действия меры пресечения в виде домашнего ареста с установлением запретов и ограничений, что стало причиной изменения меры пресечения с заключения под стражу на домашний арест с применением ограничений, указанных п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ².

¹ Саюшкина Е. В. Калюжина В. М. Обжалование судебных решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу: эффективное средство защиты или уголовно-процессуальная фикция? // Труды Оренбургского института (филиала) Московской гос. юрид. академии. 2022. № 2(52). С. 96.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 июня 2024 г. № 10-14157/2024 / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

Тяжесть преступления сама по себе не может служить единственным основанием для избрания или продления срока действия самой суровой меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом должна обеспечиваться соразмерность ограничений, связанных с применением в отношении лица заключения под стражу в качестве меры пресечения, тяжестью инкриминируемого ему преступления, особенностями его личности, поведением в период производства по уголовному делу, а также с наказанием, которое в случае признания его виновным в совершении преступления может быть назначено.

Однако суды в своих решениях отмечают, что на первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду того, что он может скрыться от предварительного следствия. Тем не менее в дальнейшем одни только эти обстоятельства не могут признаваться достаточными для продления срока действия данной меры пресечения¹.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об обоснованности подозрения как самостоятельном условии законности заключения под стражу. Данное требование закреплено в определениях Конституционного Суда РФ², а также в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 № 41³. Если

¹ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2023 г. по делу № 77-2235/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2007 г. № 592-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильясова Имрана Спахиевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «н» статьи 44, части первой статьи 59 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 48 УК РСФСР, статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

следователем не представлены достаточные данные, подтверждающие обоснованность подозрения, суд должен отказать в удовлетворении ходатайства. При представлении ходатайства следственные органы обязаны конкретизировать свои доводы, указав, на основании каких именно документов и сведений по уголовному делу следует, что подозреваемый может препятствовать следствию, скрыться от него или продолжить преступную деятельность.

Как отмечает К.А. Ермолаев, эффективность применения заключения под стражу во многом зависит от установления факта действительного, а не мнимого противодействия следствию, и именно наличие или отсутствие достаточных данных, указывающих на реальность такого противодействия, должно лежать в основе решения суда¹.

Показателен в этом отношении и следующий пример: Московский городской суд, изменяя решение суда первой инстанции, указал, что в решении не приведено достаточно доказательств, указывающих на невозможность беспрепятственного производства по делу и обеспечения надлежащего поведения обвиняемого С. в случае избрания ему заключения под стражу, а также суд не дал должной оценки совокупности сведений о личности обвиняемого, который не сбыл судим, имел постоянное место работы и регистрацию, иждивенцев, характеризовался с положительной стороны. Суд в своем апелляционном постановлении указал, что вероятность наступления последствий (скрыться от следствия и суда, оказать давление на участников уголовно процесса, иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу) может быть предупреждена применением иной, более мягкой меры пресечения. В связи с этим, суд счел домашний арест достаточной гарантией как явки обвиняемого С. в органы следствия и в суд, так и для беспрепятственного обеспечения достижения целей уголовного судопроизводства².

¹ Ермолаев К.А. Понятие и юридические свойства меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2025. Т. 16. № 1 (59). С. 59.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 июля 2024 г. по делу № 10-16338/2024 / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

Тяжесть преступления сама по себе не может служить единственным основанием для избрания или продления самой строгой меры пресечения. Соразмерность ограничений, связанных с заключением под стражу, должна обеспечиваться с учетом тяжести инкриминируемого преступления, особенностей личности обвиняемого, его поведения в период производства по делу, а также наказания, которое может быть назначено в случае признания его виновным.

Как подчеркивал Конституционный Суд РФ, именно на суде, который принимает решение об избрании меры пресечения, лежит обязанность оценить достаточность имеющихся в материалах дела подтверждений законности и обоснованности данной меры, а также наличие оснований и условий для ее применения, учитывая соразмерность налагаемых ограничений с наказанием, которое может быть назначено по итогам рассмотрения уголовного дела по существу¹. Решение о конкретной мере пресечения не предопределяет выводы по основному вопросу уголовного дела – о виновности подсудимого и его наказании². Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда в решениях суда есть формулировки, указывающие на виновность лица, где судами предпрещается вопрос о причастности обвиняемого, а также о наличии события преступления, что исходя из требований п. 1 ч. 1 ст. 73, п. 1 ч. 1 ст. 299, ч. 3 ст. 306 УПК РФ и может быть разрешено только при постановлении приговора, например: «материалы содержат достаточные данные, позволяющие убедиться в имевшем место событии преступления и о причастности к нему обвиняемой...»³.

Верным представляется суждение С.В. Рудаковой о том, что положения уголовно-процессуального законодательства и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ обязывают суды придерживаться системного, пропорционального

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 242-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афраиловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 09 декабря 2025 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2021 г. по делу № 77-1629/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

и соразмерного подхода к избранию меры пресечения, обеспечивающего баланс публичных и частных интересов. Однако практика показывает, что в большинстве случаев суды применяют меры пресечения по ходатайству стороны обвинения достаточно формально¹. Формализм проявляется, в частности, в уклонении от тщательного анализа фактических обстоятельств дела и использовании шаблонных формулировок для обоснования принятого решения – например, ссылки на подчиненность свидетелей обвиняемому по службе без анализа того, могут ли интересы правосудия быть обеспечены иной, более мягкой мерой пресечения².

При обжаловании защитник представляет сведения, свидетельствующие о том, что обвиняемый не представляет угрозы для общества, участников судопроизводства и хода расследования, обосновывает возможность применения альтернативных мер пресечения – поручительства, залога, запрета определенных действий, домашнего ареста, предварительно согласовав данную позицию с доверителем. Следовательно, при составлении жалобы защитнику необходимо учитывать следующие обстоятельства: 1) опасность деяния, а также поведение подозреваемого или обвиняемого, его социальные связи и ранее совершенные преступления, что позволит судам гибко подходить к вопросу о применении той или иной меры, исходя из конкретных обстоятельств дела; 2) важность сбалансированного подхода, учитывающего как защиту общественных интересов, так и права, свободы личности³.

Третий этап – участие защитника в судебном заседании по рассмотрению жалобы на решение суда об избрании меры пресечения. Непосредственное участие защитника в судебном заседании по рассмотрению жалобы на решение суда об избрании меры пресечения представляется не менее важным, чем подготовка

¹ Рудакова С.В. Деятельность защитника по обжалованию применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 233.

² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 25 июня 2026 г. по делу № 22-4587/2026 // Архив Краснодарского краевого суда.

³ Мардоян В.С. Адвокат-защитник как субъект доказывания в суде апелляционной инстанции // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 109.

и написание самой жалобы, и обязательным в силу п. 15 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве¹. Задача адвоката на данном этапе сводится к поддержанию согласованной с доверителем позиции, аргументированному возражению против доводов стороны обвинения и представлению суду апелляционной инстанции дополнительных сведений.

В ходе подготовки к судебному заседанию защитнику необходимо проанализировать возможные вопросы суда, подготовить контраргументы, четко и последовательно выстроить позицию для устного изложения. Наличие дополнительных материалов и тщательная подготовка способны существенно повлиять на решение суда апелляционной инстанции. Неявка защитника в судебное заседание недопустима и может повлечь неблагоприятные последствия как процессуального характера (отложение заседания, замена защитника), так и дисциплинарного – вплоть до вынесения судом частного постановления в отношении адвоката.

Согласно результатам анкетирования практических работников, большинство из них (65,8 %) полагают, что процессуальная активность защитника позитивно отражается на законности разрешения вопросов досудебного производства, включая обжалование мер пресечения². Таким образом, полагаем, что реализация процессуального потенциала защитника в его динамическом, деятельностном измерении напрямую определяет эффективность апелляционного обжалования решений о мере пресечения. Вместе с тем анализ практики обнаруживает и обратную сторону вопроса – устойчивые ограничения, которые эта деятельность претерпевает в силу недостаточной конкретизации нормативной составляющей потенциала защитника.

Проведенный анализ судебной практики и разработанного алгоритма действий защитника позволяет выявить системное ограничение его процессуального потенциала, коренящееся в самой природе решения о заключении под

¹ Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Приложение 3.

стражу. Как было показано в предыдущем параграфе, постановление об избрании данной меры пресечения основывается не столько на доказательствах виновности в строгом смысле ст. 74 УПК РФ, сколько на сведениях вероятностного характера – характеристиках, справках, объяснениях, результатах оперативно-розыскной деятельности, которые зачастую не имеют процессуального статуса доказательств. Закон не предусматривает и обязанности использования доказательств при принятии данного решения: орган предварительного расследования свободно оперирует «иной информацией», не связанной строгими требованиями допустимости, тогда как формальный объем полномочий защитника, закрепленный в ст. 53 УПК РФ, ориентирован прежде всего на собирание и представление доказательств.

Возникает процессуальное противоречие: следователь (дознатель) представляет суду сведения, не обладающие статусом доказательств, а защитник формально таким же правом в отношении аналогичных по своей природе сведений не наделен. Более того, по мнению А.А. Тарасова, защитник собирает вовсе не сами доказательства, а лишь предметы и документы, которые только потенциально могут в будущем стать доказательствами, если должностное лицо сочтет возможным приобщить их к делу¹.

Полагаем, что прямое закрепление права защитника представлять суду материалы, не имеющие статуса доказательств, но обладающие той же природой, что и сведения, используемые следствием, способствовало бы соблюдению баланса частных и публичных интересов. О.А. Малышева считает также целесообразной возможность приобщения в суде документов, материалов, имеющих отношение к предмету рассматриваемой жалобы, производство допроса иных участников, в том числе и производства очной ставки в досудебном производстве².

¹ Тарасов А.А. Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность // Юридический вестник Самарского ун-та. 2024. № 2. С. 65.

² Малышева О.А. Судебное обжалование в досудебном уголовном производстве: пределы и порядок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №3. С. 147.

Как верно отмечает О.А. Максимов, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 № 41 не разъясняется, в какой форме или каким образом должно осуществляться исследование конкретных обстоятельств в судебном заседании и каковы пределы исследования на данной стадии. В свою очередь, УПК РФ в ст. 108 также не дает никаких указаний на обязательное исследование в судебном заседании каких-либо обстоятельств при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу¹. При этом объем рассматриваемых судьей сведений, необходимых для определения наличия оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, не может быть тождественен объему доказательств, необходимых суду для решения вопроса о виновности подсудимого. Схожей с ним точки зрения придерживается и А.Н. Савченко².

Данный недостаток процессуального регулирования носит частный характер применительно к более общей проблеме – недостаточной конкретизации полномочий защитника именно применительно к специфике меры пресечения в виде заключения под стражу. В связи с этим считаем целесообразным выделить и проанализировать четыре направления возможного расширения полномочий защитника при апелляционном обжаловании решений о мере пресечения, каждое из которых отвечает на конкретный дефицит его процессуального потенциала, выявленный в ходе анализа алгоритма и практики его реализации.

Первое направление – право защитника на инициативный сбор и представление суду фактических материалов: документов, подтверждающих личность, социальные связи, состояние здоровья подзащитного (справок, характеристик, выписок), в том числе тех, которые не были представлены суду первой инстанции. В настоящее время подобное представление реализуется преимущественно через заявление ходатайств об их приобщении, удовлетворение которых оста-

¹ Максимов О.А. Проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на досудебной стадии уголовного процесса // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 162.

² Савченко А.Н. Спорные вопросы в практике применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Уголовный процесс. Уголовное судопроизводство. 2010. № 2. С. 12.

ется на усмотрение суда; между тем прямое процессуальное право на представление таких материалов, не обусловленное усмотрением суда об их приобщении, существенно повысило бы эффективность защиты. Полагаем данное предложение обоснованным и подлежащим нормативному закреплению.

Подобная регламентация вызывает необходимость законодательно закрепить право в принятии и приобщении к делу материалов, которые представляет сторона защиты, а также введения регламента порядка принятия сведений, предметов и документов¹. Данное предложение подтверждает общую тенденцию: право адвоката собирать сведения закреплено в общем виде, но применительно к специфике меры пресечения оно нуждается в самостоятельной процессуальной конкретизации непосредственно в тексте УПК РФ, что и предлагается далее.

Второе направление – право защитника на получение письменных разъяснений от лиц, чьи сведения представлены суду в подтверждение позиции защиты (например, от собственника жилого помещения, давшего согласие на проживание подзащитного при домашнем аресте). Закрепление за защитником права запрашивать у таких лиц письменные пояснения не должно приобретать характер допроса, подменяющего процессуальные формы получения показаний, предусмотренные УПК РФ. Соответственно, такое право целесообразно ограничить исключительно письменной формой получения пояснений, указав на справочный характер полученных сведений – они не заменяют показания свидетеля, но могут служить дополнительным основанием для заявления защитником ходатайства о вызове соответствующего лица в судебное заседание.

Третье направление – право защитника на анализ и оспаривание неформальных сведений (справок, оперативных данных, объяснений), которые суд первой инстанции принял без должной проверки непосредственно при рассмотрении жалобы судом апелляционной инстанции. Формально защитник вправе заявить ходатайство о вызове лица, предоставившего такие сведения (ст. 119 УПК

¹ Подопригора Д.А. Досудебное производство в деятельности адвоката // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 800-летию Святого Благоверного князя Александра Невского): сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2021. С. 292–297.

РФ), однако удовлетворение подобного ходатайства зависит исключительно от усмотрения суда, а отказ в его удовлетворении не требует специальной мотивировки, что снижает эффективность данного механизма.

Считаем необходимым закрепить за защитником право заявить в суде апелляционной инстанции мотивированное ходатайство о вызове и допросе лица, предоставившего сведения, положенные в основу обжалуемого решения и не имеющие статуса доказательств, с установлением корреспондирующей обязанности суда апелляционной инстанции удовлетворить такое ходатайство, если соответствующие сведения не получили в суде первой инстанции надлежащей проверки, либо мотивированно обосновать отказ в его удовлетворении¹. Это позволит защитнику не декларативно ссылаться на недостоверность положенных в основу решения сведений, а добиваться их предметной проверки непосредственно в апелляционном производстве.

Четвертое направление – право защитника на подготовку письменной оценки рисков, предусмотренных ст. 97 УПК РФ («контр-справки»), основанной на собранных фактических данных и опровергающей аналогичные доводы стороны обвинения. Данное предложение представляется наиболее перспективным, поскольку по своему существу оно зеркально отражает функциональную логику постановления следователя, обосновывающего наличие рисков: если следствие вправе представить суду собственную оценку вероятности ненадлежащего поведения обвиняемого, то право защитника представить альтернативную, столь же обоснованную оценку тех же рисков, что в полной мере отвечает состязательному характеру производства. Чтобы избежать смешения с показаниями специалиста в смысле ст. 80 УПК РФ, целесообразно закрепить данное право в следующей формулировке: «заключение защитника об оценке обстоятельств, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса».

¹ Подопригора Д.А. Проблемные моменты участия адвоката-защитника по уголовным делам // Прокуратура России на страже законности и правопорядка (к 300-летию российской прокуратуры): сб. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. С. 377.

Доводы апелляционной жалобы в обоснование своих требований могут касаться любых обстоятельств дела. Отметим, что важность мотивированной жалобы заключается и в том, что суд апелляционной инстанции будет обязан прокомментировать каждый довод защитника, указанный в жалобе¹.

Синтезируя изложенные предложения с идеей об устранении процессуальной асимметрии в статусе материалов, представляемых следствием и защитой, полагаем целесообразным дополнить ст. 53 УПК РФ частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. При избрании, изменении или продлении срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий или залога, а также обжаловании избранной меры пресечения защитник вправе:

1) представлять суду документы и иные материалы, характеризующие личность, семейное положение, состояние здоровья и социальные связи подозреваемого, обвиняемого, а также иные фактические данные, снижающие вероятность наступления последствий, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, независимо от их процессуального статуса как доказательств в смысле статьи 74 настоящего Кодекса;

2) обращаться к лицам, предоставившим сведения, указанные в пункте первом настоящей части, за письменными пояснениями, а также заявлять ходатайство о вызове данных лиц в судебное заседание;

3) заявлять в суде апелляционной инстанции ходатайство о вызове и допросе лица, предоставившего сведения, используемые в обоснование избрания, продления срока действия либо изменения меры пресечения;

4) представлять суду письменное заключение об оценке обстоятельств, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, основанное на фактических данных, указанных в пункте первом настоящей части».

¹ Рудакова С.В., Мардоян В.С. Несправедливость приговора как основание отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке по жалобе защитника // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 132.

Изложенная редакция отвечает нескольким целям одновременно. Во-первых, она устраняет процессуальное неравенство между следствием и защитой в части представления сведений, не имеющих статуса доказательств, но объективно значимых для оценки риска, предусмотренного ст. 97 УПК РФ. Во-вторых, право на вызов и допрос лица, предоставившего сведения, обеспечивает проверку их достоверности непосредственно судом. В-третьих, возможность представления письменного заключения защитника об оценке рисков создает процессуальный механизм, обеспечивающий состязательное начало производства по вопросу о мере пресечения. Названные полномочия реализуются защитником как при рассмотрении вопроса о мере пресечения судом первой инстанции, так и при апелляционном обжаловании принятого решения.

Как уже отмечалось, ч. 1.1 ст. 53 УПК РФ регулирует статус защитника. Процессуальный механизм реализации предложенных полномочий на стадии апелляционного обжалования, включая корреспондирующие обязанности суда апелляционной инстанции, нуждается в отдельном закреплении непосредственно в гл. 45.1 УПК РФ. Действующая ст. 389.6 УПК РФ, устанавливающая требования к содержанию апелляционных жалобы и представления, увязывает прилагаемые к жалобе материалы с доказательствами (ч. 1.1), не учитывает специфику материалов, не имеющих такого статуса, и не устанавливает обязанности суда апелляционной инстанции по итогам рассмотрения ходатайства о вызове лица, предоставившего сведения. В целях устранения данного пробела полагаем целесообразным дополнить ст. 389.6 УПК РФ частью 2.1 следующего содержания:

«2.1. При обжаловании судебного решения об избрании, продлении срока действия либо изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий или залога лицо, подавшее апелляционные жалобу или представление, вправе приложить к ним документы и иные материалы, не имеющие статуса доказательств, но подтверждающие либо опровергающие наличие обстоятельств, предусмотренных статьями 97 и 99 настоящего Кодекса.

Суд апелляционной инстанции обязан приобщить указанные материалы, а также материалы и письменные пояснения, представленные защитником в соответствии с пунктами 1, 2 и 4 части 1.1 статьи 53 настоящего Кодекса, к материалам уголовного дела и дать им оценку в судебном решении. Ходатайство о вызове и допросе лица, заявленное защитником в соответствии с пунктом 3 части 1.1 статьи 53 настоящего Кодекса, подлежит удовлетворению судом апелляционной инстанции, если сведения, предоставленные данным лицом, не получили в суде первой инстанции надлежащей проверки либо суд вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства, мотивировав такой отказ»¹.

Полагаем, что ч. 1.1 ст. 53 УПК РФ закрепляет полномочия защитника, реализуемые на любой стадии производства по вопросу о мере пресечения, включая рассмотрение соответствующего ходатайства судом первой инстанции, но не содержит обязанностей суда, поскольку регулирует статус защитника, в ч. 2.1 ст. 389.6 УПК РФ, напротив, обращена к суду апелляционной инстанции: она закрепляет его обязанность приобщить представленные материалы и дать им мотивированную оценку, а также обязанность удовлетворить либо мотивированно отклонить ходатайство о вызове и допросе лица.

Практическая значимость заключается в том, что без специально предусмотренного права на инициативный сбор материалов защитнику зачастую сложнее убедить суд апелляционной инстанции в том, что риск ненадлежащего поведения обвиняемого минимален, и добиться замены заключения под стражу на более мягкую меру пресечения, однако необходимые для этого сведения (характеристика от соседей, справка от работодателя) нередко уже имеются у защитника, но их представление суду не обеспечено самостоятельным процессуальным правом, а зависит от усмотрения суда первой либо апелляционной инстанции. Аналогично отсутствие прямого права на вызов и допрос лица, предо-

¹ Приложение 1.

ставившего сведения, вынуждает защитника ограничиваться указанием на не достоверность таких сведений в тексте жалобы, не имея процессуальной возможности добиться их проверки судом.

Проведенный в настоящем параграфе анализ позволяет сформулировать основные выводы.

1. Процессуальный потенциал защитника представляет собой совокупность фактически реализуемых правовых и организационно-тактических возможностей, определяемую объемом и конкретизацией нормативно закрепленных полномочий, обеспеченностью этих полномочий процессуальными гарантиями, а также индивидуальными профессиональными качествами адвоката. Разграничение нормативной и деятельностной составляющих данного понятия имеет самостоятельное методологическое значение для анализа эффективности защиты на любой стадии уголовного судопроизводства, включая обжалование меры пресечения.

2. Разработанный трехэтапный алгоритм действий защитника при обжаловании заключения под стражу (формирование совместной с доверителем позиции, подготовка и написание жалобы, участие в судебном заседании) и подтверждающая его практическая значимость демонстрируют, что реализация процессуального потенциала защитника напрямую определяет результативность апелляционного пересмотра решений о мере пресечения.

3. Нормативная составляющая процессуального потенциала защитника применительно к апелляционному обжалованию заключения под стражу ограничена тремя факторами: у защитника отсутствует самостоятельное, не зависящее от усмотрения суда, право представлять материалы, не имеющие статуса доказательств, но значимые для оценки риска по ст. 97 УПК РФ; отсутствует четко прописанный механизм проверки судом апелляционной инстанции сведений, положенных в основу обжалуемого решения; отсутствует возможность письменной оценки защитником данных рисков. Указанные пробелы снижают состязатель-

ность производства по вопросу о мере пресечения и объективно ослабляют процессуальные возможности защиты по сравнению с возможностями стороны обвинения.

4. Устранение выявленных ограничений требует нормативного закрепления в ч. 1.1 ст. 53 УПК РФ следующих полномочий защитника, реализуемых как при рассмотрении вопроса о мере пресечения судом первой инстанции, так и при апелляционном обжаловании принятого решения: 1) права представлять суду материалы, не имеющие статуса доказательств, но подтверждающие обстоятельства, влияющие на оценку риска по ст. 97 УПК РФ; 2) права на получение письменных пояснений от лиц, предоставивших такие материалы; 3) права заявлять в суде апелляционной инстанции ходатайство о вызове и допросе лица, предоставившего неформальные сведения, положенные в основу обжалуемого решения; 4) права на подготовку письменного заключения об оценке рисков, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Корреспондирующие обязанности суда апелляционной инстанции по приобщению и оценке представленных материалов, а также по разрешению ходатайства о вызове и допросе лица предлагается закрепить в ч. 2.1 ст. 389.6 УПК РФ.

Глава 3. РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТНИКОМ ПРЯМОЙ МОДЕЛИ ОБЖАЛОВАНИЯ РЕШЕНИЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПОД СТРАЖУ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО ПОДХОДА

3.1. Основания досудебного обжалования судебных решений: стандартизированный подход

Институт отмены или изменения судебных решений, не вступивших в законную силу, занимает центральное место в системе гарантий правосудности приговора и иных судебных актов в российском уголовном судопроизводстве. Его назначение состоит в том, чтобы до вступления решения в законную силу обеспечить возможность своевременного устранения допущенных судом первой инстанции ошибок как в установлении фактических обстоятельств дела, так и в применении норм права. Такая проверка традиционно строится на унифицированных, стандартизированных конструкциях – едином перечне критериев и оснований, рассчитанных прежде всего на пересмотр итогового решения по уголовному делу – приговора¹.

Указанный подход сложился исторически и на протяжении длительного времени остается практически неизменным, поскольку к основаниям отмены традиционно относят нарушения, допущенные при производстве по уголовному делу, которые обусловили или могли обусловить постановление незаконного, необоснованного или несправедливого решения.

Термин «апелляция» имеет латинское происхождение и означает обращение к вышестоящему суду². Институт апелляционного пересмотра был известен дореволюционному российскому уголовному процессу: Устав уголовного судопроизводства.

¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1970. Т. 2. С. 378; Воскобитова Л.А. Система оснований к отмене или изменению приговора в кассационном порядке: учеб. пособие. М., 1985. С. 6.

² Дорошков В.В. Пересмотр решений Европейского суда по уголовным делам в апелляционном порядке // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 39.

производства 1864 г. допускал обжалование не окончательных приговоров мировых судей по всем предметам дела, а приговоров общих судебных установлений по поводу любой неправильности в производстве дела или в самом приговоре¹. В советский период апелляционное производство было упразднено и заменено кассационным пересмотром; возможность его восстановления впервые была предусмотрена Концепцией судебной реформы, одобренной Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 № 1801-1². В действующем виде институт апелляции закреплен принятием УПК РФ 2001 г. и последующей реформой контрольно-проверочных стадий 2010 г.³

Еще И.Я. Фойницкий обращал внимание на то, что суд апелляционной инстанции должен ясно понимать основания, по которым стороны обжалуют судебные решения, в противном случае неизбежно нарушается нормальный ход апелляционного производства⁴. Данное замечание сохраняет актуальность и сегодня: четкость и системность оснований апелляционного обжалования дисциплинирует и стороны, формулирующие жалобы и представления, и суд, обязанный принять мотивированное решение по ним.

Как справедливо отмечает А.М. Панокин, закрепление оснований отмены или изменения судебных решений в апелляционном порядке ориентирует суды первой инстанции на недопустимость совершения перечисленных в законе нарушений, а суды апелляционной инстанции – на их выявление⁵. Апелляционные основания представляют собой ориентир, который позволяет суду и участникам

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит.-ра, 1991. Т. 8.

² Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

³ Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 31 дек.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. 2. С. 515–516.

⁵ Панокин А.М. Основания для отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Право. 2021. Т. 12, вып. 1. С. 55.

уголовного судопроизводства определить предмет и пределы проверки. Полагаем, что такой ориентир должен быть четким, ясным для всех участников уголовного судопроизводства.

Сущность современного апелляционного производства заключается в предмете проверки, установленном ст. 389.9 УПК РФ, согласно которому суд апелляционной инстанции проверяет законность, обоснованность и справедливость приговора, а также законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции. Показательно, что уже на этом этапе законодатель дифференцирует критерии проверки в зависимости от вида пересматриваемого решения: справедливость отнесена исключительно к проверке приговора, тогда как в отношении «иных решений» указаны только законность и обоснованность.

При этом ч. 4 ст. 7 УПК РФ закрепляет, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть *законными, обоснованными и мотивированными*. Более того, сами суды, принимая решение по итогам апелляционного производства, исходят из требований законности, обоснованности и мотивированности проверяемых определений и постановлений судов первой инстанции¹. В связи с этим, полагаем, что к критериям апелляционной проверки промежуточных решений, принятых в досудебном производстве следует отнести законность, обоснованность, мотивированность. Рассмотрим их более подробно.

По мнению П.А. Лупинской, судебное решение складывается из двух элементов – фактического (обстоятельства, установленные на основе исследованных доказательств) и правового (нормы уголовного и уголовно-процессуального

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 07 апреля 2026 г. по делу № 10-7270/2026; Апелляционное постановление Московского городского суда от 13 мая 2026 г. по делу № 10-10220/2026; Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 декабря 2026 г. по делу № 10-29915/2025// СПС «КонсультантПлюс».

права), а соотношение данных элементов обуславливает законность и обоснованность решения¹. Само понятие «критерий» (от греч. *kriterion* – мерило для оценки) в философской литературе определяется как средство проверки истинности или ложности утверждения²; применительно к предмету апелляционной проверки набор таких критериев образует стандартизированную модель оценки судебного решения.

Законность приговора означает, что он постановлен в соответствии с нормами уголовно-процессуального права и основан на правильном применении норм материального (уголовного) права³. Судебное решение соответствует требованию законности, если судом соблюдены все процессуальные правила его постановления, а производство по уголовному делу проведено полно, всесторонне и объективно, нормы материального права (Общая и Особенная частей УК РФ), нормы иных отраслей права, относящихся к конкретному делу, правильно применены к правовой ситуации. Законодательно требование законности раскрывается через такие апелляционные основания, как существенное нарушение уголовно-процессуального закона и неправильное применение уголовного закона (ст. 389.17, 389.18 УПК РФ).

Следующий критерий – обоснованность. Традиционно в уголовном судопроизводстве обоснованность рассматривается как соответствие чего-либо (чаще всего выводов дознавателя, следователя, прокурора, суда, отраженных в принятых ими процессуальных актах) установленным в деле фактическим обстоятельствам⁴. Как верно отмечает П.А. Lupinskaya, правильное, по сути, решение

¹ Lupinskaya P.A. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 73.

² Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1981. С. 170.

³ Заракушева К.Р., Зеленкина В.Н. Свойства законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговора суда как основного итогового решения по уголовному делу // Вестник права. 2023. № 2. С. 29.

⁴ Качалов Е.В. Ограничение прав участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 46.

может вызвать сомнение в его обоснованности, если оно написано так, что нет ясного представления об основаниях и мотивах его принятия¹.

Обоснованность процессуальных решений означает, что содержащиеся в них выводы подтверждены совокупностью относимых, допустимых и достоверных доказательств. Требование обоснованности обязывает применять уголовно-процессуальные нормы лишь в результате полного, всестороннего и объективного установления конкретных фактов, на которые такие нормы рассчитаны².

М.И. Бажанов отмечал, что обоснованность процессуального акта означает, что: обстоятельства дела установлены с достаточной полнотой, доказательства достоверны, выводы в процессуальном акте вытекают из имеющихся доказательств, доказательства получены из надлежащих источников³.

Обоснованность тесно связана с доказанностью обстоятельств по уголовному делу, с соответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным в ходе судебного разбирательства (ст. 389.16 УПК РФ). Принципиально, что данное основание сформулировано законодателем относительно к достоверности обстоятельств дела, т. е. применительно к оценке доказательств, представленных суду первой инстанции именно при разрешении вопроса о виновности лица. Все уголовно-процессуальные решения должны быть обоснованными – это универсальное требование, предъявляемое к решениям, выносимым в ходе производства по уголовному делу.

Наряду с обоснованностью выделяется и понятие мотивированности судебного решения. Требование обоснованности относится прежде всего к установлению фактических обстоятельств дела на основе исследованных доказательств, а требование мотивированности традиционно связывают с приведением мотивов, по которым одни доказательства принимаются, а другие отвергаются,

¹ Ермаков Н., Элькинд П. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы // Советская юстиция. 1977. № 4. С. 26.

² Каблуков И.В. Соотношение понятий «обоснованность процессуальных решений» и «достаточность доказательств» в уголовном судопроизводстве // Доклады Башкирского ун-та. 2016. Т. 1, № 4. С. 836.

³ Бажанов М.И. Избранные труды [сост. В.И. Тютюгин, А.А. Байда, Е.В. Харитонов, Е.В. Шевченко; отв. ред. В.Я. Таций]. Харьков: Право, 2012. С. 1199.

мотивов назначения вида и размера наказания, а также причин квалификации деяния по той или иной статье при наличии смежных составов¹. Если обоснованность означает приведение оснований принятого решения, то мотивированность, исходя из психологического содержания понятия «мотив» как внутреннего побуждения, означает объяснение самого механизма принятия решения, т. е. того мыслительного процесса, который привел суд к конкретному выводу. Мотивированность актуальна и в случаях, когда закон допускает судебское усмотрение, например, при выборе уголовно-правовой нормы, квалификации деяния, вида и размера наказания.

А.В. Кудрявцева и Ю.А. Морозова рассматривают мотивированность как самостоятельное свойство итогового решения, означающее приведение в приговоре всех фактических и юридических аргументов, подтверждающих сделанные судом выводы; немотивированность – это самостоятельное основание для отмены судебного решения, лишаящее сторону возможности реально реализовать право на обжалование². Конституционный Суд РФ также рассматривает мотивированность как обязательный критерий любого законного судебного решения на всех стадиях уголовного судопроизводства, необходимый для реализации принципов состязательности, равноправия сторон и презумпции невиновности³.

Как верно отмечают М.В. Беляев, О.В. Качалова, мотивированность судебного решения – непереносимое условие справедливого судебного разбирательства,

¹ Кудрявцева А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 62.

² Кудрявцева А.В., Морозова Ю.А. Немотивированность как обоснование к отмене и определение обоснованности решений в кассационных и апелляционных обоснованиях // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 438. С. 222.

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42 «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Адвокат. 2005. № 6; Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 г. № 32-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Эшонкулова Азамата Хатамбаевича на нарушение его конституционных прав статьей 388 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

которое позволяет обеспечить право на его обжалование в вышестоящем суде¹. Такой критерий судебного решения, как мотивированность, является важным свойством любого решения и причиной его отмены или изменения в апелляционном порядке. При этом последствия немотивированности различаются в зависимости от контрольно-проверочной инстанции: в кассационном порядке немотивированность, как правило, влечет отмену решения с направлением дела на новое рассмотрение, тогда как суд апелляционной инстанции вправе как отменить решение, так и восполнить недостаточность мотивировки собственным решением, не отменяя акт нижестоящего суда.

Справедливость приговора, в отличие от трех предыдущих критериев, относится исключительно к назначенному наказанию и его соразмерности содеянному (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ), в связи с чем законодатель ограничивает применение данного критерия проверкой приговора, не распространяя его на иные (промежуточные) судебные решения. По мнению В.А. Давыдова и О.В. Качаловой, несправедливый приговор – это решение, по которому было назначено наказание, не соответствующее тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание, которое по своему виду или размеру является несправедливым вследствие чрезмерной мягкости и чрезмерной суровости².

Считаем, что из четырех критериев проверки, образующих ядро стандартизированного подхода, три (законность, обоснованность, мотивированность), в законе сформулированы так, что их можно применить к любому судебному решению, а один (справедливость) – исключительно к приговору. Помимо указанных свойств, которые являются предметом апелляционной проверки, законодатель в ст. 389.15 УПК РФ закрепил основания обжалования, не вступивших в законную силу приговора или иного решения суда первой инстанции.

¹ Беляев М.В., Качалова О.В. Мотивированность судебных решений в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2022. № 5 (186). 104.

² Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 29. С. 72.

К таким основаниям относятся: 1) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции; 2) существенное нарушение уголовно-процессуального закона; 3) неправильное применение уголовного закона; 4) несправедливость приговора; 5) выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ; 6) выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Предмет и основания апелляционного обжалования формально едины для итоговых и промежуточных решений, за отдельными исключениями. К промежуточным решениям, подлежащим самостоятельному обжалованию до вынесения итогового решения по делу в силу того, что они существенно затрагивают конституционные права участников судопроизводства, правоприменитель однозначно относит решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу¹.

Между тем действующее уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает специального порядка апелляционного пересмотра ни решений об избрании мер пресечения, ни решений, принимаемых в порядке ст. 125 УПК РФ, хотя специфика таких решений этого требует.

Из шести оснований отмены или изменения решения, установленных ст. 389.15 УПК РФ и в принципе применимых к промежуточным решениям, практически может быть применено только одно – существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Остальные основания (несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, неправильное применение уголовного закона, несправедливость приговора, выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ; несоблюдение лицом условий и невыполнение им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве)

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.

ориентированы на вопросы виновности, квалификации и наказания и не могут быть содержательно применены к решениям, не разрешающим дело по существу. Данный вывод в полной мере применим и к постановлениям об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку в них также не решаются вопросы виновности лица, квалификации содеянного, вида и размера наказания. Рассмотрим применительно к каждому из шести оснований, в какой мере оно может быть содержательно распространено на решения, принимаемые в досудебном производстве, а в какой – сохраняет значение исключительно применительно к приговору.

1. Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (ст. 389.16 УПК РФ).

Уже, обращая внимание на формулировку «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре...», недвусмысленно указывает на то, что это основание применимо исключительно при решении вопроса об отмене или изменении приговора. Вместе с тем данное основание раскрывается через четыре ситуации, применимые исключительно к обжалованию итоговых решений, исходя из формулировки: «Приговор признается не соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела...».

При этом А.Б. Диваев считает, что применение формулировки оснований отмены и изменения судебных решений (п. 1, 2 ст. 389.16 УПК РФ) максимально универсальны и подходят под все ситуации, когда объектом внимания суда апелляционной инстанции становится судебное решение, принятое по итогам судебного заседания¹.

Анализ судебной практики показывает, что основание отмены и изменения приговора п. 1 ст. 389.16 УПК РФ (выводы суда не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании) применяется исключительно к

¹ Диваев А.Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2021. №1 (46). С. 139.

итоговым решениям¹, что обусловлено не только наличием в формулировке статьи указания на приговор, но и использованием термина «доказательства». На этапе досудебного производства, когда определяется законность возбуждения уголовного дела, задержания, обоснованность подозрения, не представляется возможным говорить о наличии доказательств, речь идет о достаточности данных, наличии сведений.

Следующее основание «суд не учел обстоятельств, которые могли существенно повлиять на выводы суда», на наш взгляд, должно также относиться к апелляционному обжалованию итогового решения, как и задумывал законодатель, судя по формулировке. Так поступает большинство судов², однако на практике встречаются случаи, когда указанное основание применяется шире и служит основанием для отмены промежуточных решений. Гражданин Б. обратился в районный суд в порядке ст. 125 УПК РФ с жалобой на бездействие Генеральной прокуратуры РФ и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокуратуры, отказавших в ее принятии со ссылкой на то, что не представляется возможным из содержания жалобы установить какие непосредственно действия и решения обжалуются заявителем и определить предмет обжалования.

Суд первой инстанции от выяснения данных обстоятельств уклонился, между тем они имеют существенное значение и могли повлиять на законность и обоснованность принятого решения, в связи с чем судебное решение было отменено на основании п. 2 ч. 1 ст. 389.16 УПК РФ³.

¹ См.: Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 28 июля 2022 г. по делу № 55-488/2022; Апелляционное определение Московского городского суда от 14 октября 2025 г. по делу № 10-20865/2025; Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2025 г. по делу № 10-18792/2025; Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 мая 2026 по делу № 10-10242/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Апелляционное определение Белгородского областного суда от 13 мая 2026 г. по делу № 22-476/2026; Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 23.04.2026 по делу № 22-1043/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 июля 2026 г. по делу № 10-15604/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

Приведенный пример наглядно подтверждает обозначенную ранее проблему стандартизированного подхода к установлению апелляционных оснований. По замыслу законодателя, основание, предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 389.16 УПК РФ рассчитано на проверку приговора: это следует как из систематического расположения нормы, так и из содержательной связи данного основания с оценкой обстоятельств. Этим объясняется то, что подавляющее большинство судов апелляционной инстанции применяет его исключительно к обжалованию итоговых решений.

Вместе с тем отсутствие в законе самостоятельного основания, рассчитанного на проверку промежуточных решений, в частности постановлений об отказе в принятии жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, вынуждает суд апелляционной инстанции в отдельных случаях распространять на такие решения основание, предназначенное для иного объекта проверки. Отмена постановления об отказе в принятии жалобы со ссылкой на п. 2 ч. 1 ст. 389.16 УПК РФ свидетельствует не о правильном применении данного основания по его прямому назначению, а о вынужденном восполнении судебной практикой пробела, обусловленного отсутствием дифференцированного перечня апелляционных оснований для промежуточных решений. При этом возможность подобного расширительного толкования указывает на внутреннюю противоречивость нормы. Уже сама формулировка «обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда» настолько абстрактна, что допускает ее применение за пределами предмета, для проверки которого она создавалась.

Основания, перечисленные в п. 3, 4 ч. 1 ст. 389.16 УПК РФ, применяются исключительно при решении вопроса об отмене или изменении приговора. В данном случае существо нарушений говорит само за себя.

Следовательно, данное основание в его содержательном (а не буквально-текстовом) значении может быть распространено на промежуточные решения лишь условно, потому что суд апелляционной инстанции переоценивает не доказанность вины, а обоснованность подозрения и наличие процессуальных рисков, что образует качественно иной предмет проверки.

2. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, основаниями отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции являются существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

Рассматривая данное основание апелляционного обжалования, А.Б. Диваев выделяет две группы оснований отмены и изменения судебных решений – безусловные и условные¹. Безусловные основания (ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ) носят категорический характер, в связи с чем наличие такого нарушения априори признается существенным и неустранимым, что автоматически влечет отмену или изменение решения.

Условные нарушения, в отличие от безусловных, не могут быть исчерпывающе перечислены в законе, поскольку таковыми признаются любые нарушения уголовно-процессуального закона, которые суд апелляционной инстанции сочтет существенными. Законодатель в ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ определил лишь общие критерии такой существенности, поэтому формулировка этой нормы позволяет применить указанное основание к широкому кругу нарушений, связанных с: лишением или ограничением гарантированных УПК РФ прав участников; несоблюдением процедуры производства процессуального действия; действиями (бездействием), которые могли повлиять на вынесение законного и обоснованного решения.

Из шести оснований апелляционного обжалования именно данное основание – единственное, содержательно не привязанное к разрешению вопроса о виновности, квалификации содеянного или назначенному наказанию, а потому в

¹ Диваев А.Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2021. №1 (46). С. 140.

равной мере применимое как к приговору, так и к любому промежуточному решению, включая решения об избрании, продлении или отказе в избрании меры пресечения. Закрепленный ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ перечень безусловных существенных нарушений (незаконный состав суда, отсутствие протокола судебного заседания и т.п.) также не привязан к содержанию решения и в равной мере применим к промежуточным решениям.

Действующая судебная практика подтверждает данный вывод. Так, например, адвокат В. обратился с апелляционной жалобой на решение суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подзащитного Б. Адвокат выражал несогласие с вынесенным судебным решением. Суд апелляционной инстанции посчитал, что в соответствии с положениями ст. 389.17 УПК РФ есть основания отмены судебного решения в апелляционном порядке.

В данном случае к существенным нарушениям уголовно-процессуального права суд отнес следующие обстоятельства: защитник В. был лишен возможности перед началом судебного заседания ознакомиться с материалами ходатайства следователя, а заявленные ходатайства о необходимости ознакомления с материалами были оставлены без удовлетворения; в суде защитником заявлялось ходатайство об объявлении перерыва для консультации с подзащитным, однако суд отказал в его удовлетворении, ничем это не мотивировав¹.

Приведенный пример доказывает, что существенное нарушение уголовно-процессуального закона является единственным апелляционным основанием, полноценно и без каких-либо содержательных ограничений применимым к обжалованию промежуточных решений в досудебном производстве, в том числе и постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Показательно, что все выявленные судом апелляционной инстанции нарушения никак не связаны с оценкой доказанности вины, квалификацией содеянного или назначением наказания. Все они касаются исключительно процедуры рассмот-

¹Апелляционное постановление Московского городского суда от 09 апреля 2026 г. по делу № 10-7355/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

рения ходатайства об избрании меры пресечения и обеспечения права подозреваемого (обвиняемого) на защиту, т. е. есть именно тех аспектов производства, которые в равной степени значимы как при рассмотрении дела по существу, так и при разрешении вопроса о мере пресечения.

В отличие от оснований, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 389.16 УПК РФ, применение которых к промежуточным решениям требует расширительного толкования и порождает проблему стандартизированного подхода, основание, закрепленное ст. 389.17 УПК РФ, изначально сформулировано через категорию нарушения прав участников судопроизводства и несоблюдения процедуры, а потому не нуждается в адаптации при обжаловании промежуточных решений.

3. Неправильное применение уголовного закона (ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ).

Данное основание раскрывается как нарушение норм Общей части УК РФ, применение не той статьи, части статьи или пункта Особенной части УК РФ, а также назначение наказания, не соответствующего санкции определенной статьи. Данное основание апелляционного обжалования связано с категорией несправедливости, которая выражается в чрезмерной суровости либо в чрезмерной мягкости наказания. В то же время указанное основание также трактуется достаточно широко. Как справедливо отмечает Г.Я. Борисевич, существенное нарушение уголовного закона означает неправильное его применение, а также несправедливость наказания. Именно так сформулированы основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке – неправильное применение уголовного закона и несправедливость приговора (ст. 389.18)¹. К существенным (фундаментальным) нарушениям уголовного закона относят наиболее грубые ошибки его применения².

Приговор признается правосудным, если он основан на правильном применении уголовного закона. Следовательно, любое неправильное применение

¹ Борисевич Г. Я. О существенных, неустраняемых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам // Вестник Пермского ун-та. Юрид. науки. 2013. № 2 (20). С. 206.

² Воскобитова Л.А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции // Lex Russica. 2012. № 5. С. 988.

уголовного закона является существенным нарушением уголовно-процессуального закона¹. Полагаем, что при рассмотрении данного основания апелляционного обжалования речь идет о проверке итоговых судебных решений (что подтверждается судебной практикой)², неправильное применение уголовного закона как основания обжалования применительно к промежуточным решениям затруднительно.

Вместе с тем частичная, производная связь все же существует. Например, в силу ч. 1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу применяется по общему правилу только в отношении лица, обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, т. е. категория (тяжесть) преступления, определяемая ст. 15 УК РФ, имеет значение для законности избрания данной меры пресечения. Ошибочная квалификация деяния следователем на данной стадии в принципе способна повлиять на законность применения меры пресечения, однако это производное, а не самостоятельное значение основания, ориентированного по своей сути на приговор.

Таким образом, основание «неправильное применение уголовного закона» подтверждает общую закономерность, выявленную применительно к предыдущим апелляционным основаниям: оно исторически и содержательно сконструировано законодателем для проверки итогового решения, разрешающего вопрос об уголовно-правовой квалификации содеянного и назначенном наказании, а его распространение на промежуточные решения возможно лишь в ограниченном виде. При этом даже в этом случае суд апелляционной инстанции не оценивает правильность применения уголовного закона как таковую (то есть верность квалификации по существу), а лишь проверяет, относится ли вменяемое деяние к

¹ Панокин А.М. Конкуренция уголовно-процессуальных норм, регулирующих основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке // Вестник ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 111.

² См.: Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 20 мая 2026 г. по делу № 55-257/2026; Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 июня 2026 г. по делу № 10-10886/2026; Апелляционное постановление Псковского областного суда от 25 марта 2026 г. по делу № 22-173/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

категории преступлений, допускающей избрание данной меры пресечения, что представляет собой процессуальную, а не материально-правовую проверку. Следовательно, наряду с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела, неправильное применение уголовного закона может быть отнесено к числу оснований, лишь опосредованно значимых для обжалования решений о мере пресечения, однако в основном оно применяется в отношении обжалования приговоров.

4. Несправедливость приговора (ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ).

Данное основание связано с индивидуализацией назначенного наказания и его соразмерностью содеянному и личности осужденного, относится исключительно к обжалованию итоговых решений. При этом не назначаются при апелляционном обжаловании промежуточных решений, в том числе и постановления об избрании меры пресечения наказания; категория «несправедливость» к ним не применяется, а потому данное основание не может использоваться при обжаловании указанных решений.

5. Выявление обстоятельств, указанных в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ.

Данное основание связано с обстоятельствами, влекущими возвращение уголовного дела прокурору на стадии подготовки к судебному разбирательству либо в его ходе и представляет собой не самостоятельное основание, а частный случай существенного нарушения уголовно-процессуального закона либо несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела¹. К обжалованию промежуточных решений данное основание отношения не имеет.

6. Выявление данных о несоблюдении лицом условий и невыполнении обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Основание применимо исключительно к приговору, постановленному в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), фактически образует частный случай несоответствия выводов

¹ Панокин А.М. Основания для отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Право. 2021. Т. 12, вып. 1. С. 65.

суда фактическим обстоятельствам дела. К обжалованию промежуточных решений указанное основание апелляционного обжалования неприменимо.

Следовательно, из шести оснований апелляционного обжалования применительно к обжалованию процессуальных действий (бездействия), решений в досудебном производстве практическое, содержательно наполненное значение имеет лишь одно – существенное нарушение уголовно-процессуального закона. При этом частично, в ограниченном значении может применяться основание, предусмотренное ст. 389.16 УПК РФ (в его расширительном толковании, применяемом судебной практикой к проверке обоснованности подозрения и рисков, а не доказанности вины) и основание, предусмотренное ч. 1 ст. 389.18 УПК РФ (в части оценки тяжести преступления, влияющей на допустимость избрания меры пресечения).

Стандартизированный подход к установлению оснований апелляционного обжалования свидетельствуют о том, что даже внутри единой конструкции законодатель сам допускает дифференциацию оснований в зависимости от вида проверяемого приговора. Так, в ст. 389.25 УПК РФ применительно к приговорам, постановленным на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, закреплён ограниченный специальный перечень оснований, при наличии которых может быть изменён оправдательный приговор¹. Данное решение законодателя оценивается в литературе неоднозначно и подвергается критике за несистемность и создание разной юридической квалификации одних и тех же нарушений применительно к обвинительным и оправдательным приговорам².

Когда уголовно-процессуальный закон не позволяет суду апелляционной инстанции отграничить одно основание от другого и правильно определить необходимую процедуру проверки, такие основания не образуют единой системы³.

¹ Трухин С.А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 224.

² Ветошенкова А.А. Особенности определения судебных решений, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. 2023. Вып. 11. С. 53.

³ Панокин А.М. Конкуренция уголовно-процессуальных норм, регулирующих основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке. С. 109.

В связи с этим ряд авторов считают обоснованной идею о дополнении УПК РФ отдельными статьями – об основаниях отмены или изменения решений, принятых в ходе досудебного производства по уголовному делу, исходя из того, что единый перечень оснований не отражает специфики промежуточных решений досудебной стадии¹. Более того, большинство опрошенных практических работников, а именно 110 человек (75,3%) из 146, полагают, что общие основания апелляционного обжалования судебных решений в полной мере неприменимы к обжалованию решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, для данной категории решений необходимы специальные основания обжалования².

Это дополнительно подтверждает необходимость выделения в уголовно-процессуальном законе самостоятельного перечня оснований апелляционного обжалования промежуточных решений: до тех пор, пока такой перечень отсутствует, суды апелляционной инстанции вынуждены либо отказывать в проверке обоснованных доводов жалобы, либо восполнять пробел расширительным толкованием оснований, изначально рассчитанных на приговор.

Изложенное позволяет сформулировать понятие стандартизированного подхода к установлению оснований апелляционного обжалования. Под ним понимаются исторически сложившийся способ правового регулирования, при котором единый, унифицированный перечень критериев проверки (законность, обоснованность, мотивированность и применительно к приговору справедливость) и единый перечень из шести оснований отмены или изменения судебного решения (ст. 389.15–389.18 УПК РФ), содержательно ориентированных на проверку итогового решения, разрешающего вопрос о виновности лица, применении уголовного закона и назначении наказания. Они распространяются законодателем без специальных изъятий на все объекты апелляционной проверки, включая

¹ Муратова Н.Г., Ишмуратов А.Р. Основания и мотивы принятия апелляционных судебных решений по уголовным делам Информационный бюллетень. 2012. № 12. С.35.

² Приложение 3.

промежуточные решения, которые по своей правовой природе не разрешают вопроса о виновности и разрешать не могут. Ключевая содержательная проблема такого подхода состоит в том, что предметом оценки при проверке приговора выступает достаточность доказательств, положенных в основу вывода о виновности; тождество процессуальной формы апелляционного пересмотра (гл. 45.1 УПК РФ) не означает и не должно означать тождества содержательных критериев проверки.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные выводы.

1. Из шести оснований апелляционного обжалования содержательно применимым к обжалованию промежуточных решений в досудебном производстве является практически только одно – существенное нарушение уголовно-процессуального закона (п. 2 ч. 1 ст. 389.15, ст. 389.17 УПК РФ); основание, связанное с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела (ст. 389.16 УПК РФ), и основание, связанное с неправильным применением уголовного закона (ст. 389.18 УПК РФ), применимы лишь в ограниченном, производном значении, тогда как остальные основания относятся исключительно к обжалованию итоговых решений.

2. Стандартизированный подход к установлению оснований апелляционного обжалования, закрепленный в ст. 389.15–389.18 УПК РФ, исторически сформирован применительно к проверке приговора и предполагает оценку достаточности доказательств, положенных судом первой инстанции в основу вывода о виновности лица. Данный подход не может быть механически распространен на апелляционное обжалование промежуточных решений в досудебном производстве, в том числе и в отношении постановления об избрании меры пресечения, поскольку вопрос о виновности лица при избрании такой меры не разрешается вовсе, а основания ее применения (ст. 97, 99 УПК РФ) носят вероятностный, рискованный, а не доказательно-обвинительный характер.

3.2. Основания обжалования судебных решений о заключении под стражу, постановленных в досудебном производстве

Меры пресечения в уголовном судопроизводстве, направленные на пресечение и предупреждение попыток обвиняемого (подозреваемого) избежать привлечения к уголовной ответственности, призваны обеспечить эффективность предварительного расследования и судебного разбирательства и вынесение правомерного решения по уголовному делу¹. Эти меры применяются для того, чтобы гарантировать явку к следователю (дознавателю) и в суд, предотвратить вмешательство в ходе предварительного расследования, сохранить доказательства и обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства.

Меры пресечения связаны с физическим и (или) психическим воздействием и влекут за собой ограничения конституционных и иных прав и свобод граждан. Особую значимость в ограничении прав и свобод обвиняемых (подозреваемых) представляют меры пресечения, избираемые в судебном порядке.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, заключение под стражу является самой часто избираемой в судебном порядке мерой пресечения, так, например, в 2024 г. из 107 180 ходатайств, поступивших в суды общей юрисдикции, об избрании меры пресечения – 93 753 об избрании заключения под стражу, что составляет большую часть (87,5%) ходатайств. Отметим, что процент удовлетворенности таких ходатайств составляет 88% (82 514 ходатайства)². При этом в рассматриваемый отчетный период в суды апелляционной инстанции было рассмотрено 34 302 жалобы на постановление

¹ Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. С. 24.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 год / Официальный сайт Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых отменено 819 (2,4 %) постановлений, изменено 1 964 (5,7 %)¹.

Совокупная доля отмененных и измененных постановлений об избрании заключения под стражу (8,1 %) свидетельствует о том, что проблема качества обоснования судебных решений о данной мере пресечения носит не эпизодический, а системный характер. Как показывает проведенный анализ конкретных апелляционных постановлений, значительная часть отмен и изменений связана не со случайными ошибками отдельных судей, а с объективной сложностью применения к постановлению об избрании заключения под стражу тех критериев проверки, которые исторически сформировались применительно к пересмотру приговора.

Проведенный в предыдущем параграфе анализ стандартизированного подхода законодателя к основаниям апелляционного обжалования судебных решений позволяет сформулировать вывод: применение унифицированных, рассчитанных на итоговое разрешение уголовного дела по существу оснований апелляционного обжалования (ст. 389.15 УПК РФ) к постановлениям об избрании заключения под стражу в ряде случаев затруднительно либо не рассчитано на обжалование указанных постановлений. Полагаем, что оно должно быть заменено самостоятельной, индивидуализированной системой оснований, учитывающей специфическую правовую природу указанного судебного решения.

Отказ законодателя от дифференциации оснований обжалования решений, принимаемых в условиях предварительного расследования на основе вероятностных суждений, и решений, завершающих судебное разбирательство на основе доказанных фактов, не только создает теоретическую непоследовательность, но и объективно снижает эффективность реализации адвокатом права обвиняемого на защиту, гарантированного ст. 48 Конституции РФ.

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 2024 год / Официальный сайт Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

Как справедливо указывала П.А. Лупинская, основание судебного решения складывается из двух элементов: фактического (установленные и оцененные доказательства) и правового (нормы уголовного и уголовно-процессуального закона), причем соотношение этих элементов обуславливает и законность, и обоснованность решения¹. При этом данное положение применительно к постановлению об избрании заключения под стражу затруднительно, так как фактический элемент здесь образован не доказательствами виновности, а данными вероятностного характера – сведениями, обосновывающими предположение о том, что обвиняемый скроется от следствия и суда, продолжит преступную деятельность либо иным образом воспрепятствует производству по делу (ст. 97 УПК РФ). Обоснованность и мотивированность избрания заключения под стражу состоит в наличии указания на обстоятельства, послужившие фактическими основаниями его избрания, логическую связь и взаимообусловленность всех частей постановления².

Мера пресечения в виде заключения под стражу применяется по судебному решению лишь при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), что само по себе указывает на исключительный характер³. Это объясняется регламентацией в тексте закона дополнительных обстоятельств, установление которых обязательно для возможности удовлетворения судом ходатайства следователя (дознателя)⁴.

Различие между постановлением об избрании заключения под стражу и приговором носит не количественный, а качественный характер и проявляется по меньшей мере в трех важных аспектах.

¹ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2010. С. 73.

² Андроник Н.А. Некоторые аспекты применения меры пресечения в виде заключения под стражу на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2015. № 4 (42). С. 120.

³ Шатов Н.А. Обстоятельства, необходимые для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2026. № 1 (49). С. 189.

⁴ Шатов Н.А. Стельмах В.Ю. Исключительность меры пресечения в виде заключения под стражу // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Орёл: Орловский юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова, 2025. С. 349.

Во-первых, различна фактическая основа решений. Если приговор основывается на доказательствах, всесторонне исследованных в судебном заседании и подтверждающих виновность лица (ст. 88 УПК РФ), то постановление о заключении под стражу строится на данных, которые в момент принятия решения объективно не могут достигнуть такой степени достоверности. В данном случае речь идет о предположительной оценке риска ненадлежащего поведения обвиняемого. Кроме того, на стадии предварительного расследования (в отличие от предварительного слушания и судебного разбирательства по первой инстанции) зачастую дается оценка сведений, не имеющих процессуального статуса доказательств (справки, характеристики, оперативные данные).

Во-вторых, различна процессуальная форма судебного заседания. Порядок, установленный ст. 108 УПК РФ, принципиально отличается от процедуры предварительного слушания (гл. 34 УПК РФ) и тем более от процедуры судебного разбирательства (гл. 35–39 УПК РФ), что предопределяет иной объем полномочий защитника по представлению и опровержению сведений.

В-третьих, различны стандарты доказывания. Если для обоснования постановления о заключении под стражу законодатель ограничивается формулировкой «достаточно данных полагать» (ст. 97 УПК РФ) и преследует превентивную, обеспечительную цель, то приговор подчинен более высоким требованиям доказанности, направленным на разрешение вопроса о виновности и наказании лица. Термин «достаточность» при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу определяется субъективно, по внутреннему убеждению, поэтому именно данный фактор обуславливает различную и противоречивую практику избрания мер пресечения в связи с тем, что необходимо будет делать предположения не о том, что имеет место в реальности, а о том, что может случиться или не случиться¹.

Изложенное позволяет утверждать, что связанная с обоснованностью и мотивированностью законодательная конструкция оснований для апелляционного

¹ Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 44.

обжалования, применяемых в отношении всех судебных решений (итоговых и промежуточных), представляется нецелесообразной. Такая модель обжалования порождает риск формального подхода к проверке обоснованности постановления, когда суд апелляционной инстанции требует «доказательств» там, где по природе досудебного производства их в принципе быть не может, и одновременно риск игнорирования специфики целей меры пресечения – предупреждения, а не наказания. Данное противоречие является частным случаем излишней стандартизированности апелляционного обжалования.

Как обоснованно отмечает А.Б. Диваев, буквальное («несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре...») толкование положений ст. 389.15 и заголовок ст. 389.16 УПК РФ указывает на то, что каждое из перечисленных в них оснований по своей грамматической конструкции рассчитано исключительно на приговор и, ввиду императивного характера уголовно-процессуального закона не может без «косметических корректировок» распространяться на иные виды судебных решений, включая постановления, принимаемые по вопросам исполнения приговора, а тем более на постановления о мере пресечения¹. Законодатель, конструируя единый перечень оснований апелляционного пересмотра, фактически ориентировался на модель итогового судебного решения, оставив без внимания специфику промежуточных решений об избрании меры пресечения.

Считаем необходимым для дальнейшего анализа апелляционных оснований для отмены или изменения постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обратиться к судебной практике. Анализ судебных актов позволяет установить, какие основания фактически используются судом апелляционной инстанции при отмене или изменении постановлений об избрании заключения под стражу, и оценить, насколько эти основания соотносятся с конструкцией ст. 389.15–389.18 УПК РФ.

¹ Диваев А.Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1 (46). С. 139.

Первая группа апелляционных постановлений, которые мы рассмотрим, отменены в связи с «несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам». Однако такого основания в данной формулировке нет в уголовно-процессуальном законе, в ст. 389.16 УПК РФ речь идет о несоответствии выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Защитники в своих апелляционных жалобах указывают, что выводы суда о риске (ст. 97 УПК РФ) не подтверждены¹ либо опровергаются материалами дела о личности обвиняемого. Причиной отмен в таких случаях служит тот факт, что суды первой инстанции при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не учли наличие семьи, детей, факт явки с повинной, положительные характеристики подозреваемого, обвиняемого².

К случаям несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам в качестве основания для обжалования следует отнести ситуации, когда у обвиняемого есть постоянное место жительства, однако суд в решении указывает обратное (речь идет о прямой фактической ошибке). Например, основанием отмены меры пресечения в виде заключения под стражу на запрет определенных действий: вывод суда первой инстанции об отсутствии у Б. места жительства является ошибочным, исключительных обстоятельств для избрания заключения под стражу в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления средней тяжести не имеется³.

Интересным представляется тот факт, что в решении суда апелляционной инстанции нет прямой ссылки на конкретные основания отмены или изменения решения, на конкретную статью УПК РФ, применяемую в данном случае. Суды

¹ См.: Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 06 августа 2026 г. по делу № 22К-739/2026 // Архив Воронежского областного суда; Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 июля 2026 г. по делу № 10-16219/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 11 сентября 2025 г. по делу № 22К-1830/2025. URL: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

³ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 23 октября 2025 г. по делу № 22к-7402/2025. URL: <https://kraevoy.krk.sudrf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

в целях обоснования отмены или изменения в апелляционном порядке постановлений об избрании меры пресечения ссылаются либо на ст. ст. 97, 99, 108 УПК РФ¹, либо на несоответствие постановлений требованиям ст. 7 УПК РФ, которые должны быть законными, обоснованными и мотивированными².

При этом под законностью ареста следует понимать соблюдение всех норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок применения указанной меры пресечения и продления срока её действия, а под обоснованностью – наличие в представленных материалах сведений, в том числе о личности содержащегося под стражей, которые подтверждают необходимость применения заключения под стражу в качестве меры пресечения или продления ее срока³.

Отметим верный подход судов, которые в своем решении дают пояснения фактическим данным, которые выступают в качестве обоснования предположения о возможных рисках. Так, Краснодарский краевой суд, отменяя постановление об избрании заключения под стражу, указывает, что в качестве обоснования самой строгой меры пресечения могут служить следующие обстоятельства: о том, что лицо может скрыться – тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, нарушение лицом ранее избранной меры пресечения; о том, что лицо может скрыться за границей – подтвержденные факты продажи принадлежащего ему на праве собственности имущества, наличия за рубежом источника дохода, наличия гражданства иностранного государства, отсутствия у такого лица постоянного места жительства, работы, семьи; о том, что лицо может продолжать заниматься преступной деятельностью – наличием у лица судимости; о том, что обвиняемый,

¹ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 02 марта 2026 г. по делу № 22к-1408/2026. URL: <https://kraevoi.krk.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 03 сентября 2025 г. по делу № 22-6062/2025. URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

³ Логунов О.В., Кутуев Э.К., Шувалова М.А. Обеспечение прав, свобод и законных интересов обвиняемого при применении мер пресечения. СПб.: ИПЦ Измайловский, 2024. С. 123.

подозреваемый может угрожать свидетелю, уничтожить доказательства – наличие угроз со стороны обвиняемого, подозреваемого, его родственников, предложение выгод материального и нематериального характера с целью фальсификации доказательств по делу¹.

Вместе с тем, вопреки указанным требованиям закона, суд формально мотивировал свое решение, перечислив лишь обстоятельства, указанные в ст. 97 УПК РФ. Следовательно, вывод суда не соответствовал фактическим обстоятельствам уголовного дела, так как решение суда первой инстанции было основано лишь на предположениях следователя и суда, конкретные фактические данные, подтверждающие обоснованность избранной меры пресечения, судом не указаны².

Следующая группа апелляционных постановлений, которые являются основаниями для отмены или изменения решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу – существенное нарушение уголовно-процессуального закона (ст. 389.17 УПК РФ). Данное основание – единственная категория, которая может быть использована в отношении мер пресечения напрямую. В данном случае основанием выступает не оценка фактов, а нарушение процедуры доказывания или обязательных процессуальных требований.

Обратимся к судебной практике. Под существенным нарушением уголовно-процессуального закона следует понимать любое его нарушение, например, принимая решение о необходимости избрания в отношении Б. меры пресечения в виде заключения под стражу, объявления розыска подсудимого, суд первой инстанции не исследовал материалы уголовного дела, данные о личности подсудимого, в связи с чем выводы сделал, основываясь на материалах, не исследованных в судебном заседании³. Судебное решение, вынесенное в подобном

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 сентября 2025 г. по делу № 22-6794/2025. URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

² Там же.

³ Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 18 октября 2024 г. по делу № 22К-1925/2024. URL: <https://oblsud.tmb.sudrf.ru>. (дата обращения: 12.09.2026).

случае, признается не отвечающим требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, вынесенным без достаточного учета положений ст. ст. 97, 99 УПК РФ.

В качестве существенных нарушений уголовно-процессуального закона могут служить случаи, когда суд первой инстанции в постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу «уклонился от разрешения» вопроса о более мягкой мере¹, нарушив положения п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41², либо в случае неявки обвиняемого на следственные действия и объявления лица в розыск без исследования должным образом причин неявки, попытки лица скрыться от органов следствия, отсутствие факта надлежащего уведомления о необходимости явки, действий следствия по установлению местонахождения лица до объявления розыска³.

При этом в указанных случаях ни стороны, ни суд апелляционной инстанции в качестве основания для обжалования меры пресечения в виде заключения под стражу не ссылаются напрямую на ст. 389.17 УПК РФ, хотя в обосновании отмены постановления пишут: «допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона». Случаи прямой ссылки на указанную статью очень редки⁴. Полагаем, что ст. 389.17 УПК РФ содержит единственное основание из общего перечня, которое переносится без адаптации, поскольку по своей природе оно универсально: нарушение процедуры не зависит от вида решения.

Еще одну группу оснований для апелляционного обжалования постановлений об избрании меры пресечения составляет «неправильное применение закона», при этом речь идет не об уголовном законе в смысле ст. ст. 389.18 УПК

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 03 сентября 2025 г. по делу № 22-6062/2025. URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 12.09.2026).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

³ Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 22 мая 2025 по делу № 22-921/2025. URL: <https://oblsud.tmb.sudrf.ru>. (дата обращения: 12.09.2026).

⁴ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 29 мая 2025 г. по делу № 22К-1151/2025. URL: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

РФ, а о нормах, регулирующих само условие допустимости заключения под стражу (ч. 1, 1.1 ст. 108 УПК РФ).

В ст. 389.18 УПК РФ говорится о неправильном применении уголовного закона (квалификация, наказание), но в делах о мере пресечения ошибка носит иной характер, суды неверно применяют процессуальные условия допустимости применения заключения под стражу.

В судебной практике встречаются случаи, когда мера пресечения в виде заключения под стражу была избрана судом первой инстанции в отношении обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления средней тяжести, не связанного с насилием, при этом в уголовном деле не установлено ни одного исключительного обстоятельства, предусмотренного в п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ¹. Кроме того, бывают случаи, когда ошибка суда первой инстанции, указывающего категорию преступления «особо тяжкое» вместо «тяжкое», меняет применимый режим ч. 1 ст. 108 УПК РФ². Отметим, что в таких случаях указанную группу оснований можно формально отнести к ст. 389.18 УПК РФ («неправильное применение закона»), но даже так общая норма не подходит без переформулирования основания обжалования.

В судебной практике имеют место и случаи, когда в качестве основания для апелляционного обжалования выступает несоразмерность избранной меры пресечения риску для уголовного судопроизводства. Суды в своих решениях не ссылаются на «несправедливость» (эта категория по определению относится к наказанию по приговору), однако даже когда основания ст. 97 УПК РФ формально установлены, мера пресечения избыточна относительно доказанного риска, в связи с чем суд обязан обсудить более мягкую альтернативу.

Например, Красноярский краевой суд в постановлении сослался на несооразмерность применений меры пресечения в качестве основания отмены реше-

¹ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 11 февраля 2026 г. по делу № 22К-363/2026. URL: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

² Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 26 сентября 2025 г. по делу № 22К-6720/2025. URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

ния суда первой инстанции, указав, что «нарушений требований уголовно-процессуального закона, влекущих отмену судебного постановления... не установлено», однако «каких-либо убедительных мотивов, из которых бы следовало, что интересы уголовного судопроизводства не могут быть обеспечены путем избрания в отношении Б. иной меры пресечения, кроме как содержание под стражей, в судебном решении не приведено»¹.

В подобных случаях суд должен специально констатировать, что речь идет не о существенных нарушениях уголовно-процессуального закон. Несмотря на это, суд не обосновал, почему риск не может быть компенсирован более мягкой мерой: «...суд апелляционной инстанции, не соглашаясь с содержащимися в судебном решении выводами об отсутствии оснований для избрания более мягкой меры пресечения, считает, что достижение целей, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и задач судопроизводства возможно путём применения в отношении Т. меры пресечения в виде домашнего ареста»². Отметим, что в рассматриваемом случае проблема заключается именно в *соразмерности* избранной меры пресечения и обоснованности существующего риска.

Приведем другой пример, где основанием для отмены постановления о заключении под стражу послужило отсутствие мотивированного вывода о невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения. По делу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд апелляционной инстанции констатировал, что суд первой инстанции, правильно установив наличие предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, тем не менее «не привел убедительных доводов о невозможности применения к последнему иных, более мягких мер пресечения, в том числе и залога», не дал оценки совокупности сведений о личности подозреваемого (отсутствие судимости, постоянная регистрация). Суд апелляционной инстанции прямо указал, что «сама по себе тяжесть преступле-

¹ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 23 апреля 2026 г. по делу № 22к-2574/2026. URL: <https://kraevoi.krk.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

² Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области от 26 декабря 2025 г. по делу № 22-563/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

ния... не может являться основанием для безусловного избрания... меры пресечения в виде заключения под стражу», и изменил меру пресечения на залог в размере 1 000 000 рублей¹. Отметим, что соразмерность избранной меры пресечения неразрывно связана с личностными характеристиками гражданина, в отношении которого выносится такое решение, т. е. носит личностный характер².

Обобщение изученных апелляционных постановлений позволяет установить совокупность фактических оснований, используемых судами апелляционной инстанции для отмены или изменения постановлений об избрании заключения под стражу: 1) формальная ссылка на основания ст. 97 УПК РФ без указания подтверждающих их конкретных данных; 2) ограничение мотивировки исключительно тяжестью инкриминируемого деяния без учета данных о личности, предусмотренных ст. 99 УПК РФ; 3) отсутствие мотивированного вывода о невозможности применения более мягкой меры пресечения; 4) использование непроверенных в судебном заседании сведений, в том числе результатов оперативно-розыскной деятельности, в нарушение требований ст. 89 УПК РФ; 5) неучет данных, представленных стороной защиты и объективно снижающих вероятность риска, предусмотренного ст. 97 УПК РФ.

Ни одно из этих оснований не совпадает буквально с формулировками ст. 389.15–389.18 УПК РФ («несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам», «нарушение уголовно-процессуального закона» и т.д.), их содержательное наполнение суд апелляционной инстанции восполняет за счет норм ст. 97, 99, 108 УПК РФ и Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41, что свидетельствует о фактически сложившейся, но нормативно не закреплённой потребности в самостоятельной системе оснований обжалования решений о мере пресечения.

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 19 мая 2026 г. по делу № 22-3701/2026. URL: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

² Яшков С.А. О практике избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 111-7. С. 223.

По мнению А. Б. Судницына и Д. А. Воронова, основаниями для избрания и применения мер пресечения могут быть лишь обстоятельства, связанные с возможностью возникновения в будущем тех или иных явлений, вероятность которых подлежит оценке¹.

Для теоретического обоснования такой системы необходимо разграничить понятия риска и предположения, что имеет решающее значение для оценки законности постановления о заключении под стражу. В.В. Рудич справедливо отмечает, что основания для избрания мер пресечения представляют собой особый предмет доказывания «процессуальное знание», достоверность которого обеспечивается не абсолютной доказанностью факта, а соблюдением установленной законом процедуры его установления². Обоснование избрания каждого конкретного запрета должно быть мотивировано, при этом суд должен сопоставить степень риска и предупредительные возможности каждой меры пресечения³, при этом вероятностный характер оценки дальнейшего поведения обвиняемого (подозреваемого) обуславливает неоднородность практики применения мер пресечения⁴.

Иными словами, риск, о котором говорит ст. 97 УПК РФ, – это не произвольное предположение следователя или суда, а обоснованное прогностическое суждение, которое должно опираться на конкретные, поддающиеся проверке фактические данные (сведения о прежних попытках скрыться, о связях с соучастниками, об отсутствии постоянного места жительства, о совершении новых правонарушений в период предварительного расследования и т.п.). Как справедливо отмечает О.В. Гладышева, определенные риски заложены в уголовно-процессу-

¹ Судницын А.Б., Воронов Д.А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учеб. пособие. Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД РФ, 2020. С. 25.

² Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 137–138.

³ Бурмагин С.В. Как обосновать переход на альтернативную меру пресечения, когда следователь ходатайствует о заключении под стражу // Уголовный процесс. 2018. № 10. С. 68.

⁴ Вастьянова О.Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 59.

альном законе, они связаны с реализацией законодательства и главной проблемой отсутствием теоретической разработанности определения, сущностных признаков¹.

Верным представляется утверждение Н.А. Андроник о том, что предположение формируется на основе собранных по делу сведений, полученных из материалов оперативно-розыскной деятельности². При этом запрещается обосновывать решение сведениями, не проверенными в ходе судебного заседания, особенно обращается внимание на результаты оперативно-розыскной деятельности, не соответствующие требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам.

В связи с этим, считаем, что произвольное предположение, не подкрепленное такими данными и основанное исключительно на квалификации содеянного или тяжести обвинения, не образует законного основания для ограничения свободы, что прямо подтверждается изученной апелляционной практикой, последовательно отменяющей постановления, где тяжесть преступления фигурирует в качестве единственного или доминирующего довода. Все чаще в доктрине можно встретить суждение о том, что законодателю следует конкретизировать требования к доказыванию рисков, возлагаемых на сторону обвинения при избрании заключения под стражу³.

Данный вывод согласуется и с подходом к обоснованности подозрения как самостоятельному условию законности заключения под стражу. Как указывает Е.Г. Шадрина, для целей применения меры пресечения суду необходимо исследовать не только «вопрос права» (наличие формальных оснований), но и «вопрос

¹ Гладышева О.В. Риски в уголовном судопроизводстве, формат их проявления и пути преодоления // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юрид. наук, профессора З.З. Зинатуллина и основателя школы криминалистики, д-ра юрид. наук, проф. Марата Константиновича Каминского. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2026. С.13.

² Андроник Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 84.

³ Замуруева Е.Ю. Основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу: эволюция правовых подходов и современные тенденции судебной практики // Криминологический журнал. 2026. № 2. С. 55.

факта», а именно: наличие достаточных данных, подтверждающих обоснованность подозрения или обвинения¹.

Судья обязан проверить, содержат ли ходатайство и приложенные материалы конкретные сведения, указывающие на причастность именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении². Однако, как отмечают А.П. Попов и Р.Ю. Питько, определение причастности лица к совершенному деянию возможно с помощью доказательств, собранных и зафиксированных в установленном законом порядке, в связи с чем, авторы считают необходимым закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ положение о том, что подозрение должно подтверждаться собранными доказательствами причастности лица к преступному деянию³.

Считаем, что законное постановление об избрании заключения под стражу должно отвечать двум взаимосвязанным, но отдельным требованиям: 1) обоснованности подозрения (обвинения) в причастности лица к преступлению, устанавливаемой на основании конкретных, поддающихся проверке фактических данных, а не одной лишь квалификации содеянного; 2) обоснованности прогностического вывода о риске, предусмотренном ст. 97 УПК РФ, устанавливаемой на основании фактических данных о личности, поведении и обстоятельствах, перечисленных в ст. 99 УПК РФ. Именно несоблюдение данных требований и составляет действительное содержание тех оснований, по которым суд апелляционной инстанции отменяет или изменяет постановления об избрании заключения под стражу.

¹ Шадрина Е.Г. Дискуссионные вопросы судебного контроля при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2019. № 1. С. 36.

² Мардоян В.С. Апелляционное обжалование защитником меры пресечения в виде заключения под стражу // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. С. 182.

³ Попов А. П., Питько Р. Ю. Обоснованность подозрения как условие избрания мер пресечения в российском уголовном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 2. С. 109.

Важным подтверждением необходимости индивидуализации оснований обжалования служит и проблема пределов усмотрения суда первой инстанции при оценке названных обстоятельств. Р.В. Костенко и Ю.А. Шабунько обоснованно указывают, что судебское усмотрение, не имея легального определения в УПК РФ, должно ограничиваться критериями законности, обоснованности и справедливости, отсутствие же четких законодательных критериев ведет к неоднородности судебной практики и создает риск судебных ошибок¹. Применительно к решению вопроса о мере пресечения широта усмотрения суда первой инстанции особенно велика.

Как верно отмечают Д. И. Островская и М. А. Днепровская, суд находится в сложной ситуации оценки конкретных обстоятельств уголовного дела при избрании меры пресечения². В связи с этим полагаем, что оцениваемые обстоятельства (риск, обоснованность подозрения) носят вероятностный, оценочный характер, а значит, нормативное закрепление специальных, адресованных оснований апелляционного контроля именно этой категории решений приобретает важное значение как необходимое средство ограничения указанного усмотрения объективными критериями и как гарантия единообразия правоприменения.

Отдельного анализа заслуживает вопрос о процессуальных последствиях выявленной стандартизированной для распределения бремени обоснования между сторонами. Общая модель апелляционного пересмотра приговора исходит из развернутого судебного следствия, в рамках которого сторона защиты вправе реализовать весь комплекс полномочий по представлению и опровержению доказательств (гл. 37 УПК РФ), а апелляционная жалоба лишь указывает на конкретные дефекты состоявшейся оценки. Применительно же к постановлению об избрании заключения под стражу, в особенности вынесенному в условиях предварительного расследования, ситуация принципиально иная: судебное заседание, проводимое по правилам ст. 108 УПК РФ, носит краткий, ограниченный

¹ Шабунько Ю.А., Костенко Р.В. Проблемы судебного усмотрения в уголовном процессе // *Европейский журнал права*. 2024. № 54. С. 177.

² Островская Д.И., Днепровская М.А. Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // *Молодежный вестник ИрГТУ*. 2022. Т. 12. № 3. С. 649.

по времени характер, а материалы, которыми располагает суд, формируются, как отмечает В.В. Рудич, преимущественно органом предварительного расследования, что объективно создает для суда зависимость от материалов дела, представленных следствием, в связи с чем возникает предрасположенность к принятию версии обвинения¹. При таких условиях адвокат, обжалующий постановление о заключении под стражу, объективно поставлен в менее выгодное процессуальное положение по сравнению с защитником, обжалующим приговор, поскольку он вынужден опровергать выводы суда первой инстанции.

Изложенное объясняет и то обстоятельство, что в подавляющем большинстве изученных апелляционных постановлений об отмене или изменении заключения под стражу решающую роль сыграли не собственно новые доказательства, а иная оценка судом апелляционной инстанции тех же материалов, которые были представлены суду первой инстанции, например, оценка, основанная на более строгом применении требования о необходимости подтверждения риска, предусмотренного ст. 97 УПК РФ, конкретными фактическими данными. Это подтверждает вывод о том, что действительным предметом апелляционной проверки по данной категории дел выступает не столько правильность установления фактов (как в случае с приговором), сколько достаточность и качество мотивировки вероятностного вывода суда первой инстанции, т.е. иной по своей познавательной природе объект контроля, требующий специального нормативного регулирования.

Сложившаяся практика апелляционного пересмотра решений о заключении под стражу объективно опирается на систему оснований, которая по своему содержанию отличается от оснований, предусмотренных ст. 389.15 УПК РФ для приговора, однако данная система существует лишь на уровне правоприменительного усмотрения, восполняющего пробел закона за счет материальных норм ст. 97, 99, 108 УПК РФ. Изложенное обосновывает необходимость нормативного

¹ Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 112.

закрепления самостоятельных оснований апелляционного обжалования постановлений об избрании, продлении и изменении меры пресечения в виде заключения под стражу. Полагаем целесообразным дополнить УПК РФ статьей 389.15.1 следующего содержания:

«Статья 389.15.1. Основания отмены или изменения в апелляционном порядке судебного решения об избрании, продлении срока действия либо изменении меры пресечения

Основаниями отмены или изменения судом апелляционной инстанции судебного решения об избрании, продлении срока действия либо изменении меры пресечения являются:

1) несоответствие выводов суда о наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, фактическим данным, указывающим на причастность лица к преступлению либо на реальную возможность наступления предусмотренных ею последствий;

2) неучет обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса либо представленных в судебном заседании участниками стороны защиты или обвинения фактических данных, подтверждающих или опровергающих основания для избрания меры пресечения, предусмотренных частью 1 статьи 97 настоящего Кодекса;

3) выводы суда, основанные на сведениях, не исследованных в судебном заседании, в том числе на результатах оперативно-розыскной деятельности, представленных с нарушением статьи 89 настоящего Кодекса;

4) несоразмерность избранной меры пресечения установленным основаниям и целям, предусмотренным статьей 97 настоящего Кодекса, в том числе в случае отсутствия обоснования невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения»¹.

¹ Приложение 1.

Полагаем, что каждое из предложенных оснований непосредственно соответствует сложившейся судебной практике апелляционного пересмотра постановлений об избрании заключения под стражу.

Предлагаемая система оснований нуждается в согласовании с более широким кругом промежуточных судебных решений, ограничивающих право на свободу, домашним арестом и залогом, которые в силу ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ также подлежат самостоятельному апелляционному обжалованию. Поскольку правовая природа домашнего ареста и залога также предполагает вероятностную оценку риска ненадлежащего поведения обвиняемого, а не исследование доказательств виновности, предложенные в ст. 389.15.1 УПК РФ основания (в части, касающейся обоснованности подозрения и обоснованности вывода о риске) подлежат распространению и на данные меры пресечения с сохранением специфики, обусловленной различием в степени ограничения свободы: применительно к домашнему аресту и запрету определенных действий сохраняет значение и дополнительное основание – отсутствие мотивированного обоснования соразмерности избранного судом объема запретов и ограничений целям, предусмотренным ст. 97 УПК РФ.

Проведенный анализ позволяет сформулировать основные выводы.

1. Постановление об избрании, продлении или изменении меры пресечения в виде заключения под стражу представляет собой судебное решение, качественно отличное от приговора по фактической основе (вероятностные данные о риске), процессуальной форме и стандарту доказывания («достаточные данные полагать»). Применение к нему тех же оснований апелляционного обжалования, что и к приговору (ст. 389.15 УПК РФ) – проявление излишней стандартизированности законодательного регулирования, отрицательно влияющее на эффективность апелляционного обжалования и, соответственно, на реализацию адвокатом права обвиняемого на защиту.

2. Разграничение категорий обоснованного риска и произвольного предположения имеет решающее значение для оценки законности постановления о за-

ключении под стражу: риск, предусмотренный ст. 97 УПК РФ, приобретает правовое значение лишь тогда, когда он подтвержден конкретными, поддающимися проверке фактическими данными о личности и поведении обвиняемого, а не выводится из одной лишь тяжести или квалификации содеянного, что подтверждается изученной апелляционной практикой и доктринальными позициями об обоснованности подозрения как самостоятельном условии законности заключения под стражу.

3. Преодоление выявленной стандартизированнойности требует нормативного закрепления самостоятельных оснований апелляционного обжалования постановлений о заключении под стражу (предложенная ст. 389.15.1 УПК РФ), а также расширения процессуальных возможностей защитника по представлению суду первой и апелляционной инстанций сведений о личности и обстоятельствах, снижающих обоснованность риска ненадлежащего поведения обвиняемого, независимо от процессуального статуса таких сведений как доказательств в смысле ст. 74 УПК РФ.

3.3. Обжалование решений о заключении под стражу в отношении обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономической деятельности: теоретические и правоприменительные проблемы

В современном уголовном судопроизводстве направление на гуманизацию правоприменительной практики и защиту прав субъектов предпринимательства приобретает особую актуальность. Применение мер пресечения в отношении предпринимателей занимает важное место в этом контексте, поскольку неверное или чрезмерно суровое применение мер пресечения может негативно сказаться на бизнесе, экономической стабильности и национальной безопасности государства.

Применение мер пресечения, в том числе заключение под стражу, имеет сложную природу и определяется необходимостью баланса частных и публичных интересов. Как верно определяет профессор А.А. Тарасов, такой баланс

предполагает равную защиту всех социально значимых интересов с пониманием условности их деления на публичные и частные, поскольку объективно обоснованное и временное ограничение одного интереса непременно должно быть сопряжено с повышенной защитой какого-то другого в данный момент¹.

Основная задача применения мер пресечения заключается в обеспечении возможности производства уголовного судопроизводства, предотвращении уклонения от следствия и защиты общественной безопасности. Однако в последние годы наблюдается стремление к либерализации и упрощению подходов к применению таких мер, особенно в отношении предпринимателей. Данную тенденцию в своем исследовании отмечают О.В. Гладышева и В.А. Семенцов².

По мнению Н.В. Григорьевой, общие тенденции и перспективы гуманизации применения мер процессуального принуждения обусловлены необходимостью в улучшении нормативного правового регулирования, включая установление в законодательстве четких требований к реализации отдельных мер принуждения и определение оснований для применения мер принуждения в зависимости от конкретных групп участников процесса и других факторов уголовного дела³.

13 июня 2023 г. в УПК РФ внесены изменения, касающиеся применения мер пресечения в отношении предпринимателей⁴. В частности, уточнена, ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, теперь заключение под стражу не может применяться к предпринимателям, если преступление связано с осуществлением предпринимательской деятельности и если отсутствуют следующие основания: подозреваемый или обвиняемый не имеет места постоянного жительства, им нарушена ранее из-

¹ Тарасов А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1 (79). С. 158.

² Гладышева О.В., Семенцов В. А. Современная уголовно-правовая политика по обеспечению экономической безопасности уголовно-процессуальными средствами // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 2. С. 18.

³ Григорьева Н.В. Заключение под стражу субъекта предпринимательской деятельности при хищении бюджетных средств // Современное право. 2024. № 12. С. 112.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ // Российская газета. 2003. 19 июня.

бранная мера пресечения, он скрылся от органов предварительного расследования или от суда. Особенности применения меры пресечения в отношении индивидуальных предпринимателей свидетельствуют о дополнительных гарантиях защиты прав предпринимателей¹.

В уголовно-процессуальной науке высказывается и противоположное мнение. Так, Л.М. Фетищева считает, что «формальная дифференциация правовых режимов применения мер принуждения» недопустима, но либеральная политика в отношении предпринимателей не оправдана², а А.Д. Жиделев указывает на необходимость «сбалансированного подхода» к данному вопросу³.

Конституционный Суд РФ отмечает, что предпринимательская деятельность является объектом государственной защиты, которая осуществляется лицами, имеющими соответствующий статус и выполняющими обусловленные этим статусом предусмотренные законом или не противоречащие ему экономические функции, направленные на получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг⁴.

Как справедливо отмечает профессор В.А. Семенцов, в отношении предпринимателя, привлекаемого к уголовной ответственности, имеется целый ряд предписаний, гарантирующих соблюдение прав: от понятия преступлений, совершенных индивидуальными предпринимателями и членами органа управле-

¹ Прилепский Е.Т. Некоторые проблемные аспекты ареста имущества лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, не являющихся фигурантами уголовного дела // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. С. 47.

² Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 16.

³ Жиделев А.Д. Меры пресечения при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности: основания и особенности избрания // Мировой судья. 2025. № 9. С. 24.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2024 г. № 231-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хребтова Никиты Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ния коммерческой организации (п. 27.1 и 27.2 ст. 5 УПК РФ) и до запрета заключения под стражу¹. Такой особый режим применения принудительных мер в отношении предпринимателей связан с тем, что лишение свободы не позволяет им эффективно управлять бизнесом, что может привести к убыткам, снижению конкурентоспособности. При этом Е.Т. Прилепский отмечает, что в связи с принятыми поправками в УПК РФ, теперь законодатель обязывает правоприменителя рассматривать возможность выбора иной меры пресечения, кроме заключения под стражу, которая даст предпринимателю возможность заниматься бизнесом². Более того, из 146 опрошенных практических работников 121 человек (82,9%) считает, что деятельность предпринимателя должна учитываться судом при избрании или продлении меры пресечения³.

Новые положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ рассчитаны на закрепление дополнительных гарантий защиты прав предпринимателей, но анализ сложившейся правоприменительной практики указывает на обратное. Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г. судами рассмотрено 150 ходатайств об избрании заключения под стражу в отношении обвиняемых, определенных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, из которых удовлетворено 117 (78%), в отношении 20 (13%) – избран домашний арест, в отношении 6 (4%) – запрет определенных действий⁴. Схожее процентное соотношение сохранилось и в 2025 году, хотя количество ходатайств существенно увеличилось, так, например, за первое полугодие 2025 г. судами рассмотрено 219

¹ Семенцов В.А. Потерпевший из числа предпринимателей, которому есть что терять // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. Ч. 2. С. 86.

² Прилепский Е.Т. Залог как мера пресечения: дискуссионные вопросы применения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. С. 127.

³ Приложение 3.

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 год / Официальный сайт Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

ходатайств об избрании заключения под стражу в отношении обвиняемых, определенных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, из которых 173 – удовлетворено (79%), в отношении в отношении 18 (8%) – избран домашний арест, в отношении 11 (5%) – запрет определенных действий¹. Исходя из приведенных данных, число случаев, в которых применялись альтернативные меры пресечения, такие как домашний арест или запрет определенных действий, остается незначительным. Важно отметить, что высокая доля среди примененных мер пресечения все также продолжает составлять заключение под стражу, поскольку суды предпочитают более строгие меры.

Несмотря на изменения в законодательстве, существуют проблемы, требующие внимания. В судебной практике на сегодняшний день фиксируются случаи судами игнорирования норм, закрепляющих особенности применения мер пресечения к предпринимателям.

К основной проблеме в применении положений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ следует отнести вопросы определения предпринимательской деятельности в каждом конкретном случае. Точное определение критериев предпринимательской деятельности необходимо для единства в правоприменительной практике. Это позволяет следователю более точно классифицировать предпринимательские действия, обеспечивая повышение эффективности работы правоохранительных органов, обоснованность применения заключения под стражу в отношении обвиняемых (подозреваемых).

Судебная практика свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к решению вопроса о возможности применения заключения под стражу. При том, что ст. 5 УПК РФ в 2023 г. дополнена пунктами 27.1 и 27.2, где дано понятие индивидуального предпринимательства. Так, преступлениями, совершенными индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за первое полугодие 2025 года / Официальный сайт Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, являются преступления, совершенные индивидуальным предпринимателем в ходе осуществления им самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, и (или) при управлении принадлежащим ему имуществом, используемым в целях такой деятельности¹.

В ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ неоднократно вносились изменения и уточнялся перечень статей УК РФ, по которым заключение под стражу в качестве меры пресечения не могло быть применено (при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–3 этой части статьи)². В настоящее время этот перечень состоит из двух основных групп преступлений: к первой группе отнесены деяния, совершенные в сфере предпринимательской деятельности, в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, ко второй – без каких-либо условий.

Приведенные составы преступлений подпадают под запрет для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, за исключением тех случаев, когда имеются обстоятельства, содержащиеся в п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ³. В связи с этим суду по каждому поступившему ходатайству об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении индивидуального предпринимателя или члена органа управления коммерческой организации следует проверять, имеются ли в ходатайстве или в приложенных материалах конкретные сведения о том, что инкриминируемое преступление совершено не в связи с осу-

¹ Федеральный закон от 02 ноября 2023 г. № 524-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Парламентская газета. 2023. № 42.

² Федеральный закон от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 9. Ст. 842.

³ Руднев В.И. Рассмотрение судами вопросов, касающихся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности. Комментарий судебной практики. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., Контракт, 2018. Вып. 23. С. 171.

ществом им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности. В случае если следователем или дознавателем не указаны такие сведения, то суд не может удовлетворить такое ходатайство.

Верховный Суд РФ в очередной раз обращает внимание, что следует повысить уровень требовательности к ходатайствам следователя и дознавателя о заключении под стражу лиц, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, не допускать формального подхода к разрешению таких ходатайств, учитывать действующий запрет на арест субъектов предпринимательской деятельности¹.

В п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 указано, что при рассмотрении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в отношении лиц, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, судом обязательно рассматривается возможность избрания более мягкой меры пресечения, позволяющей осуществление предпринимательской деятельности².

Анализ практики показал, что в некоторых ситуациях разъяснения положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ не принимались судами во внимание. Например, постановлением Фрунзенского районного суда Саратова обвиняемому К. по ч. 1 ст. 201 и ч. 4 ст. 159 УК РФ изменена мера пресечения в виде запрета определенных действий на заключение под стражу. Однако апелляционным постановлением Саратовского областного суда указанное постановление отменено, в качестве меры пресечения к обвиняемому К. избран домашний арест, поскольку суд первой инстанции не учел, что обвиняемый являлся членом органа управления коммерческой организации и обвинение было связано с этой деятельностью³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03 октября 2017 г. № 33 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (ред. от 09.12.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

³ Справка по итогам изучения практики принятия судами области решений об отказе в удовлетворении ходатайств дознавателей, следователей о заключении под стражу лиц, подо-

Суду следовало, в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ установить наличие обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч.1 ст. 108 УПК РФ, в случае применения заключения под стражу, что не привело бы к ограничению законных прав.

Трудности также возникают в правоприменительной практике при разрешении вопросов об определении критериев предпринимательской деятельности. Судебная практика разнообразна и нестабильна, немало решений судов, которые не признают определенные действия как предпринимательские лишь потому, что они были связаны с преступной деятельностью. Например, адвокаты в своих апелляционных жалобах на решения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в качестве доводов приводят следующие формулировки: «обвиняемый осуществлял деятельность, связанную с предпринимательством»¹, «суть предъявленного обвинения связана с осуществлением предпринимательской деятельности»², «деяние обвиняемого относится к сфере предпринимательской деятельности и подлежат применению положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ»³ и пр. Сложность заключается в том, что суды исходят из постановлений следователя и дознавателя, в которых указано, что преступные действия подозреваемого или обвиняемого совершены «не в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности», а приведенные доводы адвоката о доказательствах наличия связи преступной деятельности и осуществляемой им предпринимательской деятельности зачастую не становятся предметом обстоятельного анализа.

зреваемых и обвиняемых в совершении преступлений за первое полугодие 2024 года Саратовского областного суда / Официальный сайт Саратовского областного суда. URL: <https://oblsud-sar.sudrf.ru>. (дата обращения: 15.09.2026).

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 ноября 2024 г. по делу № 10-25165/2024 / Официальный портал Судов общей юрисдикции Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 17.09.2026).

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 февраля 2025 г. по делу № 10-3105/2025 / Официальный портал Судов общей юрисдикции Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 17.09.2026).

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 05 февраля 2025 г. по делу № 10-1447/2025 / Официальный портал Судов общей юрисдикции Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 17.09.2026).

Суды в постановлениях об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или оставлении без удовлетворения жалоб адвокатов мотивируют свои решения формальным основанием, указывая, что «инкриминируемое преступление не связано с осуществлением предпринимательской деятельности»¹. Как верно отмечает Л.М. Аширова, суду первой инстанции необходимо всегда проверять наличие или отсутствие обвинения лица, занимающегося предпринимательской и иной экономической деятельностью, давать им оценку в апелляционном постановлении².

Проблема видится в том, что такой подход судов не соответствует изначальным целям законодателя, связанным с введением ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ для усиления защиты прав предпринимателей. Как отмечается в пояснительной записке к Федеральному закону от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ, необходимость нововведений обусловлена ростом количества случаев избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, а также укреплением мер, направленных на исключение избыточного уголовно-правового воздействия в отношении предпринимателей. Принятие законопроекта должно было способствовать расширению гарантий лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, на этапах досудебного производства³.

Законодатель, по смыслу ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, применяет к предпринимателям особые правила избрания меры пресечения исходя не только из их статуса, но и из самого существа преступной деятельности, если они совершены в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. В практической же

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 03 июля 2024 г. по делу № 10-14843/2024 / Официальный портал Судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>. (дата обращения: 17.09.2026).

² Аширова Л.М. Проверка законности и обоснованности избрания судом мер пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: сб. материалов Всерос.науч.-практ. конф. СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 206.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

деятельности вызывают сложности следующие вопросы: как и на основе каких критериев следует определять предпринимательскую деятельность?

Определение критериев отнесения деятельности лица к предпринимательской имеет принципиальное значение при решении вопроса о допустимости применения меры пресечения в виде заключения под стражу и, соответственно, при последующем обжаловании данного процессуального решения. Законодатель, закрепляя специальные ограничения на применение заключения под стражу в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, исходил из необходимости предотвращения необоснованного вмешательства государства в сферу экономических отношений и обеспечения баланса публичных и частных интересов. В этой связи отсутствие единообразных и четко сформулированных критериев предпринимательской деятельности существенно осложняет реализацию указанных гарантий и снижает эффективность судебного контроля за применением данной меры пресечения.

Обжалование меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, требует от суда не только проверки законности вынесенного решения, но и всестороннего анализа фактических обстоятельств, характеризующих обоснованность избранной меры пресечения. При этом предметом судебной проверки в рамках обжалования должно стать не только наличие формальных признаков предпринимательства, но и установление причинно-следственной связи между инкриминируемым деянием и осуществлением экономической деятельности¹.

Критерии предпринимательской деятельности сложно определить из-за разнообразия форм и методов осуществления бизнеса. Как отмечает А.В. Кирпу, существует множество теоретических подходов к классификации их деятельности, характеризующихся наличием следующих критериев: организованная

¹ Барыгина А.А. О предпринимательских гарантиях избрания заключения под стражу по экономическим преступлениям // Вестник экономики и права. 2025. № 107. С. 115.

структура с целью получения прибыли, независимость при выборе методов осуществления своей деятельности, систематичность и рискованность¹. Однако данные критерии слишком общие, что не позволяет выделить особенности в отдельных случаях при разрешении вопросов об осуществлении предпринимательской деятельности.

По мнению В.А. Гончаровой, можно выделить два подхода к определению предпринимательской деятельности, где согласно первому подходу, заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть назначено абсолютно любому предпринимателю, если соответствующий субъект сознательно действует как предприниматель и его деятельность дает ему возможность совершить инкриминируемые преступные действия. При этом, если же такая деятельность была в качестве прикрытия преступной деятельности, совершенные предпринимателями преступные действия не должны признаваться связанными с предпринимательской деятельностью. Согласно второму подходу, формальному определению предпринимательской деятельности, исходя из которого при избрании заключения под стражу в отношении предпринимателя, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, судам следует в отношении всех соответствующих субъектов принимать положения данной статьи в случае их осуществления предпринимательской деятельности².

Верховный Суд РФ в одном из кассационных определений сделал вывод о том, что применение ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ в отношении предпринимателя, обвиняемого в хищении средств государственного или муниципального бюджета недопустимо, так как отсутствуют основания для применения ч. 1.1 ст. 108 УПК

¹ Кирпу А.В. Проблемные аспекты при определении критериев предпринимательской деятельности при применении меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении экономических преступлений // Российский следователь. 2025. № 1. С. 15.

² Гончарова В.А. Заключение под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: обновленное законодательство и актуальные нарративы судебной практики // Lex russica. 2024. Т. 77, № 9. С. 36.

РФ, согласно которым инкриминируемое деяние сопряжено с хищением бюджетных средств, а не с осуществлением предпринимательской деятельности¹. Однако если проанализировать данный случай, то обвиняемый подозревался в хищении бюджетных средств у структурного подразделения государственной корпорации при поставке продукции военного назначения по завышенной цене, преступные действия были связаны с заключением договоров на поставку продукции, что совершалось в рамках его предпринимательской деятельности. При этом суд апелляционной инстанции усмотрел в инкриминируемом деянии связь с предпринимательской деятельностью и избрал меру пресечения в виде запрета определенных действий по жалобе адвоката, а кассационный суд по представлению прокурора отменил решение и применил заключение под стражу.

Такое решение может быть связано с тем, что речь идет об «интересах государства, связанных с возможностью владения и целевого распоряжения принадлежащими ему денежными средствами, посягательство на которые предопределяет повышенную общественную опасность совершенного преступления». Закономерно возникает вопрос, что же сам законодатель понимает под формулировкой «в связи с осуществлением предпринимательской деятельности»?

При инициировании избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателя от следователя и дознавателя требуется установление обстоятельств связи преступного деяния и осуществления подозреваемым или обвиняемым предпринимательской деятельности, что выходит за рамки обычного процесса избрания мер пресечения, где необходимо проверить обоснованность подозрения в причастности лица к совершению преступления. Это подразумевает, что следственные органы должны предоставить убедительные доказательства не только самого преступления, но и того, как оно связано с конкретной предпринимательской деятельностью. Следует подчеркнуть, что это требование усложняет процедуру досудебного следствия и увеличивает объем

¹ Определение суда кассационной инстанции Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2024 г. по делу № № 5-УД24-4-К2 / Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

усилий, необходимых для установления фактических обстоятельств дела необходимых для избрания меры пресечения. Кроме того, требование устанавливать связь между преступлением и предпринимательской деятельностью может привести к определенным правовым неясностям и даже затруднить защиту прав предпринимателя.

Отсутствие четких критериев дифференциации сферы предпринимательской деятельности, в которой совершены противоправные действия, может либо исключить возможность применения особенностей уголовного судопроизводства в отношении предпринимателей, либо необоснованно допустить таковую¹.

Обжалование заключения под стражу в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, предполагает, что суд апелляционной или кассационной инстанции обязан проверить не только соблюдение процессуальных требований, но и обоснованность выводов суда первой инстанции о невозможности применения более мягкой меры пресечения. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что приоритет должен отдаваться мерам, которые позволят продолжить осуществление предпринимательской деятельности и (или) управление принадлежащим имуществом², если отсутствуют исключительные обстоятельства, оправдывающие применение заключения под стражу. Игнорирование данного подхода при рассмотрении жалоб фактически превращает судебный контроль в формальную процедуру.

Особая роль в обеспечении реализации правовых позиций Верховного Суда РФ принадлежит защитнику, который в рамках обжалования формирует предмет и пределы судебной проверки, обращая внимание суда на экономиче-

¹ Камчатов К.В., Аристархов А.Л. Вопросы защиты прав предпринимателей и пути их решения в уголовном судопроизводстве // Вестник ун-та прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 5. С. 54.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48(ред. от 23 декабря 2025 г.) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

скую природу спорных правоотношений, характер хозяйственных рисков и отсутствие общественной опасности, требующей применения изоляционной меры пресечения.

Специфика рассмотренной категории дел заключается в том, что дополнительная гарантия, установленная ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, реализуется не автоматически, а лишь в результате активной процессуальной деятельности защитника: именно на нем лежит бремя доказывания связи инкриминируемого деяния с предпринимательской деятельностью, поскольку, как показано ранее, следственные органы систематически указывают на отсутствие такой связи, а суды нередко воспроизводят данный вывод без самостоятельной проверки. В этом смысле обеспечение права на защиту предпринимателя приобретает не общий, а предметно-конкретный характер: оно означает способность защитника представить суду совокупность фактических данных, опровергающих формальную позицию следствия, а бездействие защитника на этом этапе способно полностью нейтрализовать гарантию, заложенную законодателем в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Недостаточная определенность критериев предпринимательской деятельности в уголовно-процессуальном законе обуславливает повышенное значение судебной практики Верховного Суда РФ как источника конкретизации данных критериев. Рассмотрение жалоб на избрание и продление меры пресечения в виде заключения под стражу позволяет формировать устойчивые правоприменительные ориентиры, обеспечивающие единообразие судебных решений и предсказуемость правового регулирования.

В связи с этим считаем, что запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, должен приниматься без отдельного доказывания связи с предпринимательской деятельностью, поскольку сам характер перечисленных составов преступлений предполагает совершение деяния именно в процессе осуществления лицом полномочий по управлению вверенным ему имуществом, а значит причастность к предпринима-

тельской деятельности в данном случае носит презюмируемый характер и не требует дополнительного установления. Такая позиция обусловлена: 1) реализацией изначальной цели законодателя – усиление защиты прав предпринимателей, исключение избыточного уголовно-правового воздействия в отношении предпринимателей при избрании меры пресечения; 2) объективной неразрывностью составов данных преступлений с управлением имуществом, используемым в предпринимательской деятельности.

Полное исключение условия о связи преступления с предпринимательской деятельностью применительно ко всем предусмотренным данной нормой составам означало бы, что статус лица как индивидуального предпринимателя или члена органа управления коммерческой организации сам по себе исключает применение заключения под стражу независимо от того, имеет ли вменяемое деяние вообще какое-либо отношение к предпринимательской деятельности. Подобный подход выходит за пределы цели, заявленной в пояснительной записке к Федеральному закону от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ и рискует превратить гарантию ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ из инструмента защиты бизнеса в привилегию, доступную любому лицу, формально зарегистрированному в качестве индивидуального предпринимателя, что создает предпосылки для злоупотреблений.

Одновременно с этим сохранение действующей модели, при которой отсутствие связи констатируется следователем или дознавателем декларативно, а бремя ее опровержения фактически возлагается на защиту, как показал проведенный анализ судебной практики, также не отвечает цели законодателя. Полагаем, что оптимальным решением для остальных составов, предусмотренных ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, является не исключение условия о связи как такового, а изменение порядка его установления. Целесообразно закрепить в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ опровержимую презумпцию наличия такой связи при условии, что на момент совершения деяния лицо обладало статусом индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации, а инкриминируемое преступление относится к перечню, предусмотренному данной нор-

мой. Бремя опровержения презумпции должно быть возложено на сторону обвинения, обязанную представить суду конкретные фактические данные, исключющие связь деяния с предпринимательской деятельностью, а не ограничиваться формальным утверждением о ее отсутствии.

Для этого предлагаем закрепить открытый перечень объективных критериев, подлежащих учету судом при оценке ее опровержения: реальность и систематичность осуществления лицом предпринимательской деятельности на момент совершения инкриминируемого деяния; наличие дохода от такой деятельности; соответствие характера операций, положенных в основу обвинения, профилю осуществляемой деятельности. Данные критерии переводят оценку связи из произвольного усмотрения правоприменителя, порождающего противоречивую практику, в проверяемые фактические обстоятельства.

В силу высказанных соображений представляется закономерным следующий вывод: ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ надлежит дополнить положением об опровержимой презумпции связи инкриминируемого деяния с осуществлением предпринимательской деятельности при наличии статуса индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации на момент совершения деяния, с возложением бремени опровержения данной презумпции на сторону обвинения и закреплением приведенных объективных критериев ее оценки.

Некоторые авторы, например, А.В. Гриненко и А.Д. Жиделев, называют запрет определенных действий самой «популярной» мерой пресечения, которая должна применяться в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Каждый из установленных запретов в определенной степени может негативно отразиться на продолжении предпринимательской деятельности лицом¹. Избирая любую меру

¹ Гриненко А.В., Жиделев А.Д. Меры пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, избираемые по судебному решению // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 43.

пресечения, суд должен учитывать данные о личности подозреваемого или обвиняемого, фактические обстоятельства уголовного дела и представленные сторонами сведения. При этом УПК РФ не ограничивает стороны в предоставлении конкретных сведений, которые могли бы обосновать возложение на предпринимателей каких-либо запретов, предусмотренных в ст. 105.1 УПК РФ.

При избрании запрета определенных действий следует исходить из баланса частных и публичных интересов, что связано с возможностью обвиняемого или подозреваемого воспрепятствовать производству по делу, оказать воздействие на участников уголовного процесса¹. Кроме того, важен тот факт, что при избрании данной меры пресечения суды обращают внимание на персональный состав лиц, проживающих совместно с обвиняемым, где должна исполняться мера пресечения, например, если кто-то из сожителей является свидетелем по уголовному делу. Суду надлежит при избрании запрета определенных действий указывать круг лиц, с которыми допускается общение в период исполнения меры пресечения.

Анализируя альтернативные меры пресечения, избираемые в отношении предпринимателей, следует рассматривать не только домашний арест, запрет определенных действий, но и залог. На сегодняшний день залог может применяться с ограничениями, указанными в ст. 105.1 УПК РФ. В.Ю. Стельмах, относящий залог к усиленной мере пресечения, считает его новым уголовно-процессуальным феноменом, состоящим в дополнении основного объема ограничений, установленный конкретной избираемой к нему меры пресечения, рядом ограничений, закрепленных в ст. 105.1 УПК РФ².

В настоящее время отсутствует как правовая, так и практическая возможность одновременного применения к обвиняемому нескольких мер пресечения,

¹ Григорьева Н.В. Заключение под стражу субъекта предпринимательской деятельности при хищении бюджетных средств // Современное право. 2024. № 12. С. 111–113.

² Стельмах В.Ю. Усиленные меры пресечения в современном российском уголовном процессе // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. Ч. 2. С. 111.

в связи с чем вместо этого законодатель выбрал путь создания усиленных мер пресечения, которые сочетают в рамках одной меры ограничения, характерные для других мер пресечения¹. Полагаем, что возможность комбинирования указанных мер является достаточно эффективным инструментом регуляции поведения обвиняемого, который позволяет применить такую меру пресечения как залог, являющейся в настоящее время самой редко применяемой мерой. Так, за 2024 год залог применили в 60 (80 %) случаях, из заявленных 75, а в отношении обвиняемых, определенных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ – не потупило ни одного ходатайства об избрании меры данной меры пресечения²; за первое полугодие 2025 г. из рассмотренных 24 ходатайств об избрании залога, удовлетворили 15 (63 %), а в отношении обвиняемых, определенных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ – 0³.

Следует понимать, что процедура обжалования выступает процессуальным механизмом проверки соблюдения выбора приоритетности менее строгих мер пресечения по отношению к заключению под стражу. При рассмотрении жалоб на избрание или продление меры пресечения суд обязан оценивать не только наличие формальных оснований для изоляции лица от общества, но и реальную возможность применения альтернативных мер, включая залог. Обжалование меры пресечения также выполняет стимулирующую функцию по отношению к залогу, поскольку в рамках проверки законности и обоснованности заключения под стражу защита может инициировать обсуждение имущественных гарантий надлежащего поведения обвиняемого. Полагаем, что залог является реальной альтернативой изоляции, особенно в делах экономической направленности, эффективность его применения напрямую зависит от активности стороны защиты, в том числе и при рассмотрении жалоб на меру пресечения.

¹ Горкина Е.В., Попова Л.В., Колбасина Е.Е. Залог как мера пресечения: анализ проблем и возможностей их решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4 (67). С. 86.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 год / Официальный сайт Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за первое полугодие 2025 года / Официальный сайт Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru>. (дата обращения: 10.09.2026).

Аналогичного мнения придерживается и С.Н. Мальцева, которая считает, что адвокатским сообществом следует ориентировать защитников настойчивее ставить перед судами и следственными органами вопрос об исследовании возможностей назначения более мягких мер пресечения, таких как залог. Автор полагает, что положительно на применении залога отразилось бы введение общей практики в рамках адвокатского сообщества при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения, требование от следователей мотивированного обоснования применения иных мер пресечения, сопряженных с опасностью противоправного поведения со стороны подозреваемого¹.

Залог имеет потенциал для более широкой практики применения в системе уголовного судопроизводства, а его использование может способствовать гуманизации уголовно-процессуального регулирования применения мер принуждения. Считаем целесообразным расширение случаев применения в судебной практике залога с усиленными мерами, который должен использоваться более активно в отношении подозреваемых и обвиняемых, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, что смогло бы обеспечить баланс частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве при избрании меры пресечения². Данная мера пресечения способна обеспечить явку обвиняемого в суд, при этом не прибегая к более строгим и ограничительным мерам, таким как арест.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Изменения, внесенные в ст. 108 УПК РФ, обеспечили существенный прорыв в вопросе защиты прав предпринимателей в уголовном судопроизводстве и направлены на гуманизацию уголовного судопроизводства. Но в реализа-

¹ Мальцева С.Н. Залог как мера пресечения: проблемы применения // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1–4), № 1. С. 116.

² Лопотенко В.С. Гуманизация уголовного судопроизводства: новые гарантии для предпринимателей при избрании мер пресечения // Уголовное судопроизводство: доктрина, законодательство, практика: тезисы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2025. С. 120.

ции данных положений на практике имеются проблемы, которые можно устранить при осуществлении систематического анализа судебной практики по применению мер пресечения в отношении предпринимателей.

Применительно к составам преступления, предусмотренным ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, необходимо не исключение условия о связи с предпринимательской деятельностью, а закрепление в данной норме опровержимой презумпции такой связи при доказанности статуса лица как индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации на момент совершения деяния с возложением бремени опровержения презумпции на сторону обвинения и установлением объективных критериев ее оценки (реальность и систематичность предпринимательской деятельности, наличие дохода от нее, соответствие характера вменяемых операций профилю деятельности).

В связи с этим предлагаем внести изменения в ч. 1.1 и 1.3 ст.108 УПК РФ и изложить их в следующей редакции:

«1.1. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 частями второй - четвертой, 159.1 частями второй - четвертой, 159.2 частями второй - четвертой, 159.3 частями второй - четвертой, 159.5 частями второй-четвертой, 159.6 частями второй-четвертой, 160 частями второй - четвертой, 165 частью второй и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, если не установлено, что эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Если на момент совершения указанных преступлений подозреваемый или обвиняемый обладал статусом индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации, наличие такой связи предполагается,

пока стороной обвинения не доказано иное. Заключение под стражу в отношении лиц, указанных в настоящем абзаце, а также в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 частями пятой - седьмой, 171 частью второй, 171.1 частями первой.1, второй, четвертой и шестой, 171.3 частью второй, 172-172.3, 173.1 частью второй, 174 частями третьей и четвертой, 174.1 частями третьей и четвертой, 176, 178 частями второй и третьей, 180 частями второй и третьей, 181 частью второй, 183 частями второй-четвертой, 185.2 частью второй, 185.3, 185.4 частью второй, 190, 191 частями второй-пятой, 191.1 частью третьей, 192, 193 частью второй, 193.1 частями второй и третьей, 194 частями второй-четвертой, 195 частями первой.1, второй.1, четвертой и пятой, 196, 197, 199 частью второй, 199.1 частью второй и 199.2 частью второй Уголовного кодекса Российской Федерации, только при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации;
- 2) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 3) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.».

«3.1. Если преступления, предусмотренные статьями 159 частями второй - четвертой, 159.1 частями второй-четвертой, 159.2 частями второй-четвертой, 159.3 частями второй-четвертой, 159.5 частями второй-четвертой, 159.6 частями второй-четвертой, 160 частями второй-четвертой, 165 частью второй и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершены индивидуальным предпринимателем не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо членом органа управления коммерческой организации не в связи с осуществлением им полномочий по управлению этой организацией или не в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, то в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу и в приложенных к данному постановлению материалах

должны содержаться конкретные фактические данные, опровергающие предусмотренную частью 1.1 настоящей статьи обстоятельства, с указанием отсутствия на момент совершения деяния реальной и систематической предпринимательской деятельности; отсутствие дохода от такой деятельности; несоответствие характера вменяемых операций профилю осуществляемой деятельности. Отсутствие в постановлении и приложенных материалах указанных данных является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства»¹.

2. Для обеспечения единообразного применения законодательства считаем необходимым разработку рекомендаций по применению альтернативных заключению под стражу мер пресечения, таких как залог, запрет определенных действий, домашний арест, позволяющих избежать условий, ограничивающих свободу, если это не обосновано реальными рисками.

Избрание залога с усиленными мерами необходимо использовать более активно в отношении подозреваемых и обвиняемых, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, что обеспечит баланс частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве при избрании меры пресечения.

На уровне адвокатского сообщества может быть разработан набор рекомендаций и практических советов, которые помогут эффективно представлять интересы доверителей при избрании меры пресечения в виде залога. Разработка статистических показателей и механизмов контроля за применением залога — еще один шаг в сторону эффективного его использования. Введение единой практики даст возможность анализировать результаты и в случае необходимости корректировать подходы.

3. Проведенный анализ теоретических и правоприменительных проблем обжалования заключения под стражу в отношении обвиняемых в преступлениях в сфере экономической деятельности показывает, что общие основания апелляционного обжалования, предложенные в параграфе 3.2 настоящего исследования

¹ Приложение 1.

(ст. 389.15.1 УПК РФ), нуждаются в дополнении применительно к данной категории дел. Систематическое игнорирование судами первой инстанции статуса лица как индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации, а также формальный подход к установлению связи инкриминируемого деяния с предпринимательской деятельностью, обосновывают целесообразность включения в часть первую статьи 389.15.1 УПК РФ следующих оснований:

«5) неустановление судом отсутствия связи инкриминируемого деяния с осуществлением обвиняемым (подозреваемым), являющимся индивидуальным предпринимателем либо членом органа управления коммерческой организации, предпринимательской деятельности, необходимой для применения части 1.1 статьи 108 настоящего Кодекса;

б) неприменение судом положений части 1.1 статьи 108 настоящего Кодекса при наличии в представленных материалах сведений о том, что обвиняемый (подозреваемый) является индивидуальным предпринимателем либо членом органа управления коммерческой организации.»¹.

Закрепление данных оснований наряду с общими основаниями позволит суду апелляционной инстанции более эффективно устранять допущенные судом первой инстанции нарушения в делах об обжаловании заключения под стражу в отношении обвиняемых в совершении преступлений в сфере экономической деятельности.

¹ Приложение 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное теоретико-правовое и прикладное исследование позволило сформулировать ряд следующих теоретических выводов и практических рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в части определения моделей уголовно-процессуального досудебного обжалования и их реализации в деятельности защитника.

Уголовно-процессуальное обжалование, не имеющее легального определения, представляет собой деятельность участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных лиц, заключающуюся в правовой возможности каждого из них инициировать верификацию процессуальных действий (бездействия) и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, и суда путем подачи жалобы в целях восстановления нарушенных прав и свобод, осуществляемую в установленном уголовно-процессуальным законом порядке.

Историческое развитие данного правового института демонстрирует четыре последовательных этапа: возникновение «пересуда» как первоначальной, исходной формы обжалования, имевшей судебную природу; усиление и масштабирование судебной формы с распространением ее на досудебное производство; дополнение системы обжалования внесудебной формой; восстановление полноценной судебной формы обжалования в досудебном производстве и ее интеграция в общий комплекс уголовно-процессуального обжалования. Первенство судебной формы объясняет, почему она до настоящего времени определяет основные характеристики всего института, а выявленная тенденция постоянного усложнения его форм порождает потребность в систематизации, согласовании и дифференциации правил их реализации.

Уточнение современных признаков уголовно-процессуального обжалования позволило скорректировать его теоретическое понимание: обжалование образует комплексную юридическую конструкцию – крупное структурное образо-

вание уголовно-процессуального права, объединяющее элементы с общими признаками (единая правовая природа, единая цель, правообеспечительный характер, реализация через право, а не обязанность) и признаками, отличающими эти элементы друг от друга (различия в процедурах, в основаниях реализации, в правовых последствиях, в объекте и предмете).

Дифференциация данной конструкции осуществляется на основании введения в ее содержание понятий объекта и предмета обжалования, что позволило обосновать существование в досудебном производстве трех самостоятельных моделей: внесудебной (ст. 124 УПК РФ); комплексной судебной, реализуемой в двух хронологически последовательных этапах (ст. 125 и ст. 127 УПК РФ); и прямой судебной, применяемой в отношении судебных решений, отнесенных к компетенции суда в силу ч. 2 ст. 29 УПК РФ, за исключением решений, принимаемых в порядке ст. 125 УПК РФ.

Для каждой из выделенных моделей определены самостоятельные объект и предмет. В комплексной судебной модели на первом этапе объектом выступает законность и обоснованность процессуальных действий (бездействия) и решений органов досудебного производства, а предметом – сами эти действия, бездействие и решения; на втором этапе объектом является законность, обоснованность и мотивированность судебного решения, постановленного в порядке ст. 125 УПК РФ, а предметом – само это решение. В прямой модели судебного обжалования объектом выступают специфические по своему содержанию требования к судебному решению и особый круг субъектов – носителей права на обжалование, а предметом – перечень судебных решений, входящих в компетенцию суда на основании ч. 2 ст. 29 УПК РФ. Применительно к апелляционному обжалованию постановления об избрании заключения под стражу (ч. 11 ст. 108 УПК РФ) предметом обжалования выступают законность, обоснованность и мотивированность постановления, включающие соблюдение процедуры рассмотрения ходатайства, наличие обоснованного подозрения, подтверждение оснований ст. 97 УПК РФ конкретными фактическими данными, учет обстоятельств ст. 99 УПК РФ и мотивированность вывода о невозможности избрания более мягкой

меры пресечения. Корректировка объекта и предмета каждой модели уточняет не только доктринальные представления, но и законодательную конструкцию досудебного обжалования в целом, создавая теоретическую основу для перехода от общей организации обжалования к анализу деятельности его субъекта – адвоката-защитника.

Реализация защитником права на обжалование в досудебном производстве предполагает специальную структуру его процессуального статуса, включающую общий процессуальный статус, особенности статуса защитника в досудебном производстве и совокупность специфических полномочий, необходимых для реализации каждой из выделенных моделей обжалования. Проведенный анализ оснований апелляционного обжалования судебных решений (ст. 389.15–389.18 УПК РФ) показал, что содержательно применимым к обжалованию защитником промежуточных решений, постановленных в досудебном производстве, является практически только одно из них – существенное нарушение уголовно-процессуального закона; данный вывод подтвержден результатами анкетирования, согласно которым 110 (75,3%) из 146 опрошенных практических работников считают общие основания апелляционного обжалования не применимыми в полной мере к обжалованию решений об избрании заключения под стражу и считают целесообразным введение специальных оснований для данной категории решений. Тем самым выявлено, что законодательная основа деятельности защитника в этой сфере не учитывает специфику сроков подачи апелляционных жалоб, определения предмета обжалования и оснований отмены либо изменения промежуточных судебных решений, что снижает эффективность обжалования защитником.

Обжалование судебных решений для адвоката-защитника не исчерпывается процессуальным правомочием, предусмотренным п. 10 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, а приобретает характер профессионально-этической обязанности, сформулированной корпоративными нормами адвокатского сообщества (п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, п. 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве). Данная обязанность возникает у адвоката

перед доверителем и адвокатским сообществом одновременно, а ее дуалистическая сущность (сочетание права и обязанности) наиболее остро проявляется применительно к обжалованию решений об избрании, продлении либо отказе в отмене (изменении) меры пресечения в виде заключения под стражу, где предметом защиты выступает право лица на свободу и личную неприкосновенность, а краткость апелляционных сроков не оставляет времени для длительного согласования позиции с доверителем.

Установлена необходимость разграничения дисциплинарной ответственности адвоката за неисполнение обязанности по обжалованию в зависимости от основания его участия в деле (по соглашению либо по назначению, в том числе при вынужденной замене защитника), в связи с чем предложено дополнить пункт 9 и ввести новый пункт 19 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве положениями об обязательности согласования позиции по вопросу обжалования с подзащитным, письменной фиксации его несогласия с позицией адвоката и о распределении обязанности по дальнейшему обжалованию между адвокатом по назначению и адвокатом по соглашению.

Признание нравственно-этической обязанности обжалования, сформулированной самим адвокатским сообществом, подтверждает, что своевременное апелляционное обжалование меры пресечения является необходимым, а не факультативным условием обеспечения защитником права подозреваемого, обвиняемого на защиту, что закономерно ставит вопрос о процессуальных средствах, которыми это условие может быть в действительности реализовано.

Обязанность обжаловать, не подкреплённая процессуальной способностью защитника добиться пересмотра решения, представляет собой формальное действие, не способное привести к восстановлению нарушенного права на свободу. Для оценки этой способности введено и обосновано новое понятие – «процессуальный потенциал защитника», представляющее собой совокупность фактически реализуемых правовых и организационно-тактических возможностей по отстаиванию интересов подзащитного, определяемую нормативной составляю-

щей (объемом и конкретизацией закрепленных законом полномочий) и деятельностью составляющей (способами, средствами и методами их фактической реализации, обусловленными профессиональной активностью адвоката).

Разработан трехэтапный алгоритм реализации данного потенциала: формирование согласованной с доверителем позиции относительно избранной меры пресечения; подготовка, написание и направление апелляционной жалобы; участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции. Определена нормативная составляющая процессуального потенциала защитника ограничена в трех направлениях: отсутствие права представлять суду материалы, не имеющие статуса доказательств, но значимые для оценки риска по ст. 97 УПК РФ; отсутствие механизма проверки судом апелляционной инстанции сведений, положенных в основу обжалуемого решения; отсутствие возможности письменной оценки защитником данных рисков.

Устранение указанных ограничений может быть обеспечено дополнением ч. 1.1 ст. 53 УПК РФ соответствующими полномочиями защитника и ч. 2.1 ст. 389.6 УПК РФ – корреспондирующими обязанностями суда апелляционной инстанции по приобщению и оценке представленных материалов. Зависимость результативности апелляционного пересмотра от состояния обеих составляющих процессуального потенциала защитника подводит к необходимости самостоятельного анализа тех оснований обжалования, применение которых этот потенциал должен обеспечивать.

Основания апелляционного обжалования судебных решений, закрепленные в ст. 389.15–389.18 УПК РФ, исторически сформированы применительно к проверке приговора и предполагают оценку достаточности доказательств, положенных судом первой инстанции в основу вывода о виновности лица. Такой стандартизированный подход к установлению оснований апелляционного обжалования – исторически сложившийся способ правового регулирования, при котором единый, унифицированный перечень оснований, содержательно ориентированный на проверку итогового решения, распространяется законодателем без

специальных изъятий на все объекты апелляционной проверки, включая промежуточные решения, которые вопроса о виновности не разрешают и разрешать не могут.

Проведенный анализ судебной практики показал, что из шести оснований апелляционного обжалования содержательно применимым к обжалованию промежуточных решений в досудебном производстве является практически только существенное нарушение уголовно-процессуального закона; основания, связанные с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела и с неправильным применением уголовного закона, применимы лишь в ограниченном, производном значении, тогда как остальные основания относятся исключительно к обжалованию итоговых решений. Данный вывод обосновывает методологическую несостоятельность механического распространения стандартизированного подхода на апелляционное обжалование постановлений об избрании меры пресечения и предопределяет необходимость выработки самостоятельных оснований, адресованных именно этой категории решений.

Решающее значение для оценки законности постановления о заключении под стражу имеет разграничение категорий обоснованного риска и произвольного предположения: риск, предусмотренный ст. 97 УПК РФ, приобретает правовое значение лишь тогда, когда он подтвержден конкретными, поддающимися проверке фактическими данными о личности и поведении обвиняемого, а не выводится из одной лишь тяжести или квалификации содеянного.

Анализ судебной практики по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке позволил выявить фактически сложившуюся, но не закрепленную нормативно систему оснований отмены и изменения постановлений о заключении под стражу: формальную ссылку на ст. 97 УПК РФ без подтверждающих фактических данных; ограничение мотивировки тяжестью деяния без учета данных ст. 99 УПК РФ; отсутствие мотивированного вывода о невозможности применения более мягкой меры пресечения; использование непроверенных в судебном заседании сведений; неполнота исследования судом обстоятельств,

предусмотренных ст. 99 УПК РФ и данных, представленных стороной защиты; несоразмерность избранной меры пресечения.

Существование данной системы лишь на уровне судейского усмотрения снижает предсказуемость правоприменения, в связи с чем предложено дополнить УПК РФ статьей 389.15.1, закрепляющей самостоятельные основания отмены или изменения в апелляционном порядке судебного решения об избрании, продлении либо изменении меры пресечения, с распространением этих оснований (в соответствующей части) на обжалование домашнего ареста и залога с учетом специфики данных мер пресечения. Тем самым преодоление излишней стандартизированности апелляционного обжалования получает конкретную нормативную форму, реализация которой приобретает особое значение в делах, где вероятностный характер оснований меры пресечения сочетается с повышенным риском ее необоснованного применения.

Специальная гарантия, установленная ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и обуславливающая заключение под стражу по ряду экономических составов преступлений наличием связи инкриминируемого деяния с предпринимательской деятельностью, на практике реализуется формально и декларативно: следственные органы указывают на отсутствие такой связи без ее самостоятельной проверки, а суды нередко воспроизводят данный вывод, что подтверждается и крайне ограниченным применением альтернативных мер пресечения к данной категории лиц.

Однако полное исключение условия о связи с предпринимательской деятельностью из ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ нецелесообразно, поскольку способно превратить данную гарантию в привилегию, применяемую вне зависимости от действительной связи деяния с бизнесом. Оптимальным решением признано закрепление в частях 1.1 и 1.3 ст. 108 УПК РФ опровержимой презумпции такой связи при доказанности статуса индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации на момент совершения деяния, с возложением бремени опровержения презумпции на сторону обвинения и установле-

нием объективных критериев ее оценки: реальности и систематичности предпринимательской деятельности, наличия дохода от нее, соответствия характера вменяемых операций профилю деятельности.

Предлагается включить в ст. 389.15.1 УПК РФ специальные основания апелляционного обжалования для этой категории дел: неустановление судом отсутствия связи инкриминируемого деяния с предпринимательской деятельностью, необходимой для применения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, и неприменение судом положений указанной нормы при наличии в деле достаточных данных о предпринимательском статусе обвиняемого.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что преодоление излишней стандартизированной апелляции обжалования решений о заключении под стражу и расширение процессуального потенциала адвоката-защитника взаимно обусловлены и не могут быть достигнуты по отдельности: нормативное закрепление специальных оснований обжалования (ст. 389.15.1 УПК РФ) без расширения процессуальных возможностей защитника по представлению значимых для их применения данных (ч. 1.1 ст. 53 и 2.1 ст. 389.6 УПК РФ) останется декларативным, тогда как расширение полномочий защитника без определения самостоятельных оснований апелляционного пересмотра не получит процессуальной опоры.

Совокупность разработанных в диссертации моделей досудебного уголовно-процессуального обжалования, уточненных представлений об объекте и предмете обжалования, нормативной и деятельностной составляющих процессуального потенциала защитника, а также предложенных законодательных решений представляет собой системное решение, реализация которого способна повысить уровень защищенности права на свободу и личную неприкосновенность лиц, в отношении которых решается вопрос о заключении под стражу, и обеспечить более полную реализацию защитником права обвиняемого (подозреваемого) на защиту при апелляционном обжаловании данной категории судебных решений, в том числе по уголовным делам в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 14 марта 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря; Российская газета. – 2020. – 4 июля.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26 июля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ – 1995 – № 47. – Ст. 4472.
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. (ред. от 01.04.2025) № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
5. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
6. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 45.
7. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.

Правовые акты, утратившие силу

8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

9. Закон РФ от 23 мая 1992 г. № 2825-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Российская газета. – 1992. – № 137.
10. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1991. – Т. 8.
11. Декрет Совета Народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.). Постановлению ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судоустройстве Р.С.Ф.С.Р.» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 4. – Ст. 1435.

Постановления и определения

Конституционного Суда Российской Федерации.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

14. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42 «По жалобам граждан Астахова Павла Алексеевича, Замошкина Сергея Дмитриевича, Карцевой Веры Константиновны и Костанова Юрия Артемовича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 7 и 123, части третьей статьи 124, статей 125, 388 и 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 № 547-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Ерастова Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 109, частью первой статьи 125, статьей 162 и частью четвертой статьи 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2007 г. № 592-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильясова Имрана Спахиевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта "н" статьи 44, части первой статьи 59 и части четвертой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации, части четвертой статьи 48 УК РСФСР, статьи 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 г. № 32-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Узбекистан Эшонкулова Азамата Хатамбаевича на нарушение его конституционных прав статьями 388 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 242-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афраиловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2024 г. № 231-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хребтова Никиты Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи

29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» // Российская газета. – 2019. – № 169.

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2023 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 5. – Ст. 914.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 09 декабря 2025 г.) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 4.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 2, февраль. – 2014.

26. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 23 декабря 2025 г.) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 1.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03 октября 2017 г. № 33 «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и

иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 1.

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 9.

29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 9.

Официальные материалы органов адвокатского сообщества

30. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (ред. от 18 апреля 2025 г.) // Вестник адвокатской палаты г. Москвы. – № 4 – 5. – 2005.

31. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов) 20 апреля 2017 г.) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – № 2. – 2017.

32. Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам по вопросам приоритета участия адвоката в судебных заседаниях и приоритета профессиональной деятельности над иной деятельностью: утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 16 февраля 2018 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

33. Рекомендации Совета Федеральной палаты адвокатов РФ об обеспечении непрерывности защиты по назначению: утв. Решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2020. – № 1.

34. Разъяснение Комиссии Федеральной палаты адвокатов РФ по этике и стандартам о некоторых вопросах полномочий адвоката при осуществлении

защиты на стадии предварительного расследования от 29 апреля 2020 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

35. Рекомендации о действиях адвоката, участвующего в уголовном судопроизводстве в качестве защитника по назначению, при вступлении в дело: утв. решением совета Адвокатской палаты Ставропольского края от 30 октября 2020 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Адвокатской палаты РФ. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

36. Методические рекомендации по исполнению адвокатами требований пункта 4 статьи 13 КПА (выполнение обязанности обжаловать приговор) Совета Адвокатской палаты г. Севастополя от 14 марта 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

37. Рекомендации по исполнению адвокатами статьи 14 Кодекса профессиональной этики адвоката при невозможности прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии: утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов РФ от 29 августа 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

38. Решение Совета Федеральной палаты адвокатов РФ «О двойной защите»: утв. Решением Совета ФПА РФ от 27 сентября 2013 г. (в ред. от 28 ноября 2019 г.) [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

39. Решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 28 февраля 2023 г. № 52 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Адвокатской палаты города Москвы. – Режим доступа: <https://www.advokatymoscow.ru>.

40. Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы от 29 ноября 2023 г. № 286 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Адвокатской палаты г. Москвы. – Режим доступа: <https://www.advokatymoscow.ru>.

Судебная, следственная, адвокатская практика

41. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Определение суда кассационной инстанции от 13 апреля 2024 г. по делу № 5-УД24-4-К2 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11981997>.

42. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22 октября 2020 г. по делу № 77-2160/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27 сентября 2021 г. по делу № 88а-23260/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

44. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2021 г. по делу № 77-1629/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

45. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. № 77-1807/2021 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Пятого кассационного суда общей юрисдикции. – Режим доступа: <https://5kas.sudrf.ru>

46. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 сентября 2025 г. № 77-2805/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

47. Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 20 мая 2026 г. по делу № 55-257/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Апелляционное постановление Верховный суд Республики Адыгея от 10 июля 2024 г. № 22К-436/2024 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного суда Республики Адыгея. – Режим доступа: <https://vs--adg.sudrf.ru>.

49. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 27 августа 2024 г. № 22к-2205/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

50. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 23 апреля 2026 г. по делу № 22-1043/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 13 февраля 2025 г. № 22К-183/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Апелляционное постановление Московского городского суда от 19 июля 2021 г. по делу № 10-14180/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 июня 2024 г. № 10-14157/2024 / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru>.

54. Апелляционное постановление Московского городского суда от 03 июля 2024 г. по делу № 10-14843/2024 [Электронный ресурс] / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru>.

55. Апелляционное постановление Московского городского суда от 09 июля 2024 г. по делу № 10-13435/24 [Электронный ресурс] / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://www.mos-gorsud.ru>.

56. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17 июля 2024 г. по делу № 10-14251/24 [Электронный ресурс] / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru>.

57. Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 июля 2024 г. по делу № 10-14502 [Электронный ресурс] / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru>.

58. Апелляционное постановление Московского городского суда от 26 июля 2024 г. по делу № 10-16338/2024 [Электронный ресурс] / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru>.

59. Апелляционное постановление Московского городского суда от 05 февраля 2025 г. по делу № 10-1447/2025 [Электронный ресурс] / Официальный портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru>.

60. Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 февраля 2025 г. по делу № 10-3105/2025 [Электронный ресурс] / Официальный

портал Судов общей юрисдикции г. Москвы. – Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru>.

61. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 сентября 2025 г. по делу № 10-18792/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 октября 2025 г. по делу № 10-20865/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Апелляционное постановление Московского городского суда от 07 апреля 2026 г. по делу № 10-7270/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Апелляционное постановление Московского городского суда от 09 апреля 2026 г. по делу № 10-7355/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

65. Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 мая 2026 г. по делу № 10-10242/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Апелляционное постановление Московского городского суда от 13 мая 2026 по делу № 10-10220/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Апелляционное постановление Московского областного суда от 28 мая 2026 г. по делу № 22к-4966/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 июня 2026 г. по делу № 10-10886/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 июля 2026 г. по делу № 10-15604/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Апелляционное постановление Московского городского суда от 23 июля 2026 г. по делу № 10-16219/2026 // СПС «КонсультантПлюс»

71. Апелляционное постановление Московского городского суда от 11 августа 2026 г. № 10-17392/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 13 мая 2026 г. по делу № 22-476/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 29 мая 2025 г. по делу № 22К-1151/2025. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Воронежского областного суда. – Режим доступа: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru>.

74. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 11 сентября 2025 г. по делу № 22К-1830/2025. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Воронежского областного суда. – Режим доступа: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru>.

75. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 11 февраля 2026 г. по делу № 22К-363/2026. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Воронежского областного суда. – Режим доступа: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru>.

76. Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 06 августа 2026 г. по делу № 22К-739/2026. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Воронежского областного суда. – Режим доступа: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru>.

77. Апелляционное постановление Калининградского областного суда от 09 октября 2025 г. № 22К-1608/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

78. Апелляционное постановление Калужского областного суда от 25 июля 2022 г. по делу № 22К-956/2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

79. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 03 сентября 2025 г. по делу № 22-6062/2025. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Краснодарского краевого суда. – Режим доступа: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>.

80. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 19 мая 2026 г. по делу № 22-3701/2026. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>.

81. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 25 июня 2026 по делу № 22-4587/2026. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Краснодарского краевого суда. – Режим доступа: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>.

82. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 26 сентября 2025 г. по делу № 22К-6720/2025. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Краснодарского краевого суда. – Режим доступа: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>.

83. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 сентября 2025 г. по делу № 22-6794/2025. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Краснодарского краевого суда. – Режим доступа: <https://kraevoi.krd.sudrf.ru>.

84. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 23 октября 2025 г. по делу № 22к-7402/2025. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Красноярского краевого суда. – Режим доступа: <https://kraevoi.krk.sudrf.ru>.

85. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 23 апреля 2026 г. по делу № 22к-2574/2026. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Красноярского краевого суда. – Режим доступа: <https://kraevoi.krk.sudrf.ru>.

86. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 02 марта 2026 г. по делу № 22к-1408/2026. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Красноярского краевого суда. – Режим доступа: <https://kraevoi.krk.sudrf.ru>.

87. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 25 марта 2026 г. по делу № 22-173/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

88. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 18 октября 2024 г. по делу № 22К-1925/2024. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Тамбовского областного суда. – Режим доступа: <https://oblsud.tmb.sudrf.ru>.

89. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 22 мая 2025 г. по делу № 22-921/2025. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Тамбовского областного суда. – Режим доступа: <https://oblsud.tmb.sudrf.ru>.

90. Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области от 26 декабря 2025 г. по делу № 22-563/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Апелляционное постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 27 мая 2020 г. по делу № 22К-814/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

92. Обзор дисциплинарной практики Санкт-Петербурга за 2022 год [Электронный ресурс] / Официальный сайт Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. – Режим доступа: <https://new.apspb.ru>.

93. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Московской области за второе полугодие 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Адвокатской палаты Московской области. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

94. Обзор дисциплинарных производств, рассмотренных Советом Адвокатской палаты Санкт-Петербурга на заседании 21 августа 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Адвокатской палаты Санкт-Петербурга. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

95. Обзор дисциплинарной практики Адвокатской палаты Краснодарского края за 2-е полугодие 2024 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Адвокатской палаты Краснодарского края. – Режим доступа: <https://fparf.ru>.

96. Справка по итогам изучения практики принятия судами области решений об отказе в удовлетворении ходатайств дознавателей, следователей о заключении под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений за первое полугодие 2024 г. Саратовского областного суда [Электронный ресурс] / Официальный сайт Саратовского областного суда. – Режим доступа: <https://oblsud.sar.sudrf.ru/>.

Учебники, учебные пособия, справочная литература

97. Байтин М.И. Сущность права: (Соврем. норматив. правопонимание на грани двух веков). – Саратов: Саратов. гос. акад. прав, 2001. – 413 с.

98. Бажанов М.И. Избранные труды; отв. ред. В. Я. Таций. – Харьков: Право, 2012. – 1244 с.

99. Кленкина О.В., Шиханова Е.Г. Правоведение: учебное пособие. – Самара: Самар. ун-т, 2022. – 152 с.

100. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 240 с.

101. Миллеров Е.В., Чупилкин, Ю. Б. Участие адвоката в уголовном судопроизводстве: учебное пособие – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2024. – 128 с.

102. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений, 27-е изд., испр.; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и образование, 2022. – 1360 с.
103. Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права; под ред. И.Н. Сенякина. – Саратов: Саратов. гос. юр. акад., 2015. – 472 с.
104. Резник Г.М., Славин М.М. Право на защиту. – М.: Моск. рабочий, 1976. – 119 с.
105. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. В 2 т. – М.: Наука, 1970. – Т. 2. – 516 с.
106. Судницын А.Б. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учебное пособие / А.Б. Судницын, Д.А. Воронов. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2020. – 64 с.
107. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935 – 1940. – Т. 3: П – Р / гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 с.
108. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1981. – 299 с.
109. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
110. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. – СПб., 1910, Т. 2. – 573 с.
111. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении: ин-т государства и права АН СССР. – М.: Юридическая литература, 1974. – 351 с.
112. Черемисина Т.В. Обращение следователя в суд и его участие в судебном заседании: проблемы и решения: практ. пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. – М.: Московская академия СК России, 2021. – 93 с.

113. Шершеневич В.Г. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / вступ. ст. Е. А. Суханова. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.

Монографии, научные статьи

114. Азванов, М.В. Предмет обжалования в досудебном производстве по уголовному делу / М.В. Азванов, Э.Б. Убушиев, А.А. Эренценов // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 6. – С. 105–107.

115. Айзенберг, Н.А. Предмет обжалования при реализации права на обжалование в суде действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство / Н.А. Айзенберг // Вопросы российского и международного права. – 2023. Том 13. – № 4 А. – С. 429–437.

116. Александрова, Л.А. Признание взятки сделкой и вопросы межотраслевого регулирования при производстве по уголовному делу / Л.А. Александрова, Е.Ю. Никифорова // Российский следователь. – 2022. – № 3. – С. 24–28.

117. Алексеев, С.С. Структура советского права : монография / С.С. Алексеев. – М: Юридическая литература, 1975. – 263 с.

118. Андреева, О.И. Реформированное производство в суде кассационной инстанции: соотношение частного и публичного начал / О.И. Андреева, А.А. Руквишникова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 2. – С. 3–7.

119. Андроник, Н.А. Некоторые аспекты применения меры пресечения в виде заключения под стражу на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / Н.А. Андроник // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2015. – № 4 (42). – С. 120–124.

120. Аширбекова, М.Т. Полная апелляция по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и ее рецепция современным уголовно-процессуальным законодательством / М.Т. Аширбекова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 4 (41). – С. 733–739.

121. Аширова, Л.М. Проверка законности и обоснованности избрания судом мер пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений

в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / Л.М. Аширова // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. – С. 199–207.

122. Баев, М.О. Адвокат-защитник в досудебном производстве по уголовному делу (процессуально-тактические основы деятельности): монография / М.О. Баев, О.А., Куницина, О.Ю., Цурлуй. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 254 с.

123. Барыгина, А.А. О предпринимательских гарантиях избрания заключения под стражу по экономическим преступлениям / А.А. Барыгина // Вестник экономики и права. – 2025. – № 107. – С. 113–119.

124. Батюк, В.И. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя в Российской Федерации / В.И. Батюк, А.В. Богданов, Е.Н. Хазов // Криминологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 70–74

125. Безрядин, В.И. Принцип права на обжалование процессуальных действий и решений как основа уголовно-процессуального института обжалования / В.И. Безрядин, С.В. Щербич // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 38–48.

126. Беляев, М.В. Мотивированность судебных решений в уголовном судопроизводстве / М.В. Беляев, О.В. Качалова // Lex Russica. – 2022. – №5 (186). – С. 98–106.

127. Борисевич, Г.Я. О существенных, неустранимых, фундаментальных нарушениях закона как основаниях отмены или изменения судебных решений по уголовным делам / Г.Я. Борисевич // Вестник Пермского ун-та. Юрид. науки. – 2013. – № 2 (20). – С. 206–215.

128. Бородинова, Т.Г. Институт кассационного обжалования в уголовном процессе / Т.Г. Бородинова // Российское правосудие. – 2022. – № 12. – С. 96–103.

129. Бурмагин, С.В. Как обосновать переход на альтернативную меру пресечения, когда следователь ходатайствует о заключении под стражу / С.В. Бурмагин // Уголовный процесс. – 2018. – № 10 (166). – С. 60–69.

130. Васильева, Н.Л. Совершенствование института судебного обжалования действий и решений органов уголовного преследования Российской Федерации / Н.Л. Васильева // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 3(31). – С. 24–29.
131. Вастьянова, О.Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: монография / О.Д. Вастьянова. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 141 с.
132. Вастьянова, О.Д. К вопросу о структуре уголовно-процессуального права в свете дискуссии о системе права / О.Д. Вастьянова // Уголовная юстиция. – 2026. – № 27. – С. 56–61.
133. Ветошенкова, А.А. Особенности определения судебных решений, постановленных на основании вердикта коллегии присяжных заседателей / А.А. Ветошенкова // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. – 2023. – Вып. 11. – С. 53–58.
134. Волколупов, В.Г. Правовые основы обжалования в российском уголовном судопроизводстве: историко-правовые и компаративистские аспекты: монография / В.Г. Волколупов. – Волгоград: ВА МВД России, 2024. – 104 с.
135. Волколупов, В.Г. Общетеоретические подходы к определению понятий «жалоба» и «обжалование», а также к содержанию понятия «институт обжалования» в российском уголовно-процессуальном праве / В.Г. Волколупов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 3 (58). – С. 123–130.
136. Воскобитова, Л.А. Основания отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции / Л.А. Воскобитова // Lex Russica. – 2012. – № 5. – С. 988–996.
137. Гладченкова, С.В. Право на защиту в уголовном процессе России: теоретические основы и отдельные аспекты реализации / С.В. Гладченкова, И.В. Рудакова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 208–215.

138. Гладченкова, С.В. Право на защиту как принцип уголовного судопроизводства: к постановке проблемы / С.В. Гладченкова // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. – Брянск: Брянский гос. инженерно-технологический ун-т, 2023. – С. 197–201.

139. Гладышева, О.В. Двойная и субсидиарная защита в уголовном судопроизводстве / О.В. Гладышева // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. – 2022. – № 3. – С. 95–104.

140. Гладышева, О.В. Общие и специальные критерии справедливости современного уголовного судопроизводства и их система / О.В. Гладышева // Вестник Омского ун-та. Сер. Право. – 2008. – № 1 (14). – С. 135–141.

141. Гладышева, О.В. Современная уголовно-правовая политика по обеспечению экономической безопасности уголовно-процессуальными средствами / О.В. Гладышева, В.А. Семенцов // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 17–25.

142. Гладышева, О.В. Риски в уголовном судопроизводстве, формат их проявления и пути преодоления / О.В. Гладышева // Уголовный процесс и криминалистика в противодействии современной преступности: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти основателя школы уголовного процесса, доктора юрид. наук, профессора Зинура Зинатулловича Зинатуллина и основателя школы криминалистики, доктора юрид. наук, профессора Марата Константиновича Каминского. – Ижевск: Удмуртский университет, 2026. – С.10–13.

143. Гончарова, В.А. Заключение под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: обновленное законодательство и актуальные нарративы судебной практики / В. А. Гончарова // Lex russica. – 2024. –Т. 77. № 9. – С. 32–44.

144. Горкина, Е.В. Залог как мера пресечения: анализ проблем и возможностей их решения / Е.В. Горкина, Л.В. Попова, Е.Е. Колбасина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 4 (67). – С. 81–87.

145. Горлов, Е.М. Эволюционные направления развития категории объекта правоотношения / Е.М. Горлов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 1. – С. 94–101.
146. Григорьева, Н.В. Заключение под стражу субъекта предпринимательской деятельности при хищении бюджетных средств / Н.В. Григорьева // Современное право. – 2024. – № 12. – С. 111–113.
147. Гриненко, А.В. Меры пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, избираемые по судебному решению / А.В. Гриненко, А.Д. Жиделев // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 6. – С. 42–47.
148. Гудушаури, В.Г. Значение категории «благоприятные мотивы» для обжалования приговора / В.Г. Гудушаури // Адвокатская практика. – 2021. – № 2. – С. 49–51.
149. Давыдов, В.А. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства / В.А. Давыдов, О.В. Качалова // Вестник Томского гос. ун-та. Право. – 2018. – № 29. – С. 72–80.
150. Джалилова, Е.А. Проблемы определения понятия и сущности института права / Е.А. Джалилова // Вестник ВУиТ. – 2018. – №2. – С. 22–31.
151. Диваев, А.Б. Основания отмены и изменения судами апелляционной инстанции судебных постановлений, вынесенных по вопросам, связанным с исполнением приговора / А.Б. Диваев // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 1 (46). – С. 134–142.
152. Дикарев, И.С. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК / И.С. Дикарев, С.М. Юткина // Законность. – 2023. – № 2. – С. 48–51.
153. Долгих, Т.Н. Отказ от апелляционной жалобы в уголовном процессе / Т.Н. Долгих. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

154. Доросинская, А.М. Понятие защиты как уголовно-процессуальной функции в Российском уголовном процессе / А.М. Доросинская // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 299–305.
155. Дорошков, В.В. Пересмотр решений Европейского суда по уголовным делам в апелляционном порядке / В.В. Дорошков // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 39–41.
156. Дрозденко, О.О. Проблемы реализации права на обжалование процессуальных действий (бездействия) и решений в судебном порядке в уголовном судопроизводстве / О.О. Дрозденко, М.Г. Янин // Вестник Челябинского гос. ун-та. – Сер.: Право. – 2020. – Т. 5. – № 3. – С. 76–80.
157. Ермолаев, К.А. Понятие и юридические свойства меры пресечения в виде заключения под стражу / К.А. Ермолаев // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. – 2025. – Т. 16, № 1 (59). – С. 57–65.
158. Ерохина, О.С. Предмет судебного обжалования действий (бездействия), решений следователя / О.С. Ерохина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – №3 (22). – С. 80–88.
159. Жиделев, А.Д. Меры пресечения при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности: основания и особенности избрания / А.Д. Жиделев // Мировой судья. – 2025. – № 9. – С. 22–25.
160. Замуруева, Е.Ю. Основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу: эволюция правовых подходов и современные тенденции судебной практики / Е.Ю. Замуруева // Криминологический журнал. – 2026. – № 2. – С. 53–56.
161. Заракушева, К.Р. Свойства законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговора суда как основного итогового решения по уголовному делу / К.Р. Заракушева, В.Н., Зеленкина // Вестник права. – 2023. – № 2. – С. 28–32.

162. Злыденко, Д.С. Определение момента фактического задержания как условие законности его применения в уголовном процессе / Д.С. Злыденко // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. – 2019. – № 1 (43). – С. 23–26.
163. Ибрагимова, А.М. Генезис системы обжалования в уголовно-процессуальном праве России / А. М. Ибрагимова // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4. – С. 120–128.
164. Ибрагимова, А.М. Право обжалования в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и практики: монография / А.М. Ибрагимова. – М.: Юрлитинформ, 2026. – 136 с.
165. Ильин, Д.В. Обжалование незаконных действий должностных лиц в уголовном процессе: правовые и доктринальные основы / Д.В. Ильин // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – Т. 2. № 1. – С. 37–43.
166. Иоффе, О.С. Структурные подразделения системы права (по материалам гражданского права) / О.С. Иоффе // Ученые записки. ВНИИСЗ. – Вып. 14. – М., 1968. – С. 45–60.
167. Каблуков, И.В. Соотношение понятий «обоснованность процессуальных решений» и «достаточность доказательств» в уголовном судопроизводстве / И.В. Каблуков // Доклады Башкирского ун-та. – 2016. – Т. 1. – № 4. – С. 836–841.
168. Калинкина, Л.Д. Регулирование защитительной адвокатской деятельности - на законодательный уровень / Л.Д. Калинкина // Адвокатская практика. – 2019. – № 6. – С. 3–7.
169. Камчатов, К.В. Вопросы защиты прав предпринимателей и пути их решения в уголовном судопроизводстве / К.В. Камчатов, А.Л. Аристархов // Вестник ун-та прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 5. – С.52–60.
170. Каташук, Д.В. Объект правоотношения и его понимание на современном этапе / Д.В. Каташук // Актуальные проблемы гражданского права. – 2014. – № 1(3). – С. 205–211.

171. Качалова, О.В. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О.В. Качалова, И.Р. Хроменков // Правосудие. – 2023. – № 1. – С. 177–192.

172. Кипнис, Н.М. К вопросу о праве адвоката-защитника обжаловать в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, процессуальное решение о прекращении его участия в уголовном деле / Н.М. Кипнис // Уголовное право. – 2023. – № 2. – С. 66–74.

173. Кирдин, Н.А. Обоснованность решений об избрании мер пресечения как гарантия исключительности ограничений конституционных прав личности / Н.А. Кирдин, Г.Б. Петрова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 5 (148). – С. 183–192.

174. Кирпу, А.В. Проблемные аспекты при определении критериев предпринимательской деятельности при применении меры пресечения в виде заключения под стражу к лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении экономических преступлений / А.В. Кирпу // Российский следователь. – 2025. – № 1. – С. 14–18.

175. Климова, Я.А. Проблема реализации права на защиту в досудебном производстве / Я.А. Климова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – С. 111–121.

176. Ключников, А. Ю. Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство: проблемы нормативного закрепления, практики применения / А.Ю. Ключников // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2016. – №1 (24). – С. 225–234.

177. Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы / А.Ф. Кони. – М.: Юрайт, 2025. – 152 с.

178. Коршунов, А.В. Вопросы реализации статьи 125 УПК РФ / А.В. коршунов // Вековые традиции российского права: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2022. – С. 296–299.

179. Кузнецова, Е.А. Судебный порядок рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ как разновидность судебного контроля на досудебных стадиях / Е.А. Кузнецова // Научный компонент. – 2020. – №1 (5). – С. 42–49.
180. Кузьмин, М.А. Нравственные основы адвокатской деятельности / М.А. Кузьмин, А.Г. Татынова // Современная наука. – 2014. – №4. – С. 54–56.
181. Кузьмина, Е.А. Право на обжалование процессуальных действий и решений как средство защиты прав и свобод гражданина в досудебном производстве / Е.А. Кузьмина // Право и политика. – 2017. – №12. – С.84–89.
182. Кущинская, А.А. Обзор проблемных вопросов рассмотрения жалоб на решения таможенных органов в контексте прокурорского надзора / А.А. Кущинская // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 5(57). – С. 231–235
183. Лазарев, В.В. Общая теория права и государства: монография / В.В. Лазарев – М.: Юрист, 2002. – 576 с.
184. Лановая, Г.М. Соотношение понятий «объект субъективного права» и «объект правоотношений» / Г.М. Лановая, И.Н. Правкина // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 1. – С.43–47.
185. Лантух, Н.В. Теория уголовно-процессуальных институтов: монография / Н.В. Лантух. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2015. – 156 с.
186. Логунов, О.В. Обеспечение прав, свобод и законных интересов обвиняемого при применении мер пресечения / О.В. Логунов, Э.К. Кутуев, М.А. Шувалова. – С.-Петербург: ООО «ИПЦ Измайловский», 2024. – 247 с.
187. Леонов, Д.В. Структура института досудебного обжалования в современном административном праве России / Д.В. Леонов // Административное право и процесс. – 2020. – № 4. – С. 76–79.
188. Лопотенко, В.С. Гуманизация уголовного судопроизводства: новые гарантии для предпринимателей при избрании мер пресечения / В.С. Лопотенко // Уголовное судопроизводство: доктрина, законодательство, практика: тезисы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. – Омск: Омская академия МВД России, 2025. – С. 119–123.

189. Лопотенко, В.С. Добросовестность адвоката как средство обеспечения надлежащей защиты в досудебном производстве / В.С. Лопотенко // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. – С. 190–198.

190. Лопотенко, В.С. Некоторые аспекты определения предмета уголовно-процессуального обжалования в досудебном производстве / В.С. Лопотенко // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 4 (204). – С. 262–267.

191. Лопотенко, В.С. Обжалование как обязанность адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве / В. С. Лопотенко // Адвокатская практика. – 2025. – № 1. – С. 32–36.

192. Лопотенко, В.С. Обжалование как способ реализации защитником прав и законных интересов доверителя в досудебном производстве / В.С. Лопотенко // Обеспечение процессуальных прав адвокатов в уголовном судопроизводстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. – С. 65–72.

193. Лопотенко, В.С. Отдельные аспекты обжалования защитником решений суда, принятых в порядке досудебного производства / В.С. Лопотенко // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 12 (188). – С. 358–363.

194. Лопотенко, В.С. Сущность субъективного права защитника на обжалования в уголовном судопроизводстве / В.С. Лопотенко // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 314–322.

195. Лопотенко, В.С. Правовая неопределенность обжалования решений прокурора в досудебном уголовном судопроизводстве / В. С. Лопотенко // Юридическая наука. – 2026. – № 5. С. 265–267.

196. Лукожев, Х.М. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: монография / Х.М. Лукожев, Н.В. Горак. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 184 с.
197. Лукожев, Х.М. Процессуальная самостоятельность следователя и дознавателя в современном уголовном судопроизводстве / Х.М. Лукожев // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 12 (166). – С. 128–133.
198. Лукьянов, С.С. К вопросу определения компетенции суда по обеспечению надлежащей процедуры судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса / С.С. Лукьянов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 4 (53). – С. 63–70.
199. Лукьянов, С.С. Определение компетенции суда по участию в процессе доказывания при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса / С.С. Лукьянов // Российский судья. – 2024. – № 2. – С 34–39.
200. Максимов, О.А. Проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на досудебной стадии уголовного процесса / О.А. Максимов // Общество и право. – 2012. – № 5 (42). – С.159–164.
201. Максимов, О.А. Место ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе / О.А. Максимов // Вестник Пермского ун-та. Юрид. науки. – 2021. – № 52. – С. 372–393.
202. Малинин, В.Б. Проблемы применения ст. 125 УПК РФ / М.Б. Малинин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 2(18). – С. 47–50.
203. Малый, А.Ф. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования / А.Ф. Малый, С.О. Логунова // Образование и право. – 2021. – №2. – С. 91–96.
204. Малышева, О.А. Судебное обжалование в досудебном уголовном производстве: пределы и порядок / О.А. Малышева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – №3. – С. 133–153.

205. Мальцева, С.Н. Залог как мера пресечения: проблемы применения / С.Н. Мальцева // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19 (1–4). № 1. – С. 111–116.
206. Манова, Н.С. Принципы и нравственные начала уголовного судопроизводства: проблемы соотношения / Н.С. Манова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 34–40.
207. Мардоян, В.С. Адвокат-защитник как субъект доказывания в суде апелляционной инстанции / В.С. Мардоян // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 6. – С. 106–109.
208. Матейчук, В.И. Порядок принесения и прохождение апелляционной жалобы в уголовном судопроизводстве / В.И. Матейчук // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2015. – № 25 (380). – С. 120–125.
209. Миргородская, Э.Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ / Э.Р. Миргородская // Российский судья. – 2021. – № 3. – С. 50–53.
210. Митькова, Ю.С. Отдельные проблемы уголовно-процессуального института обжалования в досудебном производстве по уголовным делам / Ю.С. Митькова // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 206–209.
211. Мовсесян, А.А. Проблемы процессуальной самостоятельности следователя и дознавателя / А.А. Мовсесян // Научный альманах. – 2019. – № 3-1 (53). – С. 148–150.
212. Муллахметова, Н.Е. Нравственные начала уголовного судопроизводства / Н.Е. Муллахметова // Криминологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 160–164.
213. Муратова, Н.Г. Основания и мотивы принятия апелляционных судебных решений по уголовным делам / Н.Г. Муратова, А.Р. Ишмуратов // Информационный бюллетень. – 2012. – № 12. – С. 34–36.

214. Насонова, И.А. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы / И.А. Насонова, Ю.К. Владимирова: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 151 с.

215. Николук, В.В. Институты принуждения в контексте формирования подотраслей уголовно-процессуального права / В.В. Николук // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. – С. 68–75.

216. Островская, Д.И. Некоторые вопросы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / Д.И. Островская, М.А. Днепровская // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 645–650.

217. Панокин, А.М. Конкуренция уголовно-процессуальных норм, регулирующих основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке / А.М. Панокин // Вестник ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 2 (42). – С. 105–113.

218. Панокин, А.М. Основания для отмены или изменения судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке / А. М. Панокин // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 1. – С. 52–72.

219. Петров, А.В. История развития института апелляции / А.В. Петров, А.В. Кудрявцева // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. – 2013. – №3 – С.15–20.

220. Подопригора, Д.А. Досудебное производство в деятельности адвоката / Д.А. Подопригора // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 800-летию Святого Благоверного князя Александра Невского): сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Кострома: Костромской гос. ун-т, 2021. – С. 292–297.

221. Подопригора, Д.А. Проблемные моменты участия адвоката-защитника по уголовным делам / Д.А. Подопригора // Прокуратура России на страже законности и правопорядка (к 300-летию российской прокуратуры): сб. Всерос. науч.-практ. конф. – Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. – С. 373–377.

222. Попов, А.П. Обоснованность подозрения как условие избрания мер пресечения в российском уголовном процессе / А.П. Попов, Р.Ю. Питько // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20. № 2. – С. 104-112.

223. Прилепский, Е.Т. Залог как мера пресечения: дискуссионные вопросы применения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / Е.Т. Прилепский // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 125-133.

224. Прилепский, Е.Т. Некоторые проблемные аспекты ареста имущества лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, не являющихся фигурантами уголовного дела / Е.Т. Прилепский // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. – С. 45–53.

225. Решетова, Н.Ю. Обжалование промежуточных судебных решений (по уставу уголовного судопроизводства 1864 г. и Уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации) / Н.Ю. Решетова // Современная наука. – 2014. – №4. – С. 36–39.

226. Ризаев, В.О. Развитие отечественного института пересмотра судебных решений по уголовным делам в дореволюционный период / О.В. Ризаев // Молодой ученый. – 2022. – № 22 (417). – С. 373–375.

227. Россинский, С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий / С.Б. Россинский // Вестник Томского ун-та. – 2017. – № 423. – С. 225–235.

228. Россинский, С.Б. Предмет обжалования в суд действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры: от теории к практике / С.Б. Россинский, С.А. Роговая // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 3. – С. 48–52.

229. Россинский, С.Б. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года: уроки истории / С.Б. Россинский // Современное уголовно-процессуальное

право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. В 2-х ч. – Орел: Орловский юрид. ин-т МД России им. В.В. Лукьянова, 2022. – С. 68–74.

230. Россинский, С.Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) / С.Б. Россинский // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – № 3(23). – С. 229-238.

231. Россинский, С.Б. О предмете и пределах обжалования в суде действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования и прокуратуры / С.Б. Россинский // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1 (71). – С. 29–35.

232. Рудакова, С.В. Несправедливость приговора как основание отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке по жалобе защитника / С.В. Рудакова, В.С. Мардоян (Лопотенко) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 6. – С. 130–133.

233. Рудакова, С.В. Уголовно-процессуальное обжалование в деятельности адвоката-защитника: нравственные основы, этические правила, законодательное регулирование / С. В. Рудакова // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 4(57). – С. 288–295.

234. Рудакова, С.В. Защитник и его право обжалования в досудебных стадиях уголовного процесса / С.В. Рудакова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 117–122.

235. Рудакова, С.В. Виды досудебной формы уголовно-процессуального обжалования / С.В. Рудакова // Право и политика. – 2023. – № 3. – С. 25–40.

236. Рудакова, С.В. Деятельность защитника по обжалованию в досудебных стадиях / С.В. Рудакова // Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве: монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. – С. 104–119.

237. Рудакова, С.В. Деятельность защитника по обжалованию применения меры пресечения в виде заключения под стражу / С.В. Рудакова // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 11. – С. 231–236.
238. Рудакова, С.В. Участие защитника в досудебной форме обжалования / С.В. Рудакова // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. История и право. – 2023. – Т. 13. № 2. – С. 110–124.
239. Рудакова, С.В. Формы уголовно-процессуального обжалования / С.В. Рудакова // Право и политика. 2023. – № 2. – С. 20–31.
240. Рудакова, С.В. Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг. / С.В. Рудакова: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием / сост. А. Г. Харатишвили. – СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2023. – С. 107–116.
241. Рудакова, С.В. Теоретическая конструкция обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве / С.В. Рудакова: монография / под ред. В.А. Семенцова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – 177 с.
242. Руднев, В.И. Рассмотрение судами вопросов, касающихся избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности / В.И. Руднев // Комментарий судебной практики / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Т. вып. 23. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2018. – С. 169–180.
243. Савченко, А.Н. Спорные вопросы в практике применения меры пресечения в виде заключения под стражу / А.Н. Савченко // Уголовный процесс. – 2010. – № 2 (62). – С. 10–13.
244. Саюшкина, Е.В. Обжалование судебных решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу: эффективное средство защиты или уголовно-процессуальная фикция? / Е.В. Саюшкина, В.М. Калюжина // Труды Оренбургского института (филиала) Московской гос. юрид. академии. – 2022. – № 2 (52). – С. 90–99.

245. Седова, Г.И. Некоторые вопросы обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту / Г.И. Седова, Ю.В. Францифоров // Публичное и частное право. – 2021. – № 1 (44). – С. 180–192.

246. Селина, Е.А. Участие адвоката в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса/ Е.А. Селина: монография / под науч. ред. Г.И. Загорского. – М.: Проспект, 2022. – 94 с.

247. Семенцов, В.А. Потерпевший из числа предпринимателей, которому есть что терять / В.А. Семенцов // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. – С. 85–97.

248. Семенцов, В.А. Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве: монография. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. – 185 с.

249. Сергеев, А.Б. Права и законные интересы участников уголовного судопроизводства: понятие, соотношение, степень правовой гарантированности. Постановка проблемы / А.Б. Сергеев // Вестник Челябинского гос. ун-та. – Сер.: Право. – 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 53–59.

250. Складенко, М.В. Законодательство, регламентирующее систему обжалования, проверки и исправления судебных ошибок в уголовном процессе (достижения и ошибки) / М.В. Складенко // Юридическая техника. – 2015. – №9. – С. 707– 710.

251. Складенко, М.В. Институт обжалования, проверки и пересмотра судебных решений: история и современность. Статья 2. Противоречивое поведение участников процесса / М.В. Складенко // Уголовное судопроизводство. – 2025. – № 3. – С. 32–35.

252. Собко, К.С. Гарантии независимости адвоката: некоторые вопросы теории и практики / К.С. Собко // Концепции современного образования: время перемен: сб. науч. тр. – Казань: СитИвент, 2020. – С. 89–93.

253. Спиридонов, М.С. О новых правилах доступа к сплошной кассации / М.С. Спиридонов, С.В. Сурменева // Уголовное право. – 2023. – № 8. – С. 57–65.

254. Стельмах, В.Ю. Усиленные меры пресечения в современном российском уголовном процессе / В.Ю. Стельмах // Обеспечение прав участников в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. – С. 104–109.

255. Стецовский, Ю.И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / Н.Ф. Волкодаев, В.А. Лазарева, А.А. Напреенко, Н.Ю. Черкасова, А.М. Ларин // Советское государство и право. – М.: Наука, 1990. – № 1. – С. 148–150.

256. Тарасов, А.А. Российский уголовный процесс: и инквизиционность, и состязательность / А.А. Тарасов // Юридический вестник Самарского ун-та. – 2024. – №2. – С. 64–71.

257. Тарасов, А.А. Об относительности границ публичного и частного интересов в уголовном процессе / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – №1 (79). – С. 152–163.

258. Тарасов, А.А. Основания процессуального принуждения и презумпция невиновности / А.А. Тарасов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 37–42.

259. Тарасов, А.А. Действительное и мнимое в обеспечении прав стороны защиты / А.А. Тарасов // Уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов личности: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М.: Юрлитинформ, 2025. С. 60–75.

260. Тарасов, А.А. Уголовно-процессуальная научная терминология: юридическое содержание и его словесное оформление / А.А. Тарасов // Jus Strictum. – 2025. – №. 2. – С. 22–30.

261. Телегина, А.С. Институт апелляции в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность и назначение / А.С. Телегина // Вестник науки. – 2023. – №11 (68). – С.247–252.

262. Суровцева, В.Р. Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / В.Р. Суровцева, В.В. Рябчиков // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104-10. – С. 94–96.

263. Химичева, О.В. Право на обжалование в досудебном производстве: свобода злоупотребление / О.В. Химичева, Д.В. Шаров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 3. – С. 53–59.
264. Хмелева, А.В. Морально-нравственные аспекты работы следователя / А.В. Хмелева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – №4. – С. 74–76.
265. Хроменков, И.Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства / И.Р. Хроменков, О.В. Качалова: монография. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.
266. Чупилкин, Ю.Б. Гарантии прав личности, подвергаемой уголовному преследованию / Ю.Б. Чупилкин: монография. – Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАН-ХиГС, 2025. – 288 с.
267. Чупилкин, Ю.Б. Судебный порядок рассмотрения жалоб на проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан / Ю.Б. Чупилкин // Российская юстиция. – 2021. – № 2. – С. 52-54.
268. Шабунько, Ю.А. Проблемы судейского усмотрения в уголовном процессе / Ю.А. Шабунько, Р.В. Костенко // Еромеп.Global. – 2024. – № 54. – С. 173–178.
269. Шадрина, Е.Г. Институт судебного обжалования действий и решений органов уголовного преследования требует совершенствования / Е.Г. Шадрина // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – №4 (50). – С. 149–158.
270. Шадрина, Е.Г. Дискуссионные вопросы судебного контроля при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу / Е.Г. Шадрина // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2019. – № 1. – С. 31–36.
271. Шатов, Н.А. Исключительность меры пресечения в виде заключения под стражу / Н.А. Шатов, В.Ю. Стельмах // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Орёл: Орловский юрид. ин-т МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. – С. 347–350.

272. Шатов, Н.А. Обстоятельства, необходимые для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / Н.А. Шатов // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. – 2026. – № 1(49). – С. 187–192.

273. Шеншин, В.М. Обжалование как институт российского права / В.М. Шеншин // Российский судья. – 2022. – № 7. – С. 45–49.

274. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд: монография. – Л.: Ленингр. ун-т, 1963. – 172 с.

275. Яковлева, С.А. О правовых средствах оказания защитником квалифицированной юридической помощи при применении мер процессуального принуждения / С.А. Яковлева, С.Н. Криворотов // Вестник Марийского гос. ун-та. – Сер.: «Исторические науки. Юридические науки». – 2017. – Т. 3. – № 1 (9). – С. 88–94.

276. Янин, М.Г. К вопросу о праве на обжалование в уголовном процессе в свете современного уголовно-процессуального законодательства / М.Г. Янин // Вестник Челябинского гос. ун-та. Право. – 2014. – № 20 (349). Вып. 38. – С. 137–139.

277. Яшков, С.А. О практике избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / С.А. Яшков // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 111-7. – С. 221–223.

Диссертации и авторефераты диссертаций

278. Андроник Н.А. Меры пресечения, избираемые судом по ходатайству органов предварительного расследования: проблемы правоприменения и законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Андроник Наталья Ауреловна. – Екатеринбург, 2022. – 222 с.

279. Антонович Е.К. Институт обжалования на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Антонович Елена Константиновна. – М., 2009. – 27 с.

280. Везденев К.Е. Апелляционное обжалование приговора: проблемы подготовки и оценки содержания жалоб и представлений: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Везденев Константин Евгеньевич. – Тюмень, 2022. – 232 с.

281. Волколупов В. Г. Обжалование процессуальных действий и решений или бездействия властных субъектов в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Волколупов Владимир Георгиевич. – Волгоград, 2022. – 332 с.

282. Горак Н.В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нелли Викторовна Горак. – Краснодар, 2017. – 253 с.

283. Качалов Е.В. Ограничение прав участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Качалов Егор Викторович. – М., 2025. – 259 с.

284. Колоколов Н.А. Судебный контроль в стадии предварительного расследования преступлений: важная функция судебной власти: Проблемы осуществления в условиях правовой реформы: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Колоколов Никита Александрович. – М., 1998. – 23 с.

285. Лукьянов С.С. Компетенция суда при осуществлении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Лукьянов Сергей Сергеевич. – СПб., 2025. – 396 с.

286. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Максимов Олег Александрович. – Ульяновск, 2022. – 595 с.

287. Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Муратова Надежда Георгиевна. – Екатеринбург, 2004. – 46 с.

288. Никитина С.В. Доказательственная деятельность суда при принятии процессуальных решений в досудебном производстве по уголовным делам: дис.

... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Никитина Светлана Владимировна. – Ульяновск, 2022. – 229 с

289. Носкова Е.В. Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Носкова Елена Викторовна. – Томск, 2011. – 23 с.

290. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Петров Дмитрий Евгеньевич. – Саратов, 2015. – 505 с.

291. Полякова А.В. Реализация принципа состязательности сторон в деятельности следователя и защитника в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Полякова Анна Викторовна. – М., 2024. – 36 с.

292. Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. / Рудакова Светлана Викторовна. – Краснодар, 2023. – 564 с.

293. Рудич В.В. Механизм применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Рудич Валерий Владимирович. – Ульяновск, 2020. – 538 с.

294. Русман Г.С. Судебный контроль за применением мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Русман Галина Сергеевна. – Челябинск, 2011. – 24 с.

295. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Симагина Наталья Анатольевна. – Москва, 2020. – 203 с.

296. Трухин С. А. Предмет и пределы апелляционного разбирательства уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Сергей Алексеевич Трухин. – М., 2016. – 315 с.

297. Усаров М.И. Право на жалобу как принцип уголовного процесса и средство защиты прав несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Усаров Медербек Исакович. – М., 2004. – 27 с.

298. Фетищева Л.М. Применение мер пресечения при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Фетищева Лидия Михайловна. – Н. Новгород, 2016. – 34 с.

299. Шепелин И.В. Уголовно-процессуальные обращения в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / Шепелин Иван Викторович. – Москва, 2025. – 294 с.

Иные официальные материалы и статистика

300. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

Проект Федерального закона
«О внесении изменений и дополнений
в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

**ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья 1

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) статью 53 УПК РФ дополнить частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. При избрании, изменении или продлении срока действия меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий или залога, а также обжаловании избранной меры пресечения защитник вправе:

1) представлять суду документы и иные материалы, характеризующие личность, семейное положение, состояние здоровья и социальные связи подозреваемого, обвиняемого, а также иные фактические данные, снижающие вероятность наступления последствий, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, независимо от их процессуального статуса как доказательств в смысле статьи 74 настоящего Кодекса;

2) обращаться к лицам, предоставившим сведения, указанные в пункте первом настоящей части, за письменными пояснениями, а также заявлять ходатайство о вызове данных лиц в судебное заседание;

3) заявлять в суде апелляционной инстанции ходатайство о вызове и допросе лица, предоставившего сведения, используемые в обоснование избрания, продления срока действия либо изменения меры пресечения;

4) представлять суду письменное заключение об оценке обстоятельств, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, основанное на фактических данных, указанных в пункте первом настоящей части.».

2) части 1.1 и 1.3 статьи 108 УПК РФ изменить, изложив в следующей редакции:

«1.1. Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 частями второй - четвертой, 159.1 частями второй - четвертой, 159.2 частями второй - четвертой, 159.3 частями второй - четвертой, 159.5 частями второй - четвертой, 159.6 частями второй - четвертой, 160 частями второй - четвертой, 165 частью второй и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, если не установлено, что эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией или в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Если на момент совершения указанных преступлений подозреваемый или обвиняемый обладал статусом индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации, наличие такой связи предполагается, пока стороной обвинения не доказано иное. Заключение под стражу в отношении лиц, указанных в настоящем абзаце, а также в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159 частями пятой – седьмой, 171 частью второй, 171.1 частями первой.1, второй, четвертой и шестой, 171.3 частью второй, 172 – 172.3, 173.1 частью второй, 174

частями третьей и четвертой, 174.1 частями третьей и четвертой, 176, 178 частями второй и третьей, 180 частями второй и третьей, 181 частью второй, 183 частями второй – четвертой, 185.2 частью второй, 185.3, 185.4 частью второй, 190, 191 частями второй – пятой, 191.1 частью третьей, 192, 193 частью второй, 193.1 частями второй и третьей, 194 частями второй – четвертой, 195 частями первой.1, второй.1, четвертой и пятой, 196, 197, 199 частью второй, 199.1 частью второй и 199.2 частью второй Уголовного кодекса Российской Федерации, только при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации;
- 2) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 3) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

«3.1. Если преступления, предусмотренные статьями 159 частями второй – четвертой, 159.1 частями второй - четвертой, 159.2 частями второй - четвертой, 159.3 частями второй - четвертой, 159.5 частями второй - четвертой, 159.6 частями второй - четвертой, 160 частями второй - четвертой, 165 частью второй и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершены индивидуальным предпринимателем не в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо членом органа управления коммерческой организации не в связи с осуществлением им полномочий по управлению этой организацией или не в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, то в постановлении о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу и в приложенных к данному постановлению материалах должны содержаться конкретные фактические данные, опровергающие предусмотренную частью 1.1 настоящей статьи обстоятельства, с указанием отсутствия на момент совершения деяния реальной и систематической предпринимательской деятельности; отсутствие дохода от такой деятельности; несоответствие характера вменяемых операций профилю осуществляемой деятельности.

Отсутствие в постановлении и приложенных материалах указанных данных является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства».

3) статью 389.6 УПК РФ дополнить частью 2.1 следующего содержания:

«2.1. При обжаловании судебного решения об избрании, продлении срока действия либо изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий или залога лицо, подавшее апелляционные жалобу или представление, вправе приложить к ним документы и иные материалы, не имеющие статуса доказательств, но подтверждающие либо опровергающие наличие обстоятельств, предусмотренных статьями 97 и 99 настоящего Кодекса.

Суд апелляционной инстанции обязан приобщить указанные материалы, а также материалы и письменные пояснения, представленные защитником в соответствии с пунктами 1, 2 и 4 части 1.1 статьи 53 настоящего Кодекса, к материалам уголовного дела и дать им оценку в судебном решении. Ходатайство о вызове и допросе лица, заявленное защитником в соответствии с пунктом 3 части 1.1 статьи 53 настоящего Кодекса, подлежит удовлетворению судом апелляционной инстанции, если сведения, предоставленные данным лицом, не получили в суде первой инстанции надлежащей проверки либо суд вправе отказать в удовлетворении такого ходатайства, мотивировав такой отказ».

4) дополнить УПК РФ статьей 389.15.1 следующего содержания:

«Статья 389.15.1. Основания отмены или изменения в апелляционном порядке судебного решения об избрании, продлении срока действия либо изменении меры пресечения

Основаниями отмены или изменения судом апелляционной инстанции судебного решения об избрании, продлении срока действия либо изменении меры пресечения являются:

1) несоответствие выводов суда о наличии оснований, предусмотренных статьей 97 настоящего Кодекса, фактическим данным, указывающим на причастность лица к преступлению либо на реальную возможность наступления предусмотренных ею последствий;

2) неучет обстоятельств, указанных в статье 99 настоящего Кодекса, либо представленных в судебном заседании участниками стороны защиты или обвинения фактических данных, подтверждающих или опровергающих основания для избрания меры пресечения, предусмотренных частью 1 статьи 97 настоящего Кодекса;

3) выводы суда, основанные на сведениях, не исследованных в судебном заседании, в том числе на результатах оперативно-розыскной деятельности, представленных с нарушением статьи 89 настоящего Кодекса;

4) несоразмерность избранной меры пресечения установленным основаниям и целям, предусмотренным статьей 97 настоящего Кодекса, в том числе в случае отсутствия обоснования невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения

5) неустановление судом отсутствия связи инкриминируемого деяния с осуществлением обвиняемым (подозреваемым), являющимся индивидуальным предпринимателем либо членом органа управления коммерческой организации, предпринимательской деятельности, необходимой для применения части 1.1 статьи 108 настоящего Кодекса;

6) неприменение судом положений части 1.1 статьи 108 настоящего Кодекса при наличии в представленных материалах сведений о том, что обвиняемый (подозреваемый) является индивидуальным предпринимателем либо членом органа управления коммерческой организации».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации

Приложение 2

Адвокату-защитнику _____

(Ф.И.О. адвоката)

от _____

(Ф.И.О. доверителя)

по уголовному делу № _____

**ЗАЯВЛЕНИЕ
об отказе от обжалования**

В отношении меня подозреваемого / обвиняемого в совершении преступления(-ий), предусмотренного (-ых) _____ УК РФ «____» _____ года судом было вынесено решение _____, в соответствии с которым _____.

Во исполнение пункта 9 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, согласно которому адвокат обязан обжаловать задержание, избрание ему меры пресечения, продление срока содержания под стражей или срока домашнего ареста, применение к подзащитному иных мер процессуального принуждения, другие решения и действия (бездействие), нарушающие права и законные интересы подзащитного, отказ подзащитного от обжалования должен быть зафиксирован письменным заявлением.

Мне разъяснены суть принятого решения, его правовые последствия, а также право на его обжалование, однако в связи с тем, что я согласен с принятым решением, заявляю о своем отказе от его обжалования и прошу своего защитника апелляционную жалобу не подавать.

« ____ » _____ года

(подпись)_____
(ФИО доверителя)

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»
Кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора**

**Анкета
для заполнения судьями, прокурорами, следователями,
дознавателями, адвокатами**

Уважаемые коллеги!

В рамках диссертационного исследования на тему «Апелляционное обжалование решений о заключении под стражу как условие обеспечения адвокатом права на защиту» проводится опрос практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере уголовного судопроизводства.

Цель опроса заключается в выявлении особенностей апелляционного обжалования судебных решений об избрании, продлении либо изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, определении достаточности оснований такого обжалования, а также в анализе роли и процессуального потенциала защитника при апелляционном обжаловании указанных решений, в том числе в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

В связи с этим приглашаем Вас к участию в исследовании современных проблем законодательного регулирования и практики апелляционного обжалования решений о мере пресечения в виде заключения под стражу. Мы будем признательны, если Вы внимательно прочитаете вопросы анкеты и ответите на них.

Анкета носит анонимный характер. Все полученные сведения будут использованы исключительно в обобщенном виде в научных целях.

Порядок заполнения анкеты:

1. Анкета заполняется лицами, имеющими профессиональный опыт участия в уголовном судопроизводстве.
2. Указание фамилии не требуется, что позволит надеяться на достоверность и объективность ответов.
3. К каждому вопросу даны варианты ответов, Вы можете выбрать один или несколько вариантов ответов.
4. Незаполненная строка предполагает возможность формулирования Вашего варианта ответа по некоторым вопросам анкеты.

Перечень вопросов анкеты:

Вопрос 1. Укажите Ваш профессиональный статус:

- 1) Адвокат.
- 2) Судья.
- 3) Прокурор.
- 4) Следователь или дознаватель.

Вопрос 2. Кто наиболее чаще пользуется правом обжалования в стадиях досудебного производства?

- 1) Участники уголовного судопроизводства.
- 2) Лица, чьи интересы затрагиваются производимыми процессуальными действиями и принимаемыми решениями.
- 3) Любой участник уголовного судопроизводства.
- 4) Адвокат.
- 5) Прокурор.
- 6) Следователь и дознаватель.

Вопрос 3. Считаете ли Вы, что необходимо законодательное расширение процессуальных возможностей для адвокатов при обжаловании действий (бездействия) и решений в досудебном производстве?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 4. Считает ли Вы, что адвокат вправе самостоятельно инициировать обжалование процессуальных решений в досудебном производстве?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 5. Считаете ли Вы, что общие основания апелляционного обжалования судебных решений (ст. 389.15–389.18 УПК РФ), рассчитанные на проверку приговора, в полной мере применимы к обжалованию решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу?

- 1) Да, действующие основания достаточны.
- 2) Нет, для данной категории решений необходимы специальные основания обжалования.
- 3) Затрудняюсь ответить.

Вопрос 6. Поддерживаете ли Вы предложение о дополнении УПК РФ самостоятельной статьей 389.15.1, устанавливающей специальные основания апелляционного обжалования решений о заключении под стражу (несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам; неучет обстоятель-

ств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ; использование сведений, не исследованных в судебном заседании; несоразмерность избранной меры пресечения)?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 7. Как часто, по Вашему опыту, суды при избрании заключения под стражу обосновывают риски, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, произвольным предположением, не подтвержденным конкретными фактическими данными?

- 1) Часто.
- 3) Редко.
- 4) Никогда.
- 5) Затрудняюсь ответить.

Вопрос 8. Поддерживаете ли Вы предложение о закреплении за защитником права представлять суду документы и иные материалы, характеризующие личность, состояние здоровья, семейное положение и социальные связи подозреваемого (обвиняемого), независимо от их процессуального статуса как доказательств?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 9. Считаете ли Вы необходимым закрепить за защитником право заявлять в суде апелляционной инстанции ходатайство о вызове и допросе лица, предоставившего сведения, положенные в основу обжалуемого решения о мере пресечения, если эти сведения не получили в суде первой инстанции надлежащей проверки?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 10. Что, по Вашему мнению, в наибольшей степени влияет на реализацию права обвиняемого на защиту при обжаловании заключения под стражу?

- 1) Активность и профессионализм защитника.
- 2) Полнота и качество материалов, представленных защитником суду.
- 3) Объективность и непредвзятость суда апелляционной инстанции.
- 4) Нормативная урегулированность оснований апелляционного обжалования.
- 5) Иное (указать) _____

Вопрос 11. Должна ли деятельность предпринимателя (осуществление экономической деятельности обвиняемого) учитываться судом при избрании или продлении меры пресечения?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 12. Поддерживаете ли Вы предложение о закреплении в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ опровержимой презумпции связи инкриминируемого деяния с осуществлением предпринимательской деятельности (при доказанности статуса индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации на момент совершения деяния), с возложением бремени опровержения такой презумпции на сторону обвинения?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 13. Отражается ли процессуальная активность защитника при обжаловании на законность досудебного производства?

- 1) Да.
- 2) Нет.

Вопрос 14. Какие основные проблемы возникают при реализации права на обжалование меры пресечения в виде заключения под стражу? (возможен множественный выбор)

- 1) Формальный подход к рассмотрению жалоб.
- 2) Затягивание сроков рассмотрения.
- 3) Противодействие со стороны органов расследования.
- 4) Отсутствие единообразной практики.
- 5) Отсутствие единых законодательных требований к жалобе.

Вопрос 15. Какие направления совершенствования процессуального порядка апелляционного обжалования меры пресечения считаете наиболее актуальными?

- 1) Закрепление специальных оснований апелляционного обжалования решений о мере пресечения (ст. 389.15.1 УПК РФ).
- 2) Расширение полномочий защитника по представлению суду материалов, не имеющих статуса доказательств (ст. 53 УПК РФ).
- 3) Закрепление обязанности суда апелляционной инстанции мотивированно оценивать представленные защитником материалы (ст. 389.6 УПК РФ).
- 4) Усиление требований к мотивированности апелляционных постановлений по жалобам на решения о мере пресечения.
- 5) Иное (указать) _____

Результаты анкетирования
146 респондентов в абсолютных цифрах и процентах
(16 судей, 31 работник органов прокуратуры, 37 следователей
и дознавателей и 62 адвоката)

Вопрос 1.

Участники анкетирования	Укажите Ваш профессиональный статус
Всего	146 (100%)
Адвокаты	62 (42,4%)
Судьи	16 (10,9%)
Прокуроры	31 (21,2%)
Следователи / дознаватели	37 (25,3%)

Вопрос 2.

Участники анкетирования	Кто наиболее часто пользуется правом обжалования в стадиях досудебного производства?					
	Участники уголовного судопроизводства	Лица, чьи интересы затрагиваются производимыми процессуальными действиями и принимаемыми решениями	Любой участник уголовного судопроизводства	Защитник	Прокурор	Следователь и дознаватель
Всего	31 (21,2%)	87 (59,6%)	24 (16,4%)	4 (2,7%)	0	0
Адвокаты	6 (9,6%)	46 (74,2%)	6 (9,6%)	4 (6,5%)	0	0
Судьи	1 (6,2%)	8 (50%)	7 (43,7%)	0	0	0
Прокуроры	14 (45,1%)	14 (45,1%)	3 (9,7%)	0	0	0
Следователи / дознаватели	10 (27%)	19 (51,3%)	8 (21,6%)	0	0	0

Вопрос 3.

Участники анкетирования	Считаете ли Вы, что необходимо законодательное расширение процессуальных возможностей для адвокатов при обжаловании действий (бездействия) и решений в досудебном производстве?	
	Да	Нет
Всего	101 (69,2%)	45 (30,8%)
Адвокаты	58 (93,5%)	4 (6,5%)
Судьи	11 (68,7%)	5 (31,3%)
Прокуроры	23 (74,2%)	8 (25,8%)

Следователи / дознаватели	9 (24,3%)	28 (75,7%)
---------------------------	-----------	------------

Вопрос 4.

Участники анкетирования	Считает ли Вы, что адвокат вправе самостоятельно инициировать обжалование процессуальных решений в досудебном производстве?	
	Да	Нет
Всего	115 (78,8%)	31 (21,2%)
Адвокаты	58 (93,5%)	4 (6,5%)
Судьи	11 (68,7%)	5 (31,3%)
Прокуроры	21 (67,7%)	10 (32,3%)
Следователи / дознаватели	25 (67,6%)	12 (32,4%)

Вопрос 5.

Участники анкетирования	Считаете ли Вы, что общие основания апелляционного обжалования судебных решений (ст. 389.15–389.18 УПК РФ), рассчитанные на проверку приговора, в полной мере применимы к обжалованию решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу?		
	Да, действующие основания достаточны	Нет, для данной категории решений необходимы специальные основания обжалования	Затрудняюсь ответить
Всего	33 (22,6%)	110 (75,3%)	3 (2%)
Адвокаты	4 (6,5%)	58 (93,5%)	0
Судьи	12 (75%)	4 (25%)	0
Прокуроры	21 (67,7%)	8 (25,8%)	2 (6,5%)
Следователи / дознаватели	29 (78,4%)	7 (18,9%)	1 (2,7%)

Вопрос 6.

Участники анкетирования	Поддерживаете ли Вы предложение о дополнении УПК РФ самостоятельной статьей 389.15.1, устанавливающей специальные основания апелляционного обжалования решений о заключении под стражу (несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам; неучет обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ; использование сведений, не исследованных в судебном заседании; несоразмерность избранной меры пресечения)?	
	Да	Нет
Всего	78 (53,4%)	68 (46,6%)
Адвокаты	56 (90,3%)	6 (9,7%)

Судьи	5 (31,2%)	11 (68,8%)
Прокуроры	9 (29,0%)	22 (71,0%)
Следователи / дознаватели	8 (21,6%)	29 (78,4%)

Вопрос 7.

Участники анкетирования	Как часто, по Вашему опыту, суды при избрании заключения под стражу обосновывают риски, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, произвольным предположением, не подтвержденным конкретными фактическими данными?			
	Часто	Редко	Никогда	Затрудняюсь ответить
Всего	51 (34,9%)	59 (40,4%)	24 (16,4%)	12 (8,2%)
Адвокаты	40 (64,5%)	15 (24,2%)	2 (3,2%)	5 (8,1%)
Судьи	2 (12,5%)	9 (56,2%)	4 (25,0%)	1 (6,2%)
Прокуроры	5 (16,1%)	17 (54,8%)	6 (19,4%)	3 (9,7%)
Следователи / дознаватели	4 (10,8%)	18 (48,6%)	12 (32,4%)	3 (8,1%)

Вопрос 8.

Участники анкетирования	Поддерживаете ли Вы предложение о закреплении за защитником права представлять суду документы и иные материалы, характеризующие личность, состояние здоровья, семейное положение и социальные связи подозреваемого (обвиняемого), независимо от их процессуального статуса как доказательств?	
	Да	Нет
Всего	82 (56,2%)	64 (43,8%)
Адвокаты	62 (100%)	0
Судьи	9 (56,2%)	7 (43,8%)
Прокуроры	7 (22,6%)	24 (77,4%)
Следователи / дознаватели	4 (10,8%)	33 (89,2%)

Вопрос 9.

Участники анкетирования	Считаете ли Вы необходимым закрепить за защитником право заявлять в суде апелляционной инстанции ходатайство о вызове и допросе лица, предоставившего сведения, положенные в основу обжалуемого решения о мере пресечения, если эти сведения не получили в суде первой инстанции надлежащей проверки?	
	Да	Нет
Всего	79 (54,1%)	67 (45,9%)
Адвокаты	59 (95,2%)	3 (4,8%)

Судьи	7 (43,8%)	9 (56,2%)
Прокуроры	8 (25,8%)	23 (74,2%)
Следователи / дознаватели	5 (13,5%)	32 (86,5%)

Вопрос 10.

Участники анкетирования	Что, по Вашему мнению, в наибольшей степени влияет на реализацию права обвиняемого на защиту при обжаловании заключения под стражу?			
	Активность и профессионализм защитника	Полнота и качество материалов, представленных защитником суду	Объективность и непредвзятость суда апелляционной инстанции	Нормативная урегулированность оснований апелляционного обжалования
Всего	39 (26,7%)	38 (26%)	30 (20,5%)	39 (26,7%)
Адвокаты	17 (27,4%)	19 (30,6%)	5 (8,1%)	21 (33,9%)
Судьи	4 (25,0%)	3 (18,8%)	6 (37,5%)	3 (18,8%)
Прокуроры	8 (25,8%)	5 (16,1%)	12 (38,8%)	6 (19,4%)
Следователи / дознаватели	10 (27,0%)	11 (29,7%)	7 (18,9%)	9 (24,3%)

Вопрос 11.

Участники анкетирования	Должна ли деятельность предпринимателя (осуществление экономической деятельности обвиняемого) учитываться судом при избрании или продлении меры пресечения?	
	Да	Нет
Всего	121 (82,9%)	25 (17,1%)
Адвокаты	62 (100%)	0
Судьи	10 (62,5%)	6 (37,5%)
Прокуроры	25 (80,6%)	6 (19,4%)
Следователи / дознаватели	24 (64,8%)	13 (45,2%)

Вопрос 12.

Участники анкетирования	Поддерживаете ли Вы предложение о закреплении в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ опровержимой презумпции связи инкриминируемого деяния с осуществлением предпринимательской деятельности (при доказанности статуса индивидуального предпринимателя либо члена органа управления коммерческой организации на момент
-------------------------	---

	совершения деяния), с возложением бремени опровержения такой презумпции на сторону обвинения?	
	Да	Нет
Всего	82 (56,2%)	64 (43,8%)
Адвокаты	62 (100%)	0
Судьи	10 (62,5%)	6 (37,5%)
Прокуроры	6 (19,4%)	25 (80,6%)
Следователи / дознаватели	4 (10,8%)	33 (89,2%)

Вопрос 13.

Участники анкетирования	Отражается ли процессуальная активность защитника при обжаловании на законность досудебного производства?	
	Да	Нет
Всего	96 (65,8%)	47 (34,2%)
Адвокаты	44 (71%)	18 (29%)
Судьи	11 (68,7%)	5 (31,3%)
Прокуроры	18 (58%)	13 (42%)
Следователи / дознаватели	23 (62,2%)	14 (37,8%)

Вопрос 14.

Участники анкетирования	Какие основные проблемы возникают при реализации права на обжалование меры пресечения в виде заключения под стражу? (возможен множественный выбор)¹				
	Формальный подход к рассмотрению жалоб	Затягивание сроков рассмотрения	Противодействие со стороны органов расследования	Отсутствие единообразной практики	Отсутствие единых законодательных требований к жалобе
Всего	90 (61,6%)	31 (21,2%)	52 (35,6%)	60 (41%)	42 (28,8%)
Адвокаты	53 (85,5%)	16 (25,8%)	45 (72,5%)	26 (42%)	11 (17,7%)
Судьи	6 (37,5%)	0	5 (31,3%)	10 (62,5%)	10 (62,5%)
Прокуроры	15 (48,4%)	4 (13%)	0	15 (48,4%)	4 (13%)

¹ Допускается более одного ответа

Следователи / дознаватели	16 (43,2%)	11 (29,7%)	2 (5,4%)	9 (24,3%)	17 (45,9%)
------------------------------	------------	------------	----------	-----------	------------

Вопрос 15.

Участники анкетирования	Какие направления совершенствования процессуального порядка апелляционного обжалования меры пресечения считаете наиболее актуальными?			
	Закрепление специальных оснований апелляционного обжалования решений о мере пресечения (ст. 389.15.1 УПК РФ)	Расширение полномочий защитника по представлению суду материалов, не имеющих статуса доказательств (ст. 53 УПК РФ)	Закрепление обязанности суда апелляционной инстанции мотивированно оценивать представленные защитником материалы (ст. 389.6 УПК РФ).	Усиление требований к мотивированности апелляционных постановлений по жалобам на решения о мере пресечения
Всего	49 (33,6%)	46 (31,5%)	32 (21,9%)	20 (13,7%)
Адвокаты	3 (4,8%)	39 (63%)	13 (21%)	7 (11,3%)
Судьи	7 (43,7%)	3 (18,7%)	6 (37,5%)	0
Прокуроры	12 (38,7%)	0	9 (29%)	11 (35,5%)
Следователи / дознаватели	27 (73%)	4 (10,8%)	4 (10,8%)	2 (5,4%)